

К.Н.Бугаева (Васильева)
ДНЕВНИК 1929 года

Предисловие Е.В.Наседкиной.
Подготовка текста и примечания Е.В.Наседкиной
и Е.Н.Щелоковой*

Весну и лето 1929 Андрей Белый и Клавдия Николаевна Васильева (урожд. Алексеева, с 1931 Бугаева; 1886–1970)[1] провели на Кавказе. Это было уже их третье и последнее кавказское путешествие. Первое состоялось в 1927 (с 12 апреля по 22 июня), второе – в 1928 (со 2 мая по 16 июня).

Все дорожные впечатления, мысли, встречи находили отражение в дневниках К.Н.Васильевой. Дневники 1927 и 1928 годов были опубликованы в 7-м выпуске альманаха «Лица»[2]. Данная публикация представляет путевые записи 1929 года.

***

К поездке 1929 Белый и Васильева готовились заранее. Об этом велась переписка с М.С.Сарьяном: «Армения нас живо разволновала; хочется <...> приникнув ухом к ее земле, всячески ее почувствовать: и природу, и людей, и историю, и древности, и современность; не урвать факты для "очерка", а, может быть, собрать материал для очерков, но писать их – потом, когда разгружусь от дел; и вместе с тем хочется пожить в Армении и для отдыха...»[3]. Т.Табидзе звал в Грузию: «Все мы Вас привыкли считать старожилом Грузии и каждый раз за эти три года ждем лето, чтобы иметь радость видеть Вас под нашим солнцем...»[4].

Путешествие началось 26 апреля. И хотя не все зимние планы удались (сорвались поездки в Джульфу, Шови, Кахетию, по Военно-Грузинской

---

* Часть 1-я дневника подготовлена Е.В.Наседкиной, часть 2-я – Е.В.Наседкиной и Е.Н.Щелоковой.

[1] Подробнее о ней см. в предисловии Дж. Малмстада к кн.: *Бугаева К.Н.* Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисл. и коммент. Дж. Малмстада; Подгот. текста Е.М.Варенцовой и Дж. Малмстада; Научн. ред. И.Г.Кравцова. СПб., 2001. В дальнейшем – Воспоминания.

[2] *Бугаева (Васильева) К.Н.* Дневник. 1927–1928 / Предисл., публ. и коммент. Н.С.Малинина // Лица: Биографический альманах. Вып.7. М.; СПб., 1996. С.191-316. В дальнейшем – Лица 7.

[3] *Андрей Белый.* Армения: Очерк, письма, воспоминания / Сост., вступ. ст., примеч. Н.Гончар. Ереван, 1985. С.98 (письмо от 10 марта 1929).

[4] *Табидзе Т.* Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1964. С.238 (письмо от 16 апреля 1929).

дороге и др.), но тем не менее за три с половиной месяца Белый и побывали и в Армении и в Грузии. 30 апреля спутники приехали в Эривань, где оставались почти месяц, и за это время посетили ряд историко-культурных памятников армянской земли. Они совершили поездки в Канакер (2 мая), в Аштарак (7 мая), посетили Дара-Чичаг (10 мая), Гегард и Гарни (15–16 мая). 21 мая Белый и Васильева отправились в Тифлис, где прожили неделю в доме Тициана Табидзе; 28–31 мая совершили переезд Тифлис – Батум (поездом), Батум – Сухум (пароходом), Сухум – Гагры – Адлер (автобусом), Адлер – Красная Поляна (машиной). В Красной Поляне путешественники пробыли до 28 июня, а затем предприняли разными видами транспорта долгий и утомительный переезд, занявший 6 дней: Красная Поляна – Адлер – Гагры – Поти – Батум – Кутаис – Тифлис. 2–11 июля находились в Тифлисе, а остаток месяца и первую половину августа провели в Коджорах; 12 августа вернулись в Тифлис, а 21 – выехали в Москву.

Встречи со старыми друзьями (М.С.Сарьяном, Т.Табидзе, Г.Робакидзе и др.) и новые знакомства (с крупными армянскими поэтами И.Иоаннисяном, А.Исаакяном и др.), острые переживания восторга и горести (известие о смерти друга, немецкого антропософа М.Бауэра), болезни, тревоги – все это нашло отражение в публикуемых материалах.

В дневниках К.Н.Васильевой немалое место занимают описания природных и культурных достопримечательностей. Зафиксированы и дорожные трудности, бытовые невзгоды, выпадавшие на долю путешественников, а также непосредственная бурная реакция Белого на эти «злобы дня». Однако не только внешняя сторона жизни, но также духовный и душевный ландшафт лета 1929 года детально представлен в этих записях. В них содержатся ценные сведения о творческой работе Белого (например, над ритмической кривой поэмы Пушкина «Кавказский пленник»), о его философских раздумьях и антропософских взглядах, о круге чтения и общения, а также о многом другом, без чего представления о «позднем» Андрее Белом были бы не полны.

Вернулись Белый и Васильева в Москву 24 августа. В письме к Иванову-Разумнику от 31 августа 1929 К.Н.Васильева так характеризовала проведенное на Кавказе время: «Лето у нас было странное. Двустороннее какое-то...»[5]. В последние дни августа Белый в «Ракурсе к дневнику» также подвел итоги пережитому:

> Синтезируя свои впечатления от нашей летней поездки (май–август), скажу: она была на этот раз довольно мучительно<й>; но она дала незабываемые минуты, серьезнейшие, которые сказались поздней; недаром мысли о горах, перспективе, пространстве и глазным образом, и познавательно занимали внимание. Глаз многому научился <...> перспектива и колорит – вот что было нам с Клавдией Николаевной познавательной данностью; и эта данность сказалась и в *красках* 3-ей части «Москвы» («Маски Москвы»); красочно она – но-

[5] РГАЛИ. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24.

вая; и это *новое* – вытяжка из глазных впечатлений лета. Другой смысл поездки – более конкретное отношение к душам людей, с которыми встречались, главным образом с Табидзе и его женой <...>. За лето встречались со следующими: Мравьян, доктор Аванесов, Сарьян с женой, Лина Шагинян, Хачатрян, Ованес Ованесьян, дочь Туманьян<а>, проф. Колонтар, проф. Акуньян с женой, проф. Медникьян, акад. Таманов, Атаносьян, Хорен, Фортунатов, Кеоркьян, Левоньян, Исакиан, Айвазян, поэт Хорен (это в Армении); Яшвили с женой, Табидзе, Нина Алекс<андровна> Табидзе, ее мать, Лидия Павловна Сильникова с дочерью, Григорий Робакидзе с женой, Леонидзе с женой, Колау Надирадзе с женой, Шаншиашвили с женой, Джавахишвили, Абашидзе, Чернявский, Хелашвили, Лордкипанидзе, его жена, Виктор Шкловский, Е.Николаева, Анико Абдушешвили, Гидони, Пирумов, Гогоберидзе, Л.В.Каликина, художник Спасский, проф. Микеладзе, проф. Андроников, А.И.Чхеидзе, Е.Д.Гогоберидзе (это – в Грузии). Встреча с проф. Шмелевским (Красная Поляна)[6].

3 декабря 1929 Белый писал Т.Табидзе: «Мы вернулись с Кавказа с чувством глубокого удовлетворения, перевешивающим наши кавказские неудачи; и это удовлетворение от того, что было реальное чувство большого сближения в истинно человеческом с Вами, с Ниной Александровной, <...> с Паоло»[7], а Табидзе в ответ признавался Белому: «Нам кажется, что наши горы ждали Вашего вдохновения»[8].

***

Творческим отчетом Белого о поездке 1927 года стала книга «Ветер с Кавказа»[9]. Впечатления 1928 года частично изложены в очерке «Армения»[10]. Путешествие 1929 года в сохранившихся текстах Белого отражено в значительно меньшей степени, что придает публикуемым материалам особую ценность. Некоторые конспективные сведения об этом периоде жизни писателя содержатся в его «Записной книжке»[11] и в «Ракурсе к дневнику»[12]. Непосредственные впечатления того времени зафиксированы в письмах к Иванову-Разумнику[13] и П.Н.Зайцеву[14]. Немного писала о путешествии 1929

---

[6] РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.145об.-146.

[7] *Табидзе Т.* Статьи, очерки, переписка. С.241.

[8] РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.277 (письмо от 5 декабря 1929).

[9] *Андрей Белый.* Ветер с Кавказа: Впечатления. М., 1928. В дальнейшем – Ветер с Кавказа.

[10] *Андрей Белый.* Армения: Очерк // Красная новь. 1928. №8. С.193-258.

[11] РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.101.

[12] Там же. Ед. хр.100.

[13] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В.Лаврова и Дж. Мальмстада; Подгот. текста Т.В.Павловой, А.В.Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. В дальнейшем – Переписка.

[14] А.Белый и П.Н.Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.258-292; Вып.14. С.439-498.

года в «Воспоминаниях о Белом» и сама К.Н.Бугаева. Эти источники использовались при составлении комментариев.

Неоценимая помощь в работе была оказана нам С.В.Казачковым: его постоянные консультации помогли разобраться в ряде вопросов, связанных с антропософией. Мы также благодарим за ценные советы и помощь А.Г.Бойчука, Л.А.Новикова и М.Л.Спивак, при непосредственном участии которой была подготовлена данная публикация.

***

Публикуемый дневник хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф.25. Карт.38. Ед.хр.3-4). Это – рукопись в двух тетрадях. Первая (ед.хр.3) охватывает период с 26 апреля по 10 июля; вторая (ед.хр.4) – период с 11 июля по 17 августа 1929. В соответствии с этим мы разделили публикацию на две части.

К.Н.Васильева (Бугаева) сдала дневники в архив уже после смерти Белого и рассматривала их прежде всего в качестве материала к его биографии. Поэтому она позволила себе уничтожить (зачеркнуть, вырезать или вырвать) ряд записей, не имеющих, по ее представлению, отношения к теме. На первом листе первой тетради вверху сделана помета карандашом: «Вычеркиваю места с темами: мама[15], Петя[16] *и пр.*». Кроме того, ее «внутренней цензуре» подверглись две записи, касающиеся осложнений в отношениях Белого с Ивановым-Разумником (обе – во второй тетради). Примерный смысл этих фрагментов, содержащих, по-видимому, идейные претензии Белого к Иванову-Разумнику, угадывается по контексту. Безусловно, изъятия связаны с судьбой самого Иванова-Разумника (его арестами, ссылками и депортацией в Германию). Возможно, К.Н.Васильева не хотела оставлять негативные высказывания Белого в адрес репрессированного друга, чтобы не запятнать моральный облик мужа[17].

Вымаранные, не подлежащие прочтению фрагменты отмечены в тексте знаком купюры; подлежащие прочтению и содержательные зачеркнутые фрагменты восстановлены в тексте в квадратных скобках.

В публикации сохранены характерные приметы авторского стиля и некоторые особенности пунктуации. Орфография приведена в соответствие с современными нормами. Курсивом выделены места, подчеркнутые К.Н.Васильевой или авторами цитируемых текстов.

---

[15] Анна Алексеевна Алексеева (1860–1942).

[16] Петр Николаевич Васильев (1885–1976) – муж К.Н.Васильевой (с 1909 по 1931).

[17] Аналогичной «редактуре» К.Н.Бугаева подвергла и дневниковые записи самого Белого 1933 года. См.: Последняя осень Андрея Белого. Дневник 1933 г. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. М.Л.Спивак // Новое литературное обозрение. 2000. №6(46). С.178-215.

Часть 1
26 апреля – 10 июля 1929

26/IV

Выехали-таки – вырвались – через все. Волненья до самого конца. На вокзале уже оказалось, что забыла свой несессер… Тревога. Даня[1] помчалась за ним на авто… Сели в волненьях. Понемногу все успокоились. В вагоне тепло. За окнами остатки снега и солнце. Спутники тихие. Хорошо. И – через все – спокойно.

27/IV

Проехали Харьков. Свежо, но не холодно. Начинаем снимать с себя зимние шкурки. Выбегаем на станциях. Охватывает весна. Душистый воздух с полей. За Ростовом порхнула первая лимонная бабочка. Погода радует. – Один из спутников – бывший ученик Вл<адимира> Н<иколаевича> Т<атаринова>[2]. Знает и любит М<ихаила> Ал<ександровича Чехова>[3]. Говорим с ним о театре. Он очень сентиментален. Читаем, смотрим в окно. Ходим питаться в вагон-ресторан. Б.Н. против «домашнего хозяйства» в вагоне.

28/IV Минер<альные воды>

Уже жаркое солнце. Едем без приключений. Отдых во всем. Мешает немного «бакинская дама» из тех, что на склоне лет любит рассказывать о своих бывших победах, но и теперь не прочь.

29/IV Тифлис[4]

Л<идия> П<авловна Сильникова>[5] встретила на вокзале, отправились к ней на трамвае. Знакомый вечерний Тифлис[6]. Но он как-то прошел незаметно. Ждешь Армении, и к Тифлису – рассеянность. У Л<идии> П<авловны> посидели, очень хорошо. Уютный подвальчик. Чудесный пес. Облаял Б.Н. – чем очень задел и «обидел». Только потом смилостивился и доверчиво положил лапу на ноги Б.Н. Мир водворился. – В 12 ночи снова тронулись – в Эривань.

30/IV Караклис

Усталость сказалась. И Алаверды с Лорийским ущельем[7] почти проспали. Зато – свежее восприятие Караклиса и дальше. Утро чудное. Амфитеатр снегом покрытых хребтов. Снега почти у полотна железной дороги – так мы поднялись. После Караклиса – безлесные

горы – запели хоралами Баха. Впечатленье не меньше, чем в прошлом году. – Приятное знакомство со старушкой армянкой Вермишевой, уроженкой из Санаина[8]. Она подошла к Б.Н.: «Позвольте вас поблагодарить за вашу прекрасную статью. Ведь это вы написали об Армении[9]… Спасибо. Вы поняли нашу душу...». И т. д. Разговор завязался. Она едет к сыну в Ленинакан[10]. Сама музыкантша. Очень культурна. – Сын ее встретил. Познакомились. Он пригласил Б.Н. осмотреть текстильный завод в Ленинакане – где он служит. Это уже второе приглашенье. Забыла, что еще прежде, до Тифлиса, Б.Н. разговорился с молодым инженером, который едет на разработки туфа под Алагез[11]. Он приглашал тоже. Удивлялись с Б.Н., как тональность Армении повторяется: все очень sáchlich[12]. Без особенных слов и излияний. Но конкретно и содержательно. «Вот тебе матерьял! А ты уже делай с ним, что хочешь».

– По-прежнему захватил Кара-бурун[13]. Что-то призрачное и зримо незримое. В непередаваемой игре теней и воздуха буро-красный остров под серебристо-зеленым плоскогорьем на фоне черно-синих и фиолетовых дальних хребтов. А сверху и сбоку сквозные просветы и отсветы с игрой перламутра. Вместе же все: так покойно, так недвижно, так невесомо, что не веришь в осязаемость этой картины. Словно перед тобой только образ воспоминания… – Алагез был закрыт. С него шла гроза. И охватила-таки нас, – как и в прошлом году – за Кара-буруном. Поднялся свист ветра – знакомый уже… Забил по крыше дождь… Впрочем, ненадолго. – Возник Арарат[14] – окутанный облачным дымом. Тот же трепет… то же усилие увидеть, схватить происходящее за порогом сознания… И то же бессилие… Воздействие слишком мощно. Душа слишком слаба. Слаба связать два потока восприятий: эмпирический, четкий и острый – с огромным наплывающим и влекущим из далей времени. Точно в ауре прошлого – каждый предмет… Напряженность всех восприятий. И отсюда: усталость. От них устаешь. Они поднимают внутри какую-то работу, какие-то жесты, движения – в ответ.

Эривань[15]

М<артирос> С<ергеевич Сарьян>[16] встретил на вокзале и повез прямо в гостиницу, где для Б.Н. от наркомпроса был любезно задержан номер. – Вид опять по-прошлогоднему: на Алагез. – Оставшись вдвоем, как-то притихли. От силы впечатлений. Чувство свободы и отдыха. Тепло. Тепло. По-нашему – лето. Все цветет. Цветут персики. – В гостинице очень удобно. Внизу ресторан. Чай пока ходим пить в кафе. Но обещают давать кипяток.

1/V Эривань

Проснулись под шум голосов, музыку, крики, свистки. Праздничный день. Смотрели с балкона на проходящие мимо колонны комсомольцев. Пестрота спортивных костюмов. Много детей. Группа турецких армян, пестро разодетая, в болтающихся широченных штанах… очень красиво расшитых, похожих на скатерти или платки. В разных местах – группы танцующих. Сплетаясь руками в один сплошной круг, притоптывали и ритмически двигались туда и сюда – впрочем, без резких движений. – Прогулки с М<артиросом> С<ергеевичем> по душистым цветущим садам. В цвету персики, яблони, груши. «Какая сила в этом розовом. Краской не передашь! Или – олеография. Или нужно много искать…» – повторял Март<ирос> С<ергеевич>. Возвращались тропинками через сады и по склону Канакерского шоссе. Вид на город внизу, на Арарат и долину Аракса. – Обедали у М<артироса> С<ергеевича>. Подали национальное блюдо: мясные колбаски, завернутые в тонкий, как бумага, чурек: люли-кебаб[17]. Б.Н. очень понравилось. – Рассказы бывшего капитана-«подрывника». Добродушнейший человек с беззаботной улыбкой выкладывал ужас за ужасом. «Дайте мне две пироксилиновые шашки, и я взорву этот дом…» – «А построишь ли?» – шутил М<артирос> С<ергеевич>. Рассказ бесконечен. Люси Лаз<аревна>[18] боялась, что Б.Н. скучает и слушает только из вежливости. – А тот впился в рассказчика[19]. И вижу: «защелкал кодак…»[20]. – Вечером, из кафе зашли случайно на главную площадь. Праздник вовсю. Прожектор перебегал по толпе, вырывая на миг кишащую массу из мрака, фейерверк взлетал в темное небо. Мерцали гирлянды пестрых фонариков; с украшенного коврами балкона – музыка. Оркестр, вперемежку с местной музыкой. Звуки очень приятные. Узнаешь «восточный» мотив шемахинской царицы[21] и бесчисленных танцев «d'Orient»[22] … Пищали пищалки, подвизгивали рожки, где-то хором рецитировали[23], где-то стреляли… Веселье толпы захватило и нас. Было интересно и как-то легко толкаться среди темноты. Никто тебя не знает, и ты – никого. А кругом люди, сотни людей. А над всем темное, теплое небо с редкими ясными звездами… Под конец устали. Но хорошей усталостью. Целительна эта полная смена: Москва – Эривань. Без дум, без «чувств», хочется даже сказать: «без души». Все чувства открыты для восприятий. И все «душевное» выбрасывается назад, точно пробка, не входит… Аппарат сознания работает вовсю: в каких-то двух направлениях. Одно – осознается сейчас же. Другое – точно идет в запас… – В этом году Эривань воспринимается еще иначе, чем в прошлом. Более спокойно. Есть чувство, что не

нужно лететь и спешить, можно вжиться, всмотреться. Нет той лихорадки: скорей! Скорей! Но зато при повторе яснее еще вся огромность, вся мощь воздействия этих мест. Точно сквозь каждый миг смотрят «века» – или ты смотришь *в века*...

2/V

Весь день почти на воздухе. Утро прекрасное, манящее к прогулке. Взяв фаэтон, отправились в Канакер[24]. Так, просто: посмотреть. Арарат и Алагез сопровождали, выступая поочередно при поворотах дороги. И тот и другой – точно два мира, рассказывали: каждый свое. Арарат – весь «пра»-«пра»-«пра»... Алагез – в настоящем – но, как вершина, как напоминанье, что вся временная красочная суета жизни коренится в снеговой белизне высот – или глубин. «Хлопочите... но помните!» – словно звучит от Алагеза... «Я вам помогу! но – к вам не сойду... А вы – ко мне поднимитесь. И вместе с хлебом "на каждый день" – я дам вам хлеб восприятий величия и красоты того, что вы зовете "природой" – но что есть "тайна"»...

Так без конца плелись в душе какие-то сказки-не-сказки... А внизу – Эривань: точно нежная вышивка, чуть подцвеченная розовым, бирюзовым и белым на голубовато-коричневой ткани. Кайма из садов – чуть ярче, – изумруднее, розовее, серебристее – легче. Между Эриванью и Араратом – опаловый голубеющий пояс тумана и снеговых облаков. Земля ли это? Видение ли? Призрак?.. Там словно дно плоской чаши иль блюда. Края его – Арарат-Алагез... а рисунок на дне: «Эривань». ...И пусть это «город», пусть бежит там игрушечный поезд, как ватку бросая дымок, пусть квадратятся кубы завода и трубы торчат – все это не нарушит... бессильно нарушить безмолвную вечность ландшафта. Утреннее освещенье давало особую легкость и чистоту. – Да, здесь не вспомнится песня Шумана, Шуберта. Ни Бетховен, ни Моцарт, ни даже Бах[25], которого так слышишь под Караклисом. Здесь – Библия... Только Библия. Песня Песней, Псалмы Давида. Видно, в западной лирике нет этих пространств, нет этих потоков земли прямо из вечности... Бог знает какие картины неясно встают... и уплывают, не слагаяся в образы... Вспоминаешь... А *что*? Ведь в сознании нет *ничего,* – а сознание полно... переполнено даже. <...> – В Канакере много военных. Там лагерь. Случайно заговоривший с нами один – пригласил на ломаном языке на «кутеж». «Там у нас – кутеж. Хотите – пойдите. Мы завтра – на летние лагери под Тифлис...» Мы поблагодарили и тронулись в обратный путь. В половине второго были дома. Потом вскоре обед. И снова: прогулка. На Зангу[26]. Сами искали дорогу – по уличкам восточного города.

Б.Н. вскрикивал от восторга: «Восток! Восток!..» Соблазнившись каким-то подъемом, где на верху виднелись персидские ворота, живописно торчала палаточка и толпился народ, – мы попали совсем уже в глушь. Стены, дворики, крыши – все серая глина. В каждом дворике – пестрые пятна: тряпки, зелень, посуда и люди... По уличке-щели – то группа детей, то всадник, то пешеход. Но – пустынно. Спокойно идти. Никто не глазеет, не пристает. Не то что в осетинских деревнях: шагу ступить нельзя, чтоб не облепил рой мальчишек.

– Наконец-таки вышли на Зангу: садами, перелезая через стены и прыгая через канавы. У самого шоссе – небольшая роща. И в ней снова веселье: пикники, вино, танцы. Жарко – по-летнему. Пошли к гидростанции. Хотелось еще раз взглянуть на базальты, которые видели в прошлом году[27]. По шоссе – толпы гуляющих. В саду, над обрывом к Занге – опять-таки: пикники, вино, танцы. Танцуют мужчины, зрители прихлопывают в ладоши. Танец – ритмическое движение под музыку. Порою ритмически вибрируя и застывая на месте, порой притопывая ногами, переставляя с носка на каблук, пускаясь вприсядку, взмахивая и разводя руками, движутся отдельные фигуры. В общем – легко, довольно красиво и плавно. Напоминает пляску наших русских женщин.

– Веселятся просто, от всей души. Но – «прилично». Ни пьяных, ни ссор. Изредка видны национальные костюмы. Бросается в глаза картинная фигура высокого молодца в синих «скатертных» штанах, в бараньей куртке, с цветистой оранжевой шалью через плечо. Идет – и стыдится, и вместе – красуется...[28]

Опять охватило чувство легкости и свободы среди чужой толпы. И опять, в конце концов, взгляды привлек Арарат. Сидели на камнях и долго, безмолвно глядели на золотеющие снега. В тенях – особенно четко синела страшная рана в боку: провал 1840 года[29]... Те же «картины без образов». Так кругом все становилось двойным – в присутствии Арарата. Все очень просто, эмпирично и ясно. Гулянье, шоссе, берег Занги... Но все, точно радио, пронизано чем-то другим: неясным, бог знает о чем говорящим. О чем же? О чем? И в сознании все напрягается: схватить! Но: не схватишь! И падаешь снова в сознанье, в эмпирику: мальчик идет, разносчик воды с длинным кувшином, обернутым тряпкой и звенящим от погремушек... Да, ясно! А то? Где же «то»? И нет сил распечатать печати. Устаешь от игры волн впечатлений. От остроты ощущенья себя на грани миров: ямба-хорея[30]. От двойного «шага» души: в одно и то же время идти ямбом эмпирики и уноситься хореем... Ямб-хорей, ямб-хорей! Уто-

мительно… почти до протеста: как их разрешить? Где их *одно*… И плывут, и ткутся мечты и предчувствия: Áhnungen[31]… Но знаешь одно: это *опыт* – Erfahrung[32] – и опыт огромный. И спасибо судьбе за этот дар. – Все же так устали, что по обычаю: поссорились. Усталость всегда так у нас сказывается: покрикиваем друг на друга: со всем темпераментом каждый: Б.Н. буря – проявленная; во мне буря – скрытая. В конце концов – даже удобно. А после – за чаем – смешно и забавно: «Вот мы с Машенькой и покричали друг на друга…»[33] – А перед сном, опять, ненасытимо заколесили по уличкам, фантастика освещений, ракурсов и контуров… Заборики, дворики, воротца, плоские крыши и лесенки…: инсценировка оперы из жизни Востока… «Да это же Персия! Как я это люблю!»… Рядом с нами, за спиной отеля: мечеть с прелестным, туго обтянутым куполком и резными, лепными воротами. А против нее – в каком-то провале: церковка красно-розовая с бирюзовой башенкой-куполком на тонких колонках. Б.Н. без умолку рассказывал о Тунисе, о Радесе[34]… Усталости как не бывало.

3/V

То же солнце. Тепло. Тепло. Точно сон. Точно сказка… «Не верится, что неделю назад мы под снегом, по снегу – шли от нашего домика – к станции…» И еще раз: спасибо судьбе. «Мы заработали этот отдых: каждый по-своему…» В 11 – встреча с С<арьяном> в кафе, разговор о наркомпросе, о даче[35], о докторе[36]. – Днем отдыхали. В 6 – Б.Н. с М<артиросом> С<ергеевичем> был у доктора. Все хорошо. Все в порядке. Высоту сердце вынесет, какую угодно[37]. Так что коджорские опасения неосновательны. – Вечером у художника Левоньяна[38]. Дом в саду. Веранда. Пили чай в подземной комнатке без окон с глубокими нишами. Потолок затянут цветною материей; дом очень старый. Пришел поэт Исакян[39]. Смотрели книги, журналы. Отобрали себе для чтения. Матерьяла много. Армяне очень охотно дают указания и засыпают рассказами о достопримечательностях. Все же момент увлечения есть. – Перед сном опять бродили среди безоконных извилистых уличек. Все та же радость тепла и освобожденья.

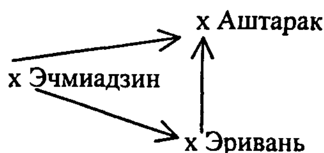
4/V

Солнце… и солнце… Отдыхаешь в тепле. Не нужно жаться и кутаться. – С 10½ до 1½ обход наркомпроса[40], библиотеки, мраморных мастерских и рабочего кабинета Таманова[41]. Пока Б.Н. с М<артиросом> С<ергеевичем> были у наркомпроса – я оставалась на ве-

ехать никуда нельзя. Разбивают ужасно эти недостижимости… Так, порешив пока что Джульфу назавтра, устроились с книгами. Б.Н. с горя взял «Тайфун»[57]. Я же – Линча[58]. Обрадовалась, что нашла-таки членораздельное об армянах. Не «Иафет», Ной, Адам. А исторически данное. Пусть и это не то. Но все же начинаешь чувствовать почву под ногами. А то выходит, что армяне с неба спустились, вроде второго Адама, пожалуй, еще прежде него. И Адам только украл у них первородство! Опять, как и в прошлом году: чем больше слушаешь, тем меньше веришь. Поэтому просто благодарность Линчу. Теперь хоть что-то отложилось. Хоть знаешь, что Геродот сказал одно, а Ксенофонт другое, у Дария – третье[59]. Все же Геродота, Ксенофонта и Дария знаешь чуть ли не с детства. А весть о первородстве армян – падает, как гром с неба. – Вдруг звонок С<арьяна>. Б.Н. возвращается с телефона: «Завтра едем в Аштарак[60]. В 8 утра будет подан автомобиль…» Ну! едем, так едем! Сегодня же решили пойти погулять – на уже любимое наше Канакерское шоссе. – Прогулка была прекрасная. Арарат казался висящим в небе – над землей. Серебристая фиолетово-розовая дымка закрывала подножие. И он плыл… весь в кисеях и тенях… Склонили голову набок – поставив зрение под углом. И… это уже не «покрывало Изиды»… Это: Эдем… «Мы точно научились видеть невидимое…» – восхищался Б.Н. – Да! прогулка была хороша! – Но: когда вернулись, поднялись такие «кавказские настроения»… такие истории с чайником, кипятком и т. д., что в 9½ выбежали стремглав из отеля, чтобы успеть где-нибудь проглотить стакан горячего чая… А потом, вплоть до 12, – бились среди чемоданов, портфелей, перекладок, потерь, поисков. И в полном изнеможении к часу ночи, ошеломленные этими «ножницами» между Араратом и порядками отеля, – улеглись кое-как, чтобы завтра встать вовремя. Объяснить кому-нибудь, чтобы нас разбудили, – так и не могли…

7/V Поездка в Аштарак

Не буду подробно описывать эту поездку. Б.Н. все записывал себе в книжку[61]. Выехали в девятом часу при ясном солнце. Вернулись в три в тучах пыли, спасаясь от настигающей нас грозы. Проделали полный круг.

Видели много. Пожалуй, больше, чем могу воспринять. С нами ездил проф<ессор> Колонтар[62], работающий в Охране памятников[63]. Он давал объяснения. Это было интересно. Но утомительно. Ведь помимо всего, говорила вся местность. И хотелось отдаться: слушать, смотреть. Чтобы голова была в покое. Открыть другие органы восприятий. А объяснения К<алантара> пробуждали деятельность именно головы, мозга. И этот перебой – очень разбивал нервы. Точно слушаешь сказку иль музыку, а с тобой говорят об истории книгопечатания... М<артирос> С<ергеевич> берет по-другому. Для него «памятники» – не «памятники», а произведенья искусства. Они вырастают для него из ландшафта и в связи с ним. Показывая нам Зварт-Нотц, Репсиме[64] – он не уводил от природы... Оттого, может быть, ездить с ним было легко. Кроме того, у него просто есть ритм. Он чувствует, где нужно ускорить, а где задержаться. И всегда этот ритм совпадал с нашим ритмом. Верно, и у нас подход не «научный», а «художественный»...

– Сейчас же за Эриванью шоссе начало зигзагами подниматься: с холма на холм. Арарат отступал и светился вдали, – впрочем, такой же огромный и видный отовсюду. Алагез – придвигался и разворачивался вширь и ввысь. Справа возникал снежный тоже мир Гехард-Куник, очень четкий и очень отчетливый. В его сторону нет той опаловой дымки, которой заполнено все полукружие – Арарат–Алагез. Там, влево, из этой дымки едва прочерчивались совсем далекие и совсем уже висящие в воздухе снеговые вершины – верно, Турецких гор...

«Вот это гора Ара... Вы знаете преданье о нем... а та, напротив, – гора Семирамиды...» (Вчера как раз читала, что встреча Ары с С<емирамидой> произошла в местности Вана[65].) Ара – очень красива по форме: по контуру точно палатка, восточный шатер, какие делают шатры шемахинской царицы в «Золотом петушке», фас же ее прорезан в середине глубоким обрывом, который коричневеет вертикальными тенями среди темно-зеленых боковых скатов и основания... Во все стороны – куда ни посмотришь, выплывают, стоят, висят в небе, сгущаются или тают снеговые хребты и вершины...

Показался вдали Аштарак, влепленный и повисший на крутом обрыве над рекою Кассах[66]. Квадраты жилищ нисколько не нарушали гармонии каменных срывов. Общий серо-желтый тон, с черными тенями, с черными же прорезами окон и дверей, с чернеющими иззубринами базальта и туфа. Переехав через Кассах по каменному мосту, поднялись в узкую уличку; и через весь поселок – дальше, в зелень подъемов... В Аштараке осматривать будем на обратном пу-

ти. Сперва проедем к крайнему пункту сегодняшних осмотров: к церкви св. Иоанна Крестителя.

Она стоит на высоком обрыве над ущельем Кассаха. Описывать опять-таки не буду – предоставляя Б.Н.[67] Несколько лишь замечаний: Алагез – на фоне всего, с разных мест возникающий белым пятном. После вглядыванья в темные камни – особенно действует по контрасту. Только что смотришь на ажурную резьбу «крестных» камней, любуясь неповторяющимся мотивом 16–20 сплетенных друг с другом розеток[68], – только что поднимаешь голову к каменным сводам, или охватываешь общую форму постройки – и вдруг: побелеет в глазах. Почти до вздрога. Что это? И: то из-за стены, сквозь провалы ограды, между деревьев – является белизна Алагеза... И опять от него звучит какое-то: «Помни!..»

– Кучка местных крестьян сопровождала нас при осмотре. И конечно же, – откуда только они берутся! – обступили нас, разинув рты и безмолвно нас созерцая, неизбежные в мире и в путешествиях дети <...> в возрасте от 4–12 лет... Но здесь они тихие и ничего не просят. Верно, еще не знают, что у людей, которые что-нибудь «смотрят», – нужно просить: «Дай дэньга! – Купи камэнь! Купи цвети...»

– Хранитель храма – армянский крестьянин – пригласил нас к себе: покушать мацони. В первый раз были в армянском жилище. Описывать не буду. Все уже есть у М.Ш.[69]. Но только здесь было очень чисто, хотя бедно – до нищенства. Широкие тахты не угрожали осыпать насекомыми (как под «замком Тамары»[70]), белоснежные подушки возвышались горкой в углу. На столе вместо скатерти какая-то перезаплатанная тряпка – но тоже чистейшая. Хозяйка армянка – приветливо сдержанная – вынесла полные тарелки мацони, горный сыр с душистыми травками и тонкий лаваш... Им и ели мацони, сворачивая в трубочку и зачерпывая прямо с тарелки. Тут же показали нам «кухню»: очаг для печения лаваша, кувшин для сбивания масла (длинная глиняная колбаса, подвешенная к потолку на веревках), каменные чаши или ступы для разных домашних нужд... Вышли из прохладного полумрака домика. Припекало-таки порядочно: 12-й час. Простились с хозяевами и тронулись.

Следующий этап: церковь Мегуни (так кажется)[71] – ящерица или дракон. Отмечу лишь пестроту цветных материй (по бедности все больше ситцев), церковных украшений: оборочек на люстрах, аналойных покрышек, каких-то ковриков и подстилок. Наш глаз не привык к такой пестроте в церкви. – Дальше, по полному жару въехали в Аштарак... И осмотрели в трех или четырех местах, переходя

пешком по узеньким проходикам, раскаленным от жара[72]. Снялись в двух местах на фоне развалин. Наконец вышли на чей-то балкон с видом на ущелье Кассах. Б.Н. все укорял меня, что не видела ущелья возле монастыря св. Иоанна. Но там был такой обрыв, что моя голова начинала кружиться при одном взгляде в ту сторону...

Наконец осмотр окончен... и дорогой на Эчмиадзин[73] выехали из Аштарака. Справа и сзади с Алагеза и Карабуруна надвигалась гроза, и уже задувал ветер. Алагез почернел и закрылся. Зато на Арарате делались чудеса освещений. Облака прорывались снопами лучей, и тогда, словно сквозь золотую прозрачную призму, вспыхивали рельефы освещенных кусков... Все это, не касаясь земли, висело в облаках, как окно... как врата в страну света... А буря приближалась. Автомобиль летел. Пронеслись Ошакан[74], где памятник (могила!?) императора Маврикия, который родом из Ошакан. Шоссе, пролетев сады Аштарака, врезалось в скалистые стены – шоколадно-серые и красновато-черные – и крутило петлями... Наконец вытянулось стрелой через равнину – к Эчмиадзину.

Уже на полпути между Эчм<иадзином> и Эриванью буря нагнала-таки нас. В одно мгновенье все исчезло в облаках черной пыли, как в густом тумане. А с боков, сзади и спереди с шипом взлетали ракеты, которыми здесь расстреливают градовые тучи. Казалось, что все унесется в этих тучах пыли или взлетит вместе с ракетами в небо. Среди свиста, хлопанья взрывов, шума деревьев – и пыли, пыли, пыли... неслись бешено, удирая от настигавшей грозы...[75] Так было в три. А в пять снова все просияло, и мы, пообедав в отеле, шли в наше кафе – выпить чая. Тепло. Солнышко. Голубое небо... Куда девалось все это взревевшее, взвихренное, смятенное. Тишина и свежая ясность.

– Вернувшись, уселись за книги и записи. Идти никуда не хотелось. Занесли нам билет на концерт Спендиарова[76]. Но нельзя в один день сочетать посещение древностей и современный концерт. Впечатление было еще слишком сильно. Этого не понимает никто, – даже и М<артирос> С<ергеевич>. Вечер прошел незаметно. Б.Н. уже начинает по-своему переваривать Стржиговского. Его мысль, что Зварт-Нотц это Civitas Solis Кампанеллы[77]..., что форма ренессанса – это вышедшая на свет внутренность армянских церквей. Купол ренессанса – бывший внутренний свод... Выходит также, что протоформа *храма* вышла из Персии. И храм Ормузда[78]– солнечный храм – и есть храм собственно[79]. Мне всегда виделось в храме то место, где небесное касается земли. <...> Но основное божество земли – солнце – внешне ли, внутренне ли, – все равно. И понятно,

что в основе всякого храма лежит мысль о солнце. Если даже это храм Луны – то и луна, и звезды и т. д. – все это несет к земле прежде всего свет солнца. И не будет солнца – все скроется в мраке. «Все, кружась, исчезает во мгле. Неподвижно лишь солнце любви...»[80] – И если это так, если идея храма приводит нас в Персию – то новый смысл получают все эти раскопки и погружения в старое. На пороге <...>

Все это время, с тех пор как приехали, хотелось что-то узнать, как-то прочесть эту увлеченность церквами и памятниками в Армении. И роют, и роются... А зачем? Какой смысл в этом для будущего? Изучение? Наука? Но ведь мы стоим как бы в моменте умиранья религии. Зачем же тогда искать и копаться в этих обломках, черепках и развалинах. Все внешние ответы <...> знала. Но они не успокаивали. И все оставалась неудовлетворенность. «Ну да! если специалистам это нужно просто по специальности – то нам-то зачем? Неужели ради одной только эстетики...» И вот теперь все стало ясно. Стало ясно и то, чего не скажешь словами. Долго взволнованно говорили с Б.Н. на эти темы.

8/V

Утро провели опять за книгами. Теперь уже читаешь и смотришь как-то совсем иначе. Найдены Richtlinien[81]. «Идти в старое – за импульсом к новому». <...> Б.Н. много записывает. – Перед обедом на минутку зашел Ширмазян[82] – инженер с Айгер-лича[83]. Приглашал к себе. – После обеда свежесть и солнышко выманили пробежаться. Пошли без цели – плутать, куда глаза глядят, среди уличек. Сразу же за Абовяном[84], с тонкой корочкой европейских домов – самые невероятные закоулки, в которых почти не поймешь, где двор, а где улица иль огород. Набрели на лавашную – и с восторгом купили охапку тонкого лаваша... Вышли на площадь к мечети. Осмотрели ее. Вход открыт. Посидели на внутреннем дворике под большими деревьями у бассейна с водой. Впечатленье тишины, чистоты и, страшно сказать, уюта. Очень уютно. Все пропорции какие-то гармоничные и легкие. Стены – с внутренней стороны ряд глубоких ниш-верандочек, за которыми дверь в помещенье. Здесь, верно, жили монахи или муллы... И не объяснишь, почему: <...> «как уютно!» – К сожалению, изразцы в стенах кое-где выломаны, хотя две главные арки еще сохранились. – Из мечети пошли через базарную площадь. Думали, нет ли чего местного? Но, кроме лаваша, кажется, ничего. Все произведения à la Смоленский рынок. Воздух сразу сгустился. Пыль и запахи. Повернули обратно. – Вечером были у М<артироса>

С<ергеевича> – хотели уточнить сроки нашего пребывания в Эривани и в Армении вообще, а также сказать о людях: что Б.Н. ни с кем не хочет видеться, – особенно же во время поездок: тогда всякий человек просто мешает. Объяснить это было очень трудно, так как М<артирос> С<ергеевич> все повторял: «да это же милые люди! – Это очень хороший человек! – Это – специалист!» и т. д. «Я приехал не для общенья с людьми и не для прохожденья исторического или филологического факультета», – пытался высказать что-то Б.Н. ... А тут еще путаница с гостиницей. М<артирос> С<ергеевич> говорил Б.Н. вначале, что наш номер оплачивает Совнарком. Б.Н. отказывался тогда же и недавно попросил управляющего подать счет. Тот спросил, на чье имя счет: на его или на какое-нибудь учреждение? Б.Н., конечно, сказал на свое. Когда М<артирос> С<ергеевич> узнал об этом, он даже рассердился: «Ведь я же Вам говорил, что это не нужно делать. Они не имеют право брать деньги за этот номер...» Б.Н. опять свое: «Я не могу на это согласиться...» Не знаю, чем все это кончится. Этот «Отель», действительно, какое-то «стойло». «Снаружи шелк, а внутри щелк...» Порядки и правила такие, каких нигде не встречали. Электричество, например, нужно тушить в 12 часов – так сказано на доске, вывешенной в номере. Кипятка едва могли добиться. Пришлось пройти сквозь строй недружелюбного удивления и глухого протеста по крайней мере шести здоровых армянских молодцов, плюс еще женщина при самоваре. Сколько было волнений и криков. И т. д. ... – Вечером опять сидели над Стржиговским, срисовывая, делая заметки. Только напоминание о роковом часе тушения электричества прекратило это сиденье. Жаль было оставлять. И перед сном опять еще долго говорили. И, между прочим, на тему Б.Н.: «Какие мы ходим для всех запечатанные. И никому ничего не можем сказать...»

9/V

Тихое утро: у себя. Б.Н. лишь ходил в библиотеку: менять книги. – Делаю срисовку планов церквей. Воздушная форма, которая вынимается из каменной, – еще прекраснее. Можно заметить некоторое соответствие между «во имя» данной церкви и ее формой (Grundriß[85]). Хотя лишь в некоторых случаях это выступает отчетливо: например, Erlöserskirche в Ani, Hirten Kirhe[86] в <...>

Перед самым обедом гуляли в персидской части города; так понравилось, что решили пойти сюда вечером. – На закате чудесно переходили из закоулка в закоулок. Сейчас же за нашим отелем – мечеть, возле стен которой ряд каких-то страшных глубоких (этажа

в два, врытых в землю) построек. Сверху торчит только крыша, да на уровне почвы полуразбитые окна. Заглянешь внутрь – целое помещенье, с нишами, полками и бассейном. Не то подземная мечеть, не то баня... Тут же громадные кучи камней и глины. С них – через плоские крыши соседних домиков – вид на Арарат. – Пересечь улицу Наболдян[87] – параллельную Абовяну – и там уже теряешься в переплетеньях проходцев среди стен. Европейского дома не встретишь. И прохожие: женщины в чадрах, дети... Наткнулись на другую мечеть – всю в высоких стенах – точно крепость. Только купол торчит. Перед нею уютная маленькая площадь, обсаженная деревьями и обведенная канавкой с водой. – Идя по уличкам, смотришь в дворы сверху вниз: они почему-то ниже уровня улицы. Ворота, окна, стены, изгибы домов – углы и выступы... ряд перспектив, которые так и просятся к зарисовке. – Часов в 9 заходил Хорен (молодой пролетарский поэт). Но Б.Н. был занят. К тому же мы условились, что он придет в 6. Он не пришел. И мы его уже не ждали. Нам еще трудно привыкнуть к здешним нравам. На каждом шагу – сюрприз. Теперь уже Б.Н. привыкает ко всякого рода сюрпризам. – Вечером опять читали. – Живешь странною жизнью. Без «чувств»... – Приятно, что в армянах нет совсем снобизма. Они очень простые. На улицах не встретишь таких «парижских» юношей, как в Тифлисе. Все здесь как-то демократичнее. – Совсем не могу писать писем. Тяжело мне все же думать о Москве. Хочется хоть немного забыть...

10/V

День неожиданностей и «сюрпризов». Началось с утра: собирали отельное белье для стирки. Б.Н. еще не вставал. А «стая» неслась с неудержимою силой – из номера в номер. Объяснить ничего нельзя. И белье буквально вытащили из-под Б.Н. ... Тут же внеслась стая горничных – наливать воду, убирать сор, выливать из ведра. Все стало вверх дном... Б.Н. не выспался и был как в воду опущенный. Для подкрепления выпил немного чая с ромом. Утро манило. Вчера как-то мало гуляли. Решили опять поплутать по закоулкам. Опять туда же... Шли вперед – упирались в тупик... Шли назад, сворачивали, переходили через мост, через мостик, просто через реку по камням. Вышли наконец к окраине, где оба Арарата предстали открыто... свет и солнце выгравировали сегодня на них непередаваемые рельефы и плоскости. Большой – весь казался прозрачным, сделанным из голубоватого льда... Малый – в строгой правильности своей легкой формы точно сбегал сам с себя серебристыми струями... Долго стояли под деревом у забора какого-то сада... «придем

сюда на закате... Сегодня же!» ... – Вышло же «совсем наоборот». – Едва вернулись: стук в дверь. Комендант ВЦИКа: «Вам отведена комната в Дарачичаге. Я еду туда. Не хотите ли посмотреть. Через ¼ часа я заеду за Вами...» Минута смятенья: «Как же так – вдруг...» Но – случай слишком прекрасный. Ведь мы же и хотели посмотреть Дарачичаг. Через 20 минут уже неслись вверх по Абовяну. Поездка сошла как нельзя лучше. Дарачичаг очень понравился. Комната тоже. К четырем – были уже в Эривани. – После обеда зашли к М<артиросу> С<ергеевичу> – рассказать, что с нами было. Они тоже летом будут там и уже забронировали себе комнаты. – И вот что дальше: в восемь появляется у нас М<артирос> С<ергеевич>. «Я к вам случайно зашел... Так бывает в кинематографе... Вот и с вашей поездкой сегодня... Это же...» – ? – «Да ведь вы, верно, сняли одну из наших комнат...» ... «Как? Но у коменданта были списки свободных комнат... Как же...» – «Уж не знаю...» Смеялись, потому что действительно это смешно. Завтра М<артирос> С<ергеевич> выяснит, в чем дело. – Забыла совсем: на обратном пути в Сухом Фонтане[88] – неожиданная остановка: подкова попала в шину. Пока меняли шину, к нам подошла высокая крестьянка: «Русские люди! откуда?..» Подошел ее муж. Старик с лицом тамбовского мужичка. Собралась сразу кучка. Присыпали дети всех возрастов. Это молокане. Деды их были выселены сюда, – и сами они в России никогда не были. Но странное дело: разговор сразу же начался от Herz zu Herz[89]... Старик разволновался. Заплакал. Что-то детское, открытое, беззащитное... На прощанье подарили нам огромный кусок золотого душистого хлеба. «Попробуйте нашего хлебца! Без хлеба и соли нельзя...» Приглашали приезжать в гости: Михаил Степанович Козеев...[90] – Б.Н. приглашен в воскресенье на чай (где-то в саду) союзом армянских писателей.

11/V

Опять полный разгром всех планов. Решили, что у Б.Н. будет откровенный разговор с М<артиросом> С<ергеевичем>. Все выходит как-то не так, как мы думали. Не знаю, уж чем все это кончится. Долго говорили с Б.Н. Теперь только одно: как мы выедем. Лишь бы М<артирос> С<ергеевич> понял и не обиделся.

12/V

Всю ночь почти не спали. Внизу в кафе был шум; пение, крики, хлопали дверью... Да и разговор наш – взволновал. – На рассвете глядела, как розовел Алагез... и постепенно загорались снега. В ут-

ренних тенях отчетливо виден огромный провал кратера с высоко торчащим боковым зубцом… И влево на запад ряд вершин и гребней… Вот импрессия сегодняшнего утра. Ведь он – каждый день – разный.

В 11 пришел Х[91]. Живой интересный разговор. Дал характеристику молодой армянской поэзии. Маори и Чаренц[92] произвели существенное изменение. Однообразие прежней рифмованной строчки они оживили движением ритма. Они стали писать ритмически. Работая над этим, нашли, что ритм существовал прежде в стихе, когда писали т<ак> н<азываемым> языком ..., который впоследствии заменился ...[93]. В начале прошлого века произошел этот переход.

Х<орен> читал строчки только рифмованные и строчки ритмические. На слух – это еще первые попытки сдвинуть слово с силлабической размерности и пустить его в ритмический полет. В этом сказалось влияние русской поэзии. Перешли к Пушкину. Б.Н. много рассказывал о кривой «Медн<ого> Всадн<ика>»[94]… Дальше темы шли, непрерывно сменяясь: ритм Маяковского, Есенин, Блок – на арм<янском> есть толь<ко> «12»[95]. Брюсов «L'ennui de vivre»[96]. – Х<орен> начал писать стихи: свои впечатления о Москве. Хотел дать вроде впечатлений Маяковского от Америки[97]. Но не вышло. «Москву нельзя так брать – в ней есть что-то органическое, не вскрываемое так легко». – Перешли к «Москве»[98]. Б.Н. – : *новые* «непонятные» слова… – Слова арм<янского> языка в общем длиннее русских… Иафетинская теория языка[99]… – «На рубеже двух ст<олетий>»[100] – прошлое Э.Бескина («Раннее утро»)[101], Мейерхольд[102], Мих<аил> Ал<ександрович Чехов> … – Незаметно проговорили до 2.

– Обед. – И после обеда толпленье, волненье. Гроза помешала поехать в сад, куда нас приглашали пить чай. Вместо этого просидели у нас в номере с М<артиросом> С<ергеевичем> и двумя поэтами[103].

– После 8 <часов> М<артирос> С<ергеевич> и Б.Н. пошли в кафе поговорить. Б.Н. вернулся взволнованный. Было трудно все объяснить. Но все же М<артирос> С<ергеевич> понял и успокоил. «Все будет хорошо». Так и решили: успокоиться… Сейчас сидим за чаем. Опять появился Стржиговский. Читала Б.Н. свои выписки. Основная мысль Стрж<иговского>: нужно прорвать кольцо Средиземного моря и пройти на Восток и на Север. Нужно выйти из ограниченности этим пределом (т. е. Римом, в конце концов) и выйти к всемирно-историческому горизонту. Отказ от Востока – означает слабость и бессилие сознания. Иран – колыбель европ<ейской> архитектуры. Армения – посредник. Она передала на Запад в Европу восточно-

иранские формы. То, что на Востоке развивалось одновременно в разных географических областях, – в Европе стало сменой «стилей» во времени. Вопрос теперь не в том, «Восток или Рим», «Восток или Византия», а в том, захотим ли мы вернуться к своему *настоящему* прошлому…

13/V

День полного смятения. Снова решили уехать. Вчера Б.Н. пришел от М<артироса> С<ергеевича> усталый, но успокоенный: «Все будет хорошо. Комнаты в Дарачичаге будут… Поездки – будут». Утром заходил М<артирос> С<ергеевич>. – Очень хорошо говорили об арм<янской> архитектуре и т. д. Б.Н. рассказывал о своих «школьных» годах. М<артирос> С<ергеевич> заинтересован схемой эпох[104]. – Решено: мы остаемся. А вечером: опять перерешение. Уезжаем. Условия Армении не дают главного, что ищем: уединения и природы…

14/V

С утра встали с тем же решеньем. Телефонировали М<артиросу> С<ергеевичу>, что нужно с ним говорить. Его нет дома. Ждем телефона от него. Он пошел узнать, есть ли авто в <Герусы?>. Решение наше твердо. Но как все это выйдет – не знаю. Эти дни нас совершенно издергали. Хочется одного: где-нибудь утихнуть. <…>[105]

– Говорили с М<артиросом> С<ергеевичем>. Он с грустью – но согласился. Мы уезжаем из Эривани 21-го: через Тифлис на побережье, м<ожет> б<ыть>, в Шови[106] и Красную Поляну. – Заходили в библиотеку. Взяли несколько книг по персидскому искусству. Одно: прекрасное издание Henry Rene d'Allemagne «Du Khorassan au pays Backtharis»[107]. – День чудный. – Условились с М<артиросом> С<ергеевичем>: назавтра ехать в Баш-Гарни и Гехард[108] – на фаэтоне. –

Вечером заходили к Левоньяну. Он принес целые груды снимков. Особенно запомнились развалины Ани. До сих пор приходилось лишь видеть снимки с отдельных зданий. Дико, сурово. Красиво. – Л<евоньян> очень застенчивый, или скорей диковатый. Но сквозит что-то доброе, – хотя и не вполне здоровое. Он любит Штука[109]. Хозяин радушный. Усадил нас на террасе в прекрасный цветущий садик. Сам захлопотал о чае. Напоминает Вадима Т.[110]: та же стыдливая нежность души под внешней суровостью. Мы тихо сидели с Б.Н. над душистым садиком. Кое-где сквозили серые глиняные стены – домов и заборов… Но зелень врывалась отвсюду и перебрасывалась

через все ограды... Высоко на прозрачном небе, зеленовато-голубом, какого у нас никогда не бывает, повисал молодой месяц – с какими-то закругленными, как восточная туфля, концами – каких тоже у нас не бывает. Верно, воздух другой. – Вернувшись, укладывались в завтрашний путь. На этот раз довольно мирно. – Ка́к-то съездим! Только бы погода была к нам милостива...

16/V

Только что вернулись. Такие минуты редко бывают. Почти полное счастье и освобождение от всего: через совершенную полноту сознанья... Кажется в этот момент: ничего больше не нужно. Пусть на время, на короткое время... Где мы были? Что мы видели? Что пережили? Как-то нелепо и дико скажу: были во времени и пространстве. Вернее: время и пространство раскрыли нам нечто от своего существа – как они живут в том организме, который мы называем «земля». И пространство провеяло нам из венца белоснежных вершин, приподнявшихся из-за краев плоскогорья в 100 и в 1000 раз больше «коджорской площадки»... Горизонт на многие сотни верст... а над ним с неба, сгущаясь, точно кипящий поток из раскинутых крыльев... все мельче и мельче сплетенье снежных струй, все нёжнее пенное кружево, казалось, тающее на глазах... Снега пели, передвигаясь зубцами и гребнями, – точно хорал звучал от земли в небо и с неба на землю. Арарат же и Алагез, как две «bekarrende»[111] ноты... как настойчивый звук, упорно, ритмический проходящий сквозь все...

Пространства раскрылись как бесценная шаль розово-голубая, изумрудная и золотая. Жемчужная кисея дымки смягчала цвета и рисунок; и все сливалось в тончайший плат, брошенный из Персии к ногам Арарата – его не касаясь.

Это вид на отрывке дороги Норк-Джервез.

И... встреча с временем в церквах Гехарда. Ширь пространств, отражающих вечность, здесь излилась в глубину и застыла в потоке веков. Здесь «эфирное» прорывает физическое в скрещении вертикали с горизонталью. Этот крест – христианство и храмы Гехарда, словно чаши, всеченные сверху, с поверхности в глубину скал. Там расцветшие колоннадой и резьбой алтарей... Из XX века глядишь в век 12... 9... VII и дальше, и дальше...

Норк-Джервез и Гехард... Пока еще могу лишь нечленораздельно повторять имена и не в силах выразить ничего из того, что они поднимают в сознании. Ясно одно: здесь касаешься живой сущности,

касаешься духа того, что залеплено в сознании современных армян. Их слова скорее отводят, уводят в сторону. И только толкаясь о них, от них отталкиваясь и сквозь них пробиваясь, приходишь к этому страшному миру, откуда звучит «Я есмь»... И тогда знаешь: войти в этот мир можешь ты только силой покоя и концентрации мысли, сдерживая все взрывы и «извержения» чувств. Пока еще нет покоя и нет концентрации. Сознание еще слишком взволновано прикосновением к тайне Армении. Россыпь памятников может остаться россыпью археологии. А ты знаешь, ты чувствуешь всем существом: целое их, их живой организм выстанет тебе в христологии... Но: надо ждать. Надо, чтобы слово Армении согрело в душе. Надо укрепить свою душу... Нас бросают о стены «памятников», нас бьют о камни «развалин». А нам надо услышать душу тех, что в них молились. Услышать, о чем были их думы... увидеть их в их молениях... Не камни нам нужны, а души. Души...: так как история протекает не в кусках окаменелой земли, пусть прекрасно изваянных. История течет в душах... Первый раз эта встреча с «душой» – предчувствие встречи: было в храме св. Иоанна-Крестителя за Аштараком. Вторая была – в Гехарде... О чем они молились? Что они знали?.. что они несли в жизнь? с чем ушли... Эти души – великих святых, просветителей и строителей... обстали нам душу. Их присутствие явно до вздрога. Но покрывала их спущены... или ты стоишь среди них в покрывале... Смятенной душевности твоей не отразить в себе их благих, святых ликов. И вот из сердца вырывается молитва к ним... – Так поставили мы свечи в полутемном храме Гехарда. И затихли, внимая непривычному нам, напевному речитативу священника...

17/V

Ничего не удалось записать... Весь день необыкновенная бодрость и радость. После Гехарда можно уехать с чувством некоторой законченности. Этим приезд наш уже осмыслен. До сих пор мы видели как бы сложенные вместе куски Армении, – но политые лишь «мертвой» водой. Гехард и Гарни брызнули водой «живой»... И все изменилось. Пролился смысл. Вошла жизнь. Не архаический «миф» – а «быль» Армении прозвучала. Прозвучало, что эта быль *есть*. И теперь уже дело времени, чтобы она вошла в сознанье. Сколько мучительных дней и часов провели мы перед Арменией – «камнем». Мучительных потому, что «камень» как камень не удовлетворял... – После обеда зашли к М<артиросу> С<ергеевичу>. Встретились радостно, сближенные вместе пережитым. Эта поездка совсем уже внесла простоту в отношения. Взяли карточку: мы снялись вчетве-

ром в дверях храма Гехарда… – Вечером заходил ненадолго Ованесьян[112] (поэт старой школы, известный), очень хороший старик. Приглашал к себе завтра на чай. Рассказывал, какое сильное впечатление производит Ани тем, что издали видишь крепкие стены, из-за них очертания домов, куполов, башен. Кажется: там – кипящий жизнью город. Входишь в крепкие, хорошо сохранившиеся ворота, и – … отступаешь в удивлении. Перед тобою груды и груды развалин. Разрушение… смерть. Ударяет контраст. – Перед сном Б.Н. читал свои «протокольные» записи. Ими сам недоволен. По-моему – хорошо. Ведь, действительно, трудно передать то, что мы видели. Слова сейчас же складываются в избитые гримасы. Получается олеография. Нужно найти какой-то словесный «прием»… А какой…

Прочла интересный роман В.С.Могэм «Луна и шестипенсовик»[113]. По-видимому, импровизация на жизнь Гогена. Написано хорошо. Умно и сильно. Чарльз Стриклэнд – имя героя. Но… при чем «луна» и при чем «шестипенсовик» – мы так и не могли угадать. Верно, «свободный» перевод!? …

Радуемся, как согрелись мы за время пребывания в Эривани. Погода – для нас – сказочно прекрасная. Почти все дни ясные. Утром – чудесная свежесть, когда откроешь балконную дверь… Днем жарко. И часам к четырем – в номере делается душно. А с семи – уже опять хорошо. И в девять – отрадная свежесть. Луна теперь. Иной раз не уйдешь с балкона… Вблизи огоньки и темные массы деревьев… Вдали – четко-легкие очертания Алагеза…

18/V

Хочу все же попробовать записать свой «протокол». Совсем кратко. – Ночью почти не спала. Боялась не встать вовремя. Опять-таки некого было попросить нас разбудить. С вечера где-то напротив был пир. И часов до четырех пели, плясали, орал граммофон, лаяли псы, кто-то визжал, кто-то хлопал в ладоши, верно, в такт танца… Казалось, что все это – здесь, у нас на балконе. … А проснулась – в пять. И уже боялась заснуть, чтобы не проспать. – Без четверти шесть разбудила Б.Н. Он еще должен был занести к С<арьяну> пакет с деньгами и документами. – В семь уже выехали: на фаэтоне. Нас четверо, пятый возница. Это стоит 35 рублей. – Небо безоблачно. Раскрыли зонтики. И заломались изгибы подъема в селение Норк. Ехали среди садов. Все цвело и зеленело. От солнца лился жар… но и радость. Въехали в улички Норка, висящего на обрыве над Эриванью. Безоконные стены, плоские крыши… За Норком открылся простор. Мы ехали по высокому взгорью среди растущего во

все стороны горизонта. Влево – шли склоны к ущелью, по которому мы уже как-то ходили с Б.Н. А за ним – ряды подъемов, уходящих в миры Алагеза и в пояс Гехар-Куника. Две горы, Ара и Семирамида, выступали отдельно, ближе к нам… Сзади сжималась и пряталась под отвесами Норка от нас Эривань и раскрывалась долина Аракса – на много верст. Там сгущался очерк Кара-Буруна и дальше еще – на горизонте, стремясь к Арарату, шли посеребренные сверху и фиолетово-синие внизу гряды Агри-Дага… Направо – сверху из неба плыл над Эриванской долиной легкий огромный ковчег Арарата… Жемчужно-опаловый пояс отделял его от земли … Впереди – линии восходящих подъемов. За ними – цель нашей поездки… пока еще скрытый Гехард. Душа, изливаясь через глаз, – росла среди этих просторов, неслась во все стороны и казалась огромной и легкой.

По временам, на подъемах сходили с экипажа и шли пешком. Жаворонки звенели в воздухе… Под ногами ковровые пестрые камни. Б.Н. был в восторге от них. Подбегал то к одному, то к другому – и приглашал любоваться… «Взять бы в музей!.. там показывать! Ведь это же ценность… Смотрите! смотрите…» У меня же срывалось одно: «Красота!..» – «Что вы говорите олеографические слова!» – сердился Б.Н. – «А что же еще могу сказать. Хотелось бы громко кричать и бегать от восторга… Но ведь нельзя… Остается одно и сказать: “Красота!” Что-то такое вкладываешь в затасканный звук: “красота”…»…

Едем медленно. Фаэтон скрипит и подпрыгивает на камнях. Наши удобные «дамские» места мучают нас с Л<юси> Л<азаревной Сарьян>, когда видим примостившиеся напротив, полувисящие фигуры Б.Н. и Сарьяна… А перемениться… ни-ни! М<артирос> С<ергеевич> даже не слушает. Б.Н. поднимает крик: «Мне хорошо – оставьте! Мне очень удобно, – так я все вижу!». И вскакивает на подножку, и вертится во все стороны... Нет уж, – лучше оставить!.. Солнце жарче… Сгибы круче. Они непосредственно переходят в овраг – дальше в ущелье… а дальше: висит уже воздух. Вся правая сторона вдруг отпала, и мы повисаем, подпрыгивая, над широким пролетом, где земля стала радугой, – стала радужным воздухом смешанных красок. Пестрые пятна сливаются в дымке… глубоко, далеко, – там вправо внизу. Словно смотришь на них сквозь жемчужно-молочное покрывало прозрачных кисей. «Какая нежность!» – опять вырывается у меня… Никто не отвечает. Каждый полон своим…

Б.Н. и М<артирос> С<ергеевич> почти все время идут пешком и порой, сокращая дорогу, черными черточками карабкаются вдали по горбу. Б.Н. забирается на самый верх и там застывает… Зовем его…

Неохотно идет… Едем дальше. Лошади мокрые. «Скоро ли перевал?»… «Доедем», – улыбается кучер. А слева придвинулись уже горбастые громады и закрыли простор. Мы лепимся по узкой дороге… глаз упирается в серо-зеленые вскаты. Линии их легко улетают, неся с собой глаз. Какие-то гиперболы, параболы, куски лемнискат[114]. Геометрия «кривых» ритмически чертится в бледной прозрачности, точно на жидком стекле… Красок нет. И линии проступили. Но они очерчивают не «массы», не «тела». Их нельзя назвать контуром. То, что очерчено ими, так же безвесно, как воздух. Разница только в оттенках: там бледная от жара и солнца голубизна. Здесь – бледная от жара и солнца серо-зеленость… Грызем сухой лаваш – не успели ничего поесть перед отъездом. «Педагогически» нужно наполнить желудок… Все ближе, все выше воздвигается левая сторона. Давно уже не видно Гехар-Куника, Семирамиды и Ары. Сзади лишь Алагез белоснежным застывшим каскадом кипит через весь горизонт, разливая кружево пены на коричнево-черно-зеленый подстав своих обширных миров. Арарат тоже срезан. И сел, точно белая шапка-скуфья, на очерк горбатины… Зато радужные чудеса просто непереносимы становятся, топя глаз в своей бездонности. Теперь это даже не воздух, а… море. Такими шелками горело оно иногда в Цихис-Дзири… И вот: в его легкую светопись (шелка) вдвинулась новая светопись (бархата). Выбегая откуда-то сверху и слева, сбегая и тая – возникала там новая сказка вертикалей над горизонталью. То хребет ущелья Гехард: фиолетово-розовый, пропятненный густо-синим – до индиго, ярко-желтым – до золота и серебряно-белым… Что это? Неужели земля? неужели гора… цепь гребней?.. Или это чья-то огромная медитация, протянутая из далеких высоких глубин и склоненная, устремленная к подножию Арарата. Точно кто-то вдали из ущелий посылал свою радугу-мысль, и она припадала к ногам святого виденья-гиганта… Трудней и труднее дорога. Крепче жар. Но мы как-то не замечаем эмпирики наших тел… Вачхаберт – поселок у отвеса серо-желтой стены, – уже за перевалом. Описывать перевала не буду, чтобы не повторять Б.Н.

19/V

Вчера не пришлось ничего записать. Весь день ходили из дома в дом: там обедали, там пили чай, там ужинали. Везде было сердечно, просто, интересно. Но: хорошо, что мы уезжаем… У М<артироса> С<ергеевича> почему-то Б.Н. раздражился (верно, кто-нибудь из присутствующих ему «мешал») и стал говорить о социальном ритме и тексте, о строении человеческих отношений по закону △ □ ☆ и

т. д., о том, что мы ничего не знаем, а обо всем судим. Указывал, что книга Толстого «О жизни»[115] никому не известна, а все мы «знаем», что такое Толстой… и т. д.

– М<артирос> С<ергеевич> показывал свои этюды: только что сделанную «Глицинию»[116] и прошлогодние: пейзажи зимний и осенний в Эривани; букет полевых цветов, ущелье, абрикосы[117]… Особенно хороша «Глициния», букет и ущелье, абрикосы. Краски чудесны. Свет очень хорош. «Букет» поразил напряженьем разбрасывающей центробежной динамики[118]. Цветы взяты без вазы, она сливается с фоном – серо-васильковым. И огромные звезды, прорывая его сквозную дымку, точно вылетают и летят во все стороны. Эвритмически: h[119].

– Ближе приглядевшись к картинам М<артироса> С<ергеевича>, можно сказать, чего им недостает. Может быть, буду очень смела и субъективна. Но: – недостает перспективы. Все как-то придвинуто к раме и стремится скорее выйти на вас, чем вас увести. Т. е. если дана, например, даль, то она идет обратно, вылезая из рамы. В «букете» динамика та же: он вылетает из рамы. Но там это хорошо. В ландшафтах же с далью – это дает чувство спрессованности, а потом и выворачиванья наизнанку. – Статика, застылость. Хочется бросить эти линии в движенье, чтобы они полились и запели. Они немножко слишком спокойны. Глядя на «Глицинию», вспомнила «Сирень» Врубеля[120]. Как там все живет сквозной тенью и светом. Кажется, видишь, как пробежал ветерок и все заструилось. Движенье не прекращается, – сирень живет… – Впрочем, может быть, просто это мне так кажется. Ведь мое суждение – сужденье профана. Да и разобралась в этом впечатленье – не сразу.

– Едва вернулись домой, зашел О<ванесьян>[121], чтобы увести нас к себе. Он живет в двух шагах. Но пройти к нему можно, лишь пройдя по Обавяну[122] и загнув назад по кривым проходикам. Вышли в чудесные персидские ворота из пестрых кирпичиков и оказались в уютном саду. Вышла старушка-хозяйка, приветливая… Обошли сад. «Вот миндаль, вот ренглоты, вот грецкий орех», – показывал О<ванесьян> и рассказывал историю каждого дерева. «Не могу жить без своего хозяйства. У меня еще сад по дороге на Эчмиадзин. Там – виноград. Когда поспеет – прошу на виноград»… На веранде стоял уже стол с приготовленным чаем. Разговор завязался. Профессор М.[123] – зять О<ванесьяна> – крупный «ассириец», симпатичный и живой, рассказывал Б.Н. об Эриванском университете, – дело идет хорошо; все еще только в начатке[124]. Главное, нет средств, а потому и людей. М. увлечен своей работой, и без слов о «великой» стране, а

просто с горячей человеческой любовью к родине говорил о том, как трудно, но как интересно работать. Выяснилось, что он знает Н.Ф.М.[125] – тот теперь сделался украинцем. Говорит на украинском языке. И М. был удивлен, когда <я> сказала, что Н.Ф. – донской казак... М. занят теперь еще основанием общества «Турист» в Эривани. «Вот приедете в августе, мы вас везде провезем. У нас все уже будет налажено...» Кончилось все же изложением Б.Н. своего метода счисления, ритмом, «Медн<ым> Всадн<иком>» – был уже девятый час. Нам предстоял еще ужин у А<куньяна>[126] – наскоро зашли в отель – переодеться: посвежело, а мы были одеты слишком легко.

– Вернулись от А<куньяна > уже в третьем часу – в первый раз за все наше пребывание в Эривани. Но время прошло незаметно. Сначала – рассказы Б.Н. об Африке, Тунисии... Уж не знаю, как всплыла эта тема. Потом – перейдя через ряд других – опять-таки докатилась до вопросов ритма, языка, формы, содержания. Здесь сказалась разница поколений. То, что Хорен понимал с полуслова – «звук» как первооснову творчества, – было совсем не понятно. Просто нет уха. Один даже заявил: «Для меня существует только образ. Звук мне не нужен. И даже мешает... Читать нужно только *глазами*» (в ответ на восклицанье Б.Н., что читать «глазами» – признак некультурности)... и т. д. Впрочем, все это вполне дружески и беззлобно. Так же не мог Б.Н. объяснить, почему поэт имеет основание разбивать строчки: это определяет интонацию, дает паузу, выделяя удар. – «Не нужно мне указаний от автора. Почему вы думаете, что знаете лучше всех, как нужно читать то, что вы написали?» – («может быть, может быть!» – соглашался Б.Н.) и т. д. ... Наконец Б.Н. вскипел. И ниспровергся потоком, – «о непонятности», о «просвирне», о будущих дикарях, о творчестве для масс, о поэте-хореге, ритмизаторе, организаторе и т. д. Слушающие воспринимали разно. Большинство – начинали что-то схватывать. И, пожалуй, лишь публицист А., старичок О. да еще один безмолвный, крупный человек – не знали: о чем это он? Но симпатий это ничуть не нарушило[127].

Часы проходили легко, незаметно. Подали ужин: зелень, рыбу разных сортов, люли-кебаб и яблоки... Разошлись с пожеланиями снова встретиться в августе. Получили приглашение от наших хозяев навестить их тогда в Дарачичаге... Б.Н. очень доволен, как сложилось общенье с армянами. Ему интересно. «Не то что грузины. Там не поговоришь, не поспоришь. Все только слушают застольные речи. Один Робакидзе[128] из них "говорит"».

– Дома еще обсуждали с Б.Н. впечатления дня. Теперь я уже начинаю видеть, что такое армяне. И в общем скажу – с ними нам лег-

че, чем с грузинами. Там объединяющим является застольная беседа и непременно – вино. Кто не пьет, тому трудно войти в общий ритм... У армян есть вопросы, есть заинтересованность и активность. Их увлеченье Арменией не мешает найти человеческий тон. Они – демократичны – в общем. У них нет «родовитости», «породы»... Но они ближе к самосознанию. В них не душа ощущающая, как у грузин[129]. Все они в той или иной мере – уже Verstándes-Séele[130]. И вопросы Bewúßtsein[131] для них не снотворное средство. Правда, сами они их еще не ставят. Но среди молодежи особенно – судя по Хорену – они уже назрели.

Продолжаю запись поездки в Гехард. – Набрав в бутылки воды и напоив лошадей, тронулись дальше. «Смотрите, какая разница, – показал М<артирос> С<ергеевич> на зеленый овражек, с травою чуть не по пояс, – здесь протекает вода. А – рядом неорошенное место – и там: ни травинки...»

– Из долины Вачхаберты поднимались, огибая высокий склон. Дорогу прорезали огромные базальтовые ступени. Мы вышли, и лошади, скользя, потащили по ним фаэтон. Вещи мы привязали, чтобы не вывалились на толчках... Начинался спуск к Гарни. Левая сторона уходила от нас рядами мягких, точно японской тушью сделанных очерков: серое с дымчато-черным. Местами его просекали черно-коричневые вертикали отвесов. И в них – провалы пещер беспорядочными рядами... «Там жили когда-то», – указывал М<артирос> С<ергеевич>. Но невольно взгляд тянулся и падал к мягким бархатам ущелья Гарни... Порой открывалась с подъемов долина и в ней уже очерки плоских крыш, группы деревьев: селенье Гарни.

– Мы устали. Истомила жара. Спуски крутые, и мы шли пешком. Лошади приседали, сдерживая накатывающийся на них экипаж... «Скорей бы доехать. Ведь мы в дороге почти шесть часов...» Все трое под зонтиками. Только М<артирос> С<ергеевич> подставлялся под солнце. И лицо его сделалось медно-красным. «Ведь ни облачка! Берегитесь, М<артирос> С<ергеевич>», – волновались мы с Б.Н. – «Солнце – ничего. Солнца не нужно бояться. Оно никогда не вредит. Только полезно...», – возражал убежденно М<артирос> С<ергеевич>. Кругом сушь. «А ведь это – поле! посев», – протянул свою руку М<артирос> С<ергеевич>. И видим: россыпь камней и среди них редкие сухие тычечки, почти не зеленые, серо-желтые. Так выглядит у нас нива после жатвы. Но бесконечно гуще, обильнее остатки срезов жнитвы у нас. Да и торчат они из зелени. Здесь же – камни и камни. Удивляемся. «Вот это труд! Не земледельцы, а камнедельцы...» – «Да! другой земли нет...» Возле дороги, над камнями

золотится на солнце цветок. «Это ирис!» М<артирос> С<ергеевич> срывает и подает. «Ирис! но ведь ирис бывает лиловый иль белый! А этот – коричнево-черный с желтовато-серыми верхними лепестками». – «Он взял краски из того, что его окружает». – «Он скорее похож на камень, чем на цветок». – «Все одно и то же: растительный окрашивается в тона данной местности… или непосредственно, или по контрасту…» – «Природа все же самый великий художник…»

Но идти жарко! С нетерпением смотрим: когда же конец… И кажется спуск бесконечным. Смотришь кругом, чтобы скрадывать время. Под нами, точно к нам поднимаясь, сухая долина Гарни, только справа зеленеющая садами в сторону склонов хребта. А прямо за нею опять воздвигаются очерки <так!>, горбатые, серо-желтые. «Там, за ними: Гехард!» Но сейчас мы не думаем о Гехарде. Лишь бы где-нибудь укрыться от солнца. «Остановимся под деревьями, – предлагает Л<юси>Лаз<аревна>, – хорошо отдохнем прямо так, на траве…» Но мы все не согласны. «Нет, нет! нужно под крышу. Нужно куда-нибудь спрятаться от солнца!» – «Да есть ли здесь что-нибудь для остановки?» Спрашиваем встречных крестьян. Кто-то советует ехать к священнику, кто-то в школу, кто-то: в кооператив!.. «Нет! не подходит!» Становится грустно. Неужель ничего не найдем. А мы уже въехали в улички. Стало душнее, пыльнее. Томительно прыгаем с кочки на кочку, верней, с камня на камень. Камни везде…

Неожиданно один из крестьян приглашает к себе и идет впереди экипажа, показывая путь. Свороты, завороты, повороты! «Стой!» Выходим. Идем пешком – не то дворами, не то пустырями. Прыгаем через канаву с водой… Пришли! Нас встречают радушно. Но войти сразу нельзя. Хозяйка спешно подметает в нашу честь свою комнату. И оттуда пыль столбом. Минуты под солнцем кажутся бесконечностью. Кружится голова. Бросаюсь под какой-то навесик. Но там – теленок… К счастью, метение кончилось – и мы в прохладной, довольно высокой, но совершенно пустой – кроме трех тахт, поставленных покоем, да стола между ними – комнате. Единственное украшенье: гора подушек и тюфяков, да керосиновая лампочка, подвешенная высоко на стене. Тотчас развязываем подушки и укладываемся. Л<юси> Лаз<аревна> ведет переговоры с хозяйкой. Обхватывает дремота. Когда открываю глаза – стол уже полон: чайник, мацони, яйца, молоко, лаваш… Закусив – все кажется очень вкусным, – опять засыпаем… «Ну, пора! идемте смотреть развалины Гарни. Дворец Тиридата. Римская стройка…»[132]

Но давно уже у меня явилось странное чувство: Гехард нужно увидеть мне первым. И если удастся – пусть увижу дворец на обрат-

ном пути. Цель *моя* – Гехард… И нельзя рассеивать впечатленья. Сперва это мелькнуло неясно. И удивило меня. Почему? Ведь даже не думала за день еще ни о каком Гехарде… Но мысль не уходила. И укреплялась. «Гехард ты должна увидеть первым. Это цель твоей поездки…» С изумлением слушала в себе этот неожиданный голос. И легко, без колебаний и сожалений решила: не пойду! Отговориться было не трудно: сославшись на солнце. Б.Н. почти не возражал. М<артирос> С<ергеевич> неодобрительно посмотрел, но сказал: «Как хотите! Будете после жалеть. Всегда так в дороге: охватит усталость, откажешься, не пойдешь, не посмотришь. А после жалеешь». И не могла объяснить ему своих мотивов, не могла сказать, что «жалеть» не буду, потому что делаю это не извне, а изнутри…

Они ушли. Оставшись одна, в тишине, – как-то странно задумалась… Стало хорошо. И в душе звучало одно: Гехард! Гехард… беспокойство было только о том: попадем ли в Гехард. Ведь все пугают дорогой. Говорят: до Гарни – это цветочки… А вот от Гарни до Гехарда!.. и выразительно умолкают…

– Время прошло незаметно. И минут через двадцать – так мне показалось – влетает Б.Н. Вижу, взволнован. Но не подаю вида и спрашиваю: «Ну что?» – «Что!?.. А вот то, что вы даром тащились 6 часов, – разражается буря, – тащились, чтобы не увидеть цели поездки…» От волнения и гнева на меня не может ничего рассказать… а только осыпает горькими и громкими упреками… М<артирос> С<ергеевич> с грустью покачивает головой: «Да, жаль, что не увидели. Такого грандиозного зрелища в Армении – почти не знаю…» И не могу им объяснить, почему мне нисколько не жаль. И если бы они предложили вторично пойти – «до» Гехарда все равно не пошла бы!

– Но уже поздно. Половина четвертого. И нужно спешить. Быстро складываемся. Идем к экипажу. А вот уже снова подпрыгиваем и перекачиваемся, тихонько карабкаясь вверх… Солнца нет. Облака затянули все небо. Все тона изменились…

Вечер «ханши». Персидский дом, стиль комнат, одежда. Парча ярко-синяя с букетами, затканная золотом. Короткая пышная юбка. Широкая кофта, шелковая розовая рубашка. Чадра – праздничная, прозрачная, затканная золотом. Для улицы – из непрозрачной, но легкой материи. При каждом движенье красивые складки. Альбомы: карточки ханов и ханш… Комната – бывшая зала. Вся в росписи, с *большим цветным окном во всю стену. Пестро. Но не надоедает. Глубокие уютные ниши в толстых стенах. Чудесные графины с тонким узором… – Красивое лицо ханши, с большими умными глазами,*

белым лбом и тонко очерченным носом. Тонкие длинные пальцы. Держится просто, с достоинством – и с чуть заметным восточным жеманством. Заговорили о том, что с нее хотят сделать модель для Этнографического музея. Но она отказывается: «Если наши увидят меня, то убьют: как я позволила чужому мужчине увидеть меня без чадры...» – Среди роскоши прежней залы дворца – современность: кровати, туалет, на стене детское платье – черное с желтой каймой. 1-го мая мы видели «октябрят» в таких платьях, значит, и ханская девочка была среди них... Вместе с нами зашел и Фортунатов[133] – заведующий ихтиологической станцией на Севане. Совсем молодой, с голубыми глазами и чисто русским лицом. Загорелый и четкий. К Б.Н. подходил он с волненьем, прикрытым уверенной сдержанностью. Он – слушатель лекций Б.Н. в Москве <19>20 и <19>21 года. Товарищ В.В.Гольцева[134]. – Нужно было еще идти к Таманову. Но – записи о Гехарде не кончены. Отъезд надвигается. Завтра последний день. Не пошли, – хотя, может быть, этим создали «обиду». – «Это единственный человек в Эривани, который останется обиженным... – вздыхал Б.Н., – но что же делать. Всегда кто-нибудь да будет не на пути. Так в Тифлисе был Ингороква[135], хотя именно он вызывал чувство симпатии...» – Б.Н. очень сердится на свои заметки: «Ничего не выходит. Разучился писать. Какое-то нагромождение слов без смысла. Картины не получается...» – «Но зато дано так подробно. Развернута вся лента пути. У меня, начиная с перевала, все смазано. Сказалась усталость. И этот кусок остался лишь в ряде мелких черт придорожной каймы... Окружение же как-то истаяло в раскале, в усталости...» – «Нет! не могу. Это косноязычие какое-то. Слов не хватает. Хоть слов и написано много».

20/V

Уже чувствуется отъезд. Раскрываются чемоданы. Надвигаются вещи. Что? Куда? Как уложить? О, если бы можно было ездить без вещей. Удручает их россыпь. Откуда только берутся! – Отнесли в библиотеку книги. Простились: до августа... – Б.Н. пошел в кооператив: выудить чаю. Мой путь: за лавашом. Обожаем лаваш! «Портки» – как его называли когда-то солдаты. Завернуть в него сыр с душистой травкой – и лучший завтрак! «Совсем горгонзола!» – восхищается Б. ... – Да! Уезжаем. И жаль! Пожалуй, такого тепла, такого солнца уже не увидим. Да и помучиться придется среди билетных касс, гостиниц, багажей, поисков всякого рода. Заранее готовимся встретить худшее. Знаем, не раз будет охватывать отчаянье. «Кавказские» настроения развернутся в неделях... –

– Не знаю, записывать ли? Б.Н. опередил меня, и, прослушав его, как-то лишаюсь энергии. Ведь им сказано все. Придется почти повторять… Может быть, бросив систематику, просто отмечу несколько отдельных картин, чем-то запавших мне в память… Синевато-серый полусумрак. Со всех сторон молчаливые громады каймят горизонт. От них веет покоем, и далью… Мы… наш фаэтон, кучер, лошади… карабкаемся, как черные мушки, по кривизне. Все в напряженье: доедем ли? Толчки и скачки непереносимы. Предпочитаем идти… Наше смятенье словно подчеркнуто величавым спокойствием гор. Отрешенность, безмолвие ушедшей в себя медитации. Вслушаться бы в нее… Но какое! волны тревоги вскоре становятся «волнами в самом деле»… Наш фаэтон, точно коробочка, бьется в кипящем потоке. Ныряет, ныряет, и… стал. «Откуда вода? почему нет дороги…» – «Да канавы прорвались и выбрали себе руслом дорогу…» – ?! – Переживаем острый момент, острый до вздрога во мне: «Неужели Гехарда не будет!?»

Но, как чудо, помощь пришла. Крестьяне из ближней деревни. Полные сочувствия нам. Обнадежили: «Здесь только трудно. После дорога хорошая… гладко поедете…» И показали рукой, как мы покатим. Выходило по-нашему: «скатертью дорога…» Но мало того: влезши в воду, они принялись помогать лошадям. И вскатили-таки фаэтон по откосу среди пены и брызг. Один поскользнулся и руку поранил… Но экипаж был спасен… Кое-как по камням допрыгали и мы до него… Дорога наметилась. По сравнению с тем, что осталось за нами, она действительно «скатерть»…

…Едем вверх… едем вниз… Сумрак не сумрак. Солнце скрыто от нас горными гребнями. В поворотах порой открывается щель; и в нее там, на западе, все золотое, струистое. В этом струенье Аракс блестит кусками расплавленного стекла. И кажется, что он течет с неба… Слева понемногу придвигаются к нам громады и словно с вопросом глядят: кто такие? с чем едете? что вам здесь нужно?.. Строго торжественно… В сердце опять зазвучало: «Гехард…»

Но… слышим крик… Это к нам. Слов понять невозможно. Кричат издали и что-то указывают… Кто-то бежит к нам. Кажется, что великан… С камня на камень шагает иль прыгает. Вот уже видно, что двое их… один ребенок. Вот уже видно, что с ними собака… Мы поджидаем. Подходит пастух. Странный вид. Это какой-то Вельфинг иль Вельзунг[136]. Огромного роста. Глаза голубые. Лицо сурово и дико. «Проехать нельзя: под монастырем путь размыт…» Нельзя! «Нет! невозможно!» – готов крик вырваться во мне. «Так едем скорее назад! чтобы добраться до Гарни до ночи», – предлагает

Б.Н. Но М<артирос> С<ергеевич> не хочет и слышать. «Какое Гарни! едем сами. Посмотрим, что там?» Что-то кругом есть такое, что вливает уверенность. В момент колебания как-то особенно прекрасны короны, венчающие весь горизонт перед нами. Солнце горит на них. И они сплетаются в общий венец – червонного золота, вознесенный над ущельем Гехарда, которое скрыто от нас в складках золотом затканной мантии... «Едем!..», – и только что тронулись – новая встреча. Снизу подходит старик, с ним ослик и мальчик. Кричим ему: «Можно проехать в Гехард?» – «Можно, можно!» – «А нам вот сказали: дорога размыта...» – «Да, была. Но поправили. Поезжайте! В исправности...»

Так переходим от отчаяния к надежде... и снова к отчаянью. И – к новой надежде! Да: путь этот запомнится. Он еще когда-нибудь расскажет себя... Пока мы еще слишком близко. Слишком ошеломлены...

(Записать о грозе ночью.)

21/V

Чувство грусти, – как всегда при отъезде. Жаль покидать тепло, солнце и – уже как-то налаженную жизнь. Простились со всеми сердечно. М<артирос> С<ергеевич> провел все утро с нами. Хороший он, – тихий и добрый. И – очень художник! Уехали не без инцидента. Первый день за все время сегодня – дождь. Вынули калоши, от которых уже отвыкли за три недели. И: конечно, забыли их. Б.Н. вспомнил на полпути к вокзалу. Остановили извозчиков. Мы с М<артиросом> С<ергеевичем> поехали дальше. Б.Н. вернулся в отель. В результате волненья и тройная цена извозчику. Зато сели удобно. И ехали прекрасно. Спутник по купе назвал какое-то имя и спросил Б.Н.: «Вы не Х?!» – «?!» – «Да это гипнотизер... Он недавно приезжал сюда...» – Почти до Джиоджура[137] провели у окна. Первый раз проезжали этот кусок при вечернем освещении. И – что значит свет! – в первый раз увидели рельеф этой местности. Рассеянный дневной свет от 1 <часу до> 4<-х> делает все необыкновенно трезвым и прозаичным. Местность от Алагеза до Ани – первые подступы к Алагезу. Точно огромные лапы огромного существа. Захватывают до самого полотна железной дороги... огромные серо-черно-зеленые крабы растопырились на откосах – то отдельным круглым шишковатым торчком, то беспорядочной кучей... Лунный свет делал все призрачно прекрасным. Долго смотрели на огни Ленинакана, который вскоре, как мы отъехали, возник перед нами блестящей гирляндой. Да громады стали закрывать его на мгновенье. Он же, пользуясь

первым ущельем, спешил снова выстроиться. Раз, раз, раз – !.. точно шеренга солдатиков – выбегали из-за темного очерка огоньки фонарей. Подъем почти непрерывен. И чем выше мы забирались, тем ниже спускались облака. К перевалу они заползали уже под нами, перекатываясь из ущелья в ущелье.

22/V. Тифлис

Поезд пришел в 9 ч<асов>. Сразу же, завезя вещи в гостиницу, бросились по делам: справки, билеты, покупки. Б.Н. купил себе летнее пальто. Очень доволен. Уехал из Москвы в тяжелом драповом и на третий день не знал уже, что с ним делать. – Взяли билеты на Батум: на пятницу в 6 утра. Обедали в немецкой столовой. Прекрасно. Есть вегетарианские блюда – сколько хочешь. Жалели, что в Эривани нет ничего такого. – День прохладный. Шел дождь. Но после эриванского солнца это даже приятно. – Едва вернулись с обеда – стук в дверь: Т<амара> Г<ригорьевна> и Н<ина> А<лександровна>[138] – ? – «Да, вот Тамара увидела вас с трамвая, позвонила ко мне, и мы бросились к вам…» – Восклицанья. Разговор – мясорубка. Завтра приезжают поэты. Условились встретиться. – Вечером ждали к себе Л<идию> П<авловну>[139]. Но она не пришла. Недоумевали…

23/V

Опять прохладно. Весь день – люди. Приглашали нас отложить Батум и проехать в Кахетию. Но мы помнили прошлый год. Кахетия заставила нас томиться в Тифлисе и ринуться в Сачхери… – С утра заехали к Л<идии> П<авловне>, узнать, что случилось. Она еще спала. Оказывается, у Ляли разболелось ухо и ее нельзя было оставить. С 11 <до> 1 часу Л<идия> П<авловна> провела у нас. Потом поэты, обед. Потом Б.Н. настоял, чтобы купила себе «пеструю» кофтяшку… В пять – отвозим чемодан Б.Н. к Леонидзе[140]: первое «отложенье». Наше путешествие всегда сопровождается рядом таких «отложений». Лишние вещи! Впрочем, первое отложенье произошло уже в Эривани: огромный чайник и книги оставлены там… –

Ночью. –

человек предполагает… Таки остались. Взрыв всех планов. Едем только во вторник. Сейчас сидим у Т<NAME_ициана> Т<абидзе>[141], куда перенеслись в одно мгновенье, как бы во сне. Счета были оплачены, вещи сложены… Оставалось только уехать. У нас сидел Т<ициан> Т<абидзе> с Л<еонидзе>, обсуждая, куда ставить на хранение наш чемодан… До сих пор чувство ошеломленности и как бы «небытия»… Б.Н. долго не мог успокоиться, когда мы остались одни, и

говорил, говорил… Да! на Кавказе все так. Ничего построить нельзя. Нельзя проводить никаких прямых линий. А то будешь только лоб себе разбивать. – Кроме всего: нельзя было уехать – не позволило сердце. Столько любви к Б.Н. в этих людях.

24/V

Все еще ошеломленность. Но: хорошо. Н<ина> А<лександровна> и Т<ициан> так сердечны. В доме у них так легко. Милая, умненькая Нита; приветливая, сдержанная мать Н<ины> А<лександровны>. – И еще более ясно: раз пребывание наше открылось, уехать было нельзя. Слишком много значит для них встреча с Б.Н. Да и Б.Н. хорошо побыть с ними. Ведь это единственный круг, где он чувствует себя в среде литераторов и поэтов. – <…>

25/V

Взяли билет на Батум. – Много разговоров и встреч. В этот приезд чувствуется какая-то особая теплота, простота. И – как в прошлые годы не было, не выходило никаких разговоров, так теперь – напротив. Поэты поняли, что Б.Н. не годится для застольных бесед, для сидений часами за стаканом вина. Очень осмысленно проходит время. День уже как-то оформился. Встаем в 8–10. Утренний выход за покупками и по делам, или кто-нибудь приходит. В 3–5 обедаем в прекрасной «Германии», где отдыхаем среди обилия вегетарианских блюд. Потом – до вечера отдых. Сверх обыкновения, даже на меня нападает сон, – вернее досыпание, т<ак> к<ак> ложимся поздно. – Вечером сегодня были у Г.Р<обакидзе>[142]. У них большое несчастье. Сгорела от примуса в Москве сестра его жены[143]. Оба потрясены. <…>

Квартирка у них прелестная. Чудесная комната – веранда с видом на весь Тифлис и горы. Что-то от южных немецких квартир. – Пока сидели, разразилась гроза с ливнем. – Недоразумение с Гр<иголом> разъяснилось вполне. Арчибальд *не остается* до конца своих дней в грузинской деревне. Конец случаен. Деревня – только временный отдых[144]. Гр<игол> очень остро схватывает все, что ему говорит Б.Н. В нем тот же пафос и напряженность. Но в горе – все как-то человечнее. Заговорились долго. Б.Н. не хотел уходить, переходя с темы на тему. –

26/V воскр<есенье>

Утром потянуло пройтись. После грозы Тифлис весь омытый, душистый. Солнышко… К обеду были приглашены к П<аоло> Я<швили>[145], но не пошли: внезапно заболела Т<амара> Г<ригорь-

евна Яшвили>. Вечер провели дома, с Н<иной> А<лександровной>. Днем еще она много рассказала мне о себе. Не успела вписать.

27/V

Утром – дела. Билеты на пароход. Рискнем ехать морем. Хотя... Потом зашли в банк взять по аккредитиву. Все шло очень гладко. Так гладко, что даже страшно: не было бы чего! – К после-обеда очень устала. <...> – Вечером должны были быть у Р<обакидзе>. Но очень устали. У Б.Н. болела голова. Решили просидеть дома. Весь вечер был Н.Ч<ернявский>[146]. Напоминает Эллиса[147] и Волю Васильева[148]. Разговор его с Б.Н. и Т<ицианом> – параллельно мой с Н<иной> А<лександровной>. Разошлись поздно, хотя <...>

28/V

Продолжение разговора с Н<иной> А<лександровной> и Т<ицианом>. – Навещали Тамару Г<ригорьевну>.

Ей лучше, хотя и нужно лечиться. – <...> – Обед. Паоло, которого этот приезд видели очень мало. – Авто, вокзал, выгон, отъезд... Милые лица, какие-то уже свои. Мелькнули в окне. Улыбки, возгласы. И в тихих сумерках понеслись к Мцхету. Радость при виде линий и красок Карталинии! Красота Джвари и Мцхета[149]. Душистый свежий воздух в окна вагона... Едем легко. Спутники – милые. Барышня-бактериолог[150]. Много бродила по Кавказу. Живая и культурная. Тип жены Ингороква.

29/V Батум

Весь день – на воздухе. Остановились в гостинице «Франция». Тотчас же на бульвар и к морю. Долго сидели на пляже. Море ласковое, нежное. Ехать будет спокойно... Были на турецком базаре: купить грецких орехов. Осматривали город. Какое чудовищное безобразие. Дома как-то никчемно уродливы. Какие-то дико непропорциональные торчки, срезы, скосы и плоскости. Ничего подобного по безобразию никогда не видела. То же и лица. Напомнило Гарцбург[151]. Там тип ведьм... В Батуме <полно> каких-то дегенеративных уродов с выдвинутыми и вдавленными лбами, носами, челюстями. Впечатленье кошмара и бреда. Не город, а химера какая-то...

Ну и «батумская бухточка»! Угостила-таки. Перед самой погрузкой на пароход – часов в 6–7 – после тихого дня, вдруг взлетел ветер. И погнал, и погнал. Отплывали в спадающих сумерках. Ветер крепчал. Скоро стал ураганом. Говорили, что 10 баллов. Пароход наш – «Крым» – новой конструкции, делающий чуть ли не второй

или третий рейс. Огромный, океанский. Но почему-то все вместе на нем вызвало впечатление... гроба. Огромно, пустынно, безлюдно, никчемно. Чуть-чуть – эриванский «отель». <...> сверху из I класса доносился фокстрот...

...В Сухум пришли раньше, чем думали, так как в Поти из-за волнения не было остановки. Высадка... суматоха... Катер, мостки, багажи, контроли, марки, ре-марки! контр-марки... и далее, далее... Вылетели с носильщиком на пустынную набережную. Три часа ночи. Куда же? Кое-как устроились: в «Сан-Ремо». Гостиница очень хорошая. Но нас предупреждали: «Сухум процентов на 40 дороже Батума». Так и вышло...

30/V Сухум – Гагры – Адлер

В восемь выехали – на машине Закавтопромторга. Скандал с дамой из-за места. Она заняла место Б.Н. Первые впечатленья пути были испорчены. Б.Н. сидел почти в нервном припадке. Поэтому, может быть, дорога не показалась особенно красивой – до Гудаут. Новый Афон не понравился. Давит тяжелая стена-гора, отрезающая все перспективы. Зато Гудауты неожиданно порадовали. Расширился горизонт. Прибрежные склоны раздвинулись, и открылась далекая панорама снежных хребтов. Море отошло. Пересекали холмистый простор. Повсюду долины с домиками и полями, садами, виноградниками. Невольно хотелось сказать: «Fröhliche Ländschaft»[152], – и звучала Пасторальная симфония Бетховена[153]. – Гагры поразили отвесом сплошной зеленой стены, с прилепленными к ней вертикально и точно взвешенными в воздухе прелестными виллами. Глядеть на них с дороги, лишь закинув голову. Море снова блеснуло у ног. Нежное бирюзовое. От солнца, неба и зелени – было как-то весело и бездумно. Да и дорожные события шли удачно. Выезжая из Сухума, точно не знали: когда будет машина на Адлер, не придется ли ночевать в Гаграх. Все покрыто туманом. Никто ничего не знает. – Но случилось, как в сказке. Машина стояла, готовая отойти. Быстро перебросили вещи, взяли билеты. И тронулись... Вырвался крик восхищенья. Действительно прекрасно это шоссе Гагры – Адлер. И опять-таки: тепло, солнце, краски моря и неба, цветы, отсутствие пыли, хороший шофер, не мешающие спутники. – Ближе к Адлеру места стали очень заселенными. Деревни, хутора, даже какой-то Новый Город. Все тонет в зелени. Уже нашей, не субтропической, но буйной и мощной на диво. Подъезжая к Адлеру, Б.Н. волновался. Это место так хвалил его отец. В семи километрах от Адлера был им куплен кусок земли в горах[154]. Но А<лександра> Д<митриевна>[155]

бранила Адлер. «Пыльное, пустое место! Ничего нет, кроме песка...» Прав оказался Н<иколай> В<асильевич>[156]. Адлер весь в зелени. На горизонте снежные цепи[157]. – Удачно остановились в гостинице – на берегу моря. Бедно, но чисто. Падали сумерки. Вышли на пляж. Загляделись на горы. Они угасали с каждым мгновеньем. – Хозяйка поставила самовар. На утро обещали, что будет машина в Красную Поляну. Перед сном тихо посидели, хотя и взволнованные памятью о Н<иколае> В<асильевиче> и мыслью о том, что Адлер – именно Адлер, что там вдалеке прекрасно и строго возникли снега. <...>

31/V Красная Поляна[158]

В шесть выехали. Утро свежее. Только что прошел дождь. Адлер остался в воспоминании фантастической сказкой. Кипарисы, гигантские тополя, белая акация. В вечернем сумраке все таинственно и прекрасно. Теперь же неслись среди зелени, взвиваясь все выше и выше. Жаль было только, что верх автобуса, и спины, и головы соседей отрезывали все виды. Временами лишь направо открывалась зеленая бездна. Дна не видать! Изумрудное море взволнованными волнами падало вниз. И там – в глубине кое-где закипала шумливая Мзымта[159]. С досады, что «видов» не видно, – даже повздорили. «Смотрите. Смотрите», – настаивал Б.Н. – «Да куда же смотреть? Одни спины, да головы, да узлы...» Было очень досадно. Вот бы смотреть! Путь так прекрасен. Клочками мелькали отвесные скалы. И тотчас же скрывались за головой соседа. Впереди на мгновенье стрелой голубело ущелье. И уже – торчит перед тобою спина... Просто хоть плачь... Между тем красота возрастала, дорога повисла карнизом над срывом. Полутуннели, огромные камни. И – врезались в скалу: туннель! Небольшой, так что свет не терялся, и можно было видеть благородное серо-белое недро, сухое, прочерченное... Дальше опять изумрудная гуща. Пахнет остро промокшим листом и цветами. Б.Н. все ждал спуска к Поляне. Но спуска и не было. Прямо вылетели на простор с редко белеющими и сероватыми домиками... Остановка. Приехали! Куда же теперь? Охватила растерянность. «Гостиница?» – «Нет никакой!» – «Куда же деваться?» – «Да устроитесь!.. Поищите!..» И устроились! Две чисто выбеленных комнатки – за 15 р<ублей> каждая. Хозяева – греки[160]. Очень бедно. Но очень уютно. Хозяйка будет готовить обед. И все это случай. Сперва чуть было не попали в унылое место, к стареющему имеретину. «Падением дома Эшер»[161] веяло от его сухой и унылой фигуры. Тоже и комнаты – темноватые, грязноватые. И нет обеда. Боясь нало-

гов, имеретин наотрез отказался: «Скажут, что беру жильцов с пансионом...» Выручил мальчик, направив Б.Н. в сторону нашего домика: «Там найдете!» И точно, нашли. Как и в Коджорах, от наших комнат повеяло сразу «Willkómmen...»[162]. Хозяева молодые, здоровые. Живут в кухоньке во дворе. Мы отдельно, независимо. И – что очень важно – будет у нас самовар! – Едва помывшись и закусив, пошли на разведки. Что и как? Какие прогулки? какие дороги? Первая прогулка всегда очень важная. Она дает впечатление, которое почти наверно останется лейтмотивом. И лейтмотив этой прогулки: «Прекрасно!» «Красная Поляна – Прекрасная поляна!» – восклицал Б.Н. – Вернулись, ничуть не усталые, счастливые. Было радостно и легко.

1/VI

Впечатлений много, и самых светлых. Но записывать как-то не хочется. – Поднялись вверх, мимо аптеки. Нашли чудесную скамейку под тополем на холмике. С нее вид во все стороны. Долго смотрели, как курились дальние гребни и как фосфорически вспыхивали изумрудом на солнце зеленые плащи ближних гор. Их складки прекрасным рисунком мягко, но сильно разбросились, обнажая порой серебристо-розовые, нежные, точно вишня, громады. – «Что это? Снег?..» – «Нет! Это камни!» – «Не может быть!» – «?» – «Слишком прекрасно, слишком нежно, чтобы это могло быть "землей". Но я хотел бы, чтобы "это" было не снегом». – «Да это и не снег!»... – «Но тогда это чудо!» – И, словно услышав наш спор, солнце пришло на помощь. Место, куда глядели, вдруг вспыхнуло. Невероятно! Непередаваемо! Заиграли тона, переливы, оттенки! Не то гигантская раковина расцвела перламутром... не то кисти вишневого дерева в утреннем вспыхе зари... Нет! не передашь. Все равно ничего не передашь... Не расскажешь словами о взлете безлесных громад напротив, за Мзымтой, о фиолетово-черных прочерченных снегом громадах у перевала, о стройной и легкой композиции пиков и гребней в ущелье на запад (или северо-запад) от нас... Был момент, когда часть снегов у перевала просияла на солнце слепительно. А рядом матовым жемчугом тускнели снега смежных ребер... Был момент, когда гребни на западе закурились и по склонам их поползли белопрозрачные дымки. Закрутились вперед и назад, зацепляясь по срывам и доходя до вершин, таяли в небе. А небо!.. Оно как-то горело пространством, прозрачной безбрежностью. Кайма зубцов отделялась, и за нею казалось – : море воздушного света – чуть-чуть розового, чуть-чуть голубого, чуть-чуть золотого... И все... все это – не то! Жалкие усилия. Обидная беспомощность!

2/VI

Всматриваемся в местность. Привлекает все больше и больше. Сильная, но нежная красота. Воздух, небо и солнце. Прогулки легкие, веселые. И пока что – доступные. Нет досадных сачхерских препятствий. Ноги несутся с восторгом, не требуя глаз. В Сачхери каждый шаг нужно было делать с оглядкой[163]. Природа – уже северного Кавказа – ближе сердцу. Так хорошо, так привольно, приветливо все кругом. – День воскресный. Утром пошли по шоссе к санаторию[164]. Отдыхали под тенью ореха. Здесь поражают стволы. Огромные, вековые, с причудливо извитою корой. – Вечером поднимались в ущелье на запад. Тоже легко. Возвращаясь, открыли еще прекрасную дорогу вверх, через мостик над бурным потоком. – Записи мои бедные. Душа так полна, что нет силы записывать. Только рассказываем друг другу: что видели, что поразило. – Неожиданный, тихий приют: Красная Поляна. Живем без книг, без газет. С природой, почти без культуры, – вернее, без цивилизации. И – хорошо. Правда, полной беспечности нет. На сердце все же боль. Но разве можно нам – или мне – быть без боли. Спасибо за то, что дают эти дни. – В здешней природе нет прошлого, нет того, чем полна Армения, Грузия. Эти горы еще не знают святынь. В нескольких километрах – государственный заповедник[165]. Там туры, зубры и барсы. И местность дышит скорей приветливой, простой чистотой и невинностью, чем чистотою пути и познанья. Но все же: чистотой! Здесь все както внутренне чисто, безгрешно и ясно. Отзвук этого слышишь в моменты раздумий. Попадаешь в прозрачную ясность. Светло, но пустынно. Мысли легкие, разлетаются, тают в свете, ни с чем и ни с кем не встречаясь. В Эривани, в Тифлисе – там все проработано. Нигде не звучала мне так эвритмия, как в Эривани. Чувствовала, как новое ставится там в нечто старое. И это усиливало каждый жест... Здесь еще не могу. Подожду. Еще нужно «приготовить место»... Б.Н. бездельничает и отдыхает – впервые за время отъезда. Весь раскрывается – до конца, до возможного, конечно, конца. Таким его никогда не увидишь среди людей.

3/VI

Еще один прекрасный день. Что будет дальше – не знаю. С чем мы уедем – не знаю. Мы так напуганы жизнью. И в самой безоблачной ясности ждем: что-то будет. Но – как хороши наши дни в Красной Поляне! Все, что нам нужно, здесь есть. Тишина, свобода, прогулки, погода, простой чистый стол, хорошие хозяева, чай, за которым ведется наш несмолкаемый разговор. – Спасибо судьбе за этот

отдых в пути. – Сегодня прогулка утром и вечером – не меньше пяти часов среди живой нетронутой чистоты. Как странно после напряженного историзма и кипящего «строительства» современной Армении, после острых интеллектуально и культурно дней в Тифлисе – очутиться в обстановке Руссо[166]. Чувствуешь себя простым, примитивным. И какие-то складки и морщины души – расправляются. Дышишь легко и свободно. Слишком близко подступает природа – без всяких «посредств». – Утром, перейдя через мостик, поднялись вверх, – не зная куда. Дорога – по склону, среди зеленых теней, с проглядами вниз – на Поляну и на противоположные горы. По мере того как мы поднимались – росли и они, показывая скрытые снизу точки и поверхности. «Вишневая» красавица здесь раскинула легкие свои вуали и была нестерпимо прекрасна. Глянули сверху альпийские луговины, с пятнами снега, но с изумрудным бархатом трав… Ноги неслися, ликуя. Целую зиму сидели поджавшись или топтались в квадрате двора и в вершковых пространствах среди столов, кроватей, шкафов. – Вечером – прогулка к санаторию. Шоссе отходит от Красной Поляны и винтит по склону. Вниз и вверх зеленое море. Пили воду из источника. Проснулась каменная болезнь[167]. Притянули серебристо-атласные и пестро-шелковые плитки, блестящие, как слюда, очень хрупкие. Огромные плиты щепятся при малейшем нажиме. Хороши также отдельные, цветущие мхом, точно розами, камни. По черному, темно-вишневому или серому фону – белые, розоватые и серо-зеленые звезды. Точно тонкое кружево. – До санатория не дошли. Далеко. А мы долго задерживались над камнями и над пролетами в выси и в даль. – Вечер снова за чаем. «Печаль моя светла!»[168]… Вдруг мелькнуло: «Хорошо бы здесь зиму остаться!» Мелькнуло, как сон. У каждого порознь. Но – одновременно. Как это было бы важно и нужно. Какая потребность: умолкнуть, уйти. Дать покой душе.

4/VI

Первая встреча с действительностью. Были в милиции. Курортный сбор – по 10 р<ублей> с человека. Молодой красноармеец был смущен. – «Дорого!» – «Да! но есть еще ставки в 25 р<ублей>. А это вам пригодится для всех курортов Черноморского округа». Он утешал нас. Приходилось утешиться. Только мелькнула мысль: «Ну, а в Шови? Опять будет сбор? Там ведь не Черноморская область?..» Все же это лишь момент. Прогулка опять захватила. К Эстонскому поселку. Но записывать также не хочется. Глядели. Дышали всей грудью. Увлеклись, зашли далеко и порядком устали. Опять камни, ру-

чьи, ветер, солнце и тени. Но день сегодня – прохладный. Ветер свежий. Верно, бриз с моря. – После обеда оба заснули. И вечером не пошли далеко. Долго сидели на лавочке у хибарки какой-то гречанки-старухи. Влево вдали розовели, а потом угасали снега перевала. Прямо высилось четырехгорбие Аибги.

Стало очень свежо. Небо очистилось. К ночи выступили яркие звезды. – «Что-то здесь мне напоминает Швейцарию[169] – в хорошем смысле, – повторял Б.Н. – Там на каждом шагу такие же уголки. Только – еще разнообразнее...» – «А мне почему-то вспоминаются “Казаки” Льва Толстого[170]. Настроение то же! Так же мощно охватывает нетронутость природы. Так же хочется кануть, все забыть». – Каждый день берем с собою бумагу и карандаши для зарисовки. Но даже и этого не хочется. Все еще ждешь, пока сквозь восприятие глаза проглянет моральное восприятие местности. А для этого нужно время. Первые дни – переполнены внешним. Переполнены до рассеянности, до невозможности вслушаться, а не только всмотреться. Моральное восприятие приходит к глазу как-то через посредство ушей. Начинаешь «видеть» то, что сперва, не слыша, «услышишь». Услышишь, как слово, как звук, который и выльется в образ. – Весь вечер Б.Н. сидел над путеводителем[171] и вычитывал оттуда сведения об экскурсиях и поездках. Очень хотелось бы попасть в Заповедник.

<...>

На почте, утром, Б.Н. случайно познакомился с каким-то старичком Шмелевским, который лет тридцать уже живет здесь и лето, и зиму. Шмелевский приглашал к себе, обещая многое рассказать. Думаем пойти...

5/VI

Теплый, солнечный день. Не меньше пяти часов на воздухе. Прогулка утром и вечером по Адлеровскому шоссе. Хорошо, но жаль, что спускаешься вниз, и ближайшие горы растут, закрывая все виды. Зато вниз на Мзымту можно смотреть без конца. Хотя и то не «без конца». Кипенье ее и скаканье по камням, отвесы вниз от дороги, торчащие внизу башни-утесы – все это действует с такой стихийной мощью, что голова начинает как-то особенно, жутко кружиться, и охватывает странное чувство. Его нельзя назвать страхом. Чего же бояться? Но все же это страх, страх перед мощностью элементарных существ. Присев на парапете, ограждающем дорогу от срыва, мы оба как-то приутихли. «O Mensch! erkénne dich!»[172] – зазвучало оттуда, из бездны у нас под ногами. И вдруг ощутилась вся слабость, вся

беспомощность человека перед лицом природы. Захотелось отгородиться, защититься от этих чрезмерных воздействий, почувствовать себя за оградой культуры. Нет еще сил так стоять лицом к лицу перед ничем не ограниченной жизнью «элементов»... – «Мне страшно», – почти шепотом сорвалось у меня. «Я – понимаю. И мне так же...» – тихо ответил Б.Н. Мы взялись за руки. Хотелось прикосновеньем рассеять то, что поднималось к нам снизу, что надвигалось со всех сторон... «O Mensch! Erkénne dich!» Пронеслись, как молния, мысли: о том, что мы знаем <...>. О, как это мало и слабо! Как это привязано к обстановке комнат, к письменному столу или креслу. <...> Говорили, именно, об этом одиночестве «человека» в окружении природных сил. <...> Каково переносить хотя бы то, что нас обступило теперь...

– Тихо... точно во сне, оторвались от камней, на которых сидели... и почти побрели, а не пошли, по дороге домой. Долго еще очарование длилось. И только встреча с двумя-тремя прохожими, с детьми, играющими у забора, вид самого *забора*, калитки, запоздавших коров... вернул к обычному состоянью. – Но совсем успокоили опять-таки горы... «вид» гор: перевала Псеашхо[173]. Снега розовели в закате, а склоны покрывались острым изломом теней. Они были далеко. Они были лишь «видом». Действие их смягчалось на расстоянии. И сознание справлялось с ними, как с «зрелищем». Они проникали в душу лишь через глаз. А там, над обрывом у Мзымты, воздействия шли через все тело, – <...> пробуждая те чувства, которыми мы еще не владеем... и прежде всего, осязание, особое, не то, которое знаем. Это особое осязание воспринимало нечто, осязало нечто, с чем сознание не могло еще справиться... «Под ними хаос шевелится...»[174] – сказал Б.Н. «И нет преград меж ей и нами»[175], – ответила ему.

– Июнь! – Все эти дни думаю о том, что теперь именно июнь – время, когда солнце поднимается к своему зениту. Как жду этого месяца целый год. И многое для меня связано с тем, как и где он проходит. Прошлогодний июнь был в дождях и туманах Сачхери. А 24-го мы весь день ждали солнца, томились, надеялись... и заснули под хлюпы дождя! Как-то проведем в этом году этот день? <...>

– Вчера Б.Н. прочел мне свои записи. Очень верно. Он говорит, что не справился с мыслью. Но мысль «видна», хотя и не вся еще вошла в слова. «В горах не чувствуешь времени, – времени нет – потому что сами горы – время-пространство. "Время" становится в них созерцанием. Вот почему, глядя на них, "времени" не замечаешь». – Передаю лишь скелет, упрощенный.

6/VI

Первый день реакция… Протест у Б.Н. против прогулок. Утром совсем не пошли. Солнце палило уже в 9 часов. Б.Н., верно, перепекся вчера. Сегодня отказ и нежелание видеть солнце. Верно, и барометр меняется. К вечеру с моря в ущелье небо покрылось «мазями». – Вечером все же вышли. Но жгло черезмерно. Далеко не пошли. Сидели на первом попавшемся теневом бревне. Даже повздорили. Но скоро же все разгладилось. Только Б.Н. продолжал волноваться. Вдруг вспомнил А.О.[176] и возмутился против М<арии> Я<ковлевны>[177]. – Когда вернулись домой и ушло солнце, стало опять уютно и тихо… Чуть-чуть грустно. Б.Н. почему-то все вспоминает здесь несчастную, трагическую судьбу большинства русских, действовавших так или иначе в культуре. Пушкин, Некрасов, Гоголь и т. д. «Иногда противно вспоминать такую круглую жизнь, как у Гете… Почему это судьба русских не дала ничего такого?..» – Вечер наступил. Тихий, звездный.

Сидели на крылечке на улицу и во двор. Говорили задумчиво о том, о другом… – Взяли на почте газеты. Почти первое, что прочли: в дни нашего переезда Тифлис – Красная Поляна над Западной Грузией пронесся ураган. В него-то мы и попали на море! Везет же нам. Уже 29/V утром близь Риони[178] заметили сильный ветер. Но решили, что это особенность Рионской равнины, что в ней всегда несет. То же было и в прошлом году, когда ехали в Кутаис из Сачхери. Странно, как нам не везет с Западной Грузией. Стоит только переехать Сурамский перевал[179] – и хоть беги обратно… – Все еще вспоминается вчерашнее переживанье на обрыве над Мзымтой. Оно запало глубоко и запомнилось. – Сегодня в первый раз здесь взяла книгу. <…> Верно, жест против «И нет преград меж ей и нами…». Поняла, что «преграда» это и есть «культура» или – «человек». Природа родила человека, дала ему свои оболочки. А он облекает природу в культуру, в покров культуры. Вот почему вчера так хотелось увидеть что-нибудь, сделанное руками человека: стол, скамейку. Вот почему так обрадовал вид рабочих с пилами и молотками, … калитка, забор.

7/VI

Утро – дома. Очень жарко. – Вечером: по Адлеровской дороге. Спускались к тому камню, который так «напугал» третьего дня. Вблизи он совсем не страшный. То же и Мзымта. Кипит под ногами «белым ключом». Веет свежестью. Когда выходили из дому, на перевале была гроза. Издалека оттуда гремело. Думали – : не вернуться

ли? Но вспомнили: это ведь не Батум, не Имеретия... Здесь «угрозы» не страшны. – И Красная Поляна оправдала себя. Гроза стянулась мимо в ущелье. Вечер невыразимо прекрасный. Все не нарадуемся: как хорошо... Когда возвращались – над перевалом все было розовое. И розовые отблески на снегах. – Благодатные дни! Благодатное лето! Спасибо за них судьбе. Незаметно промчалась неделя. Легкая, светлая. И Б.Н. здесь такой, как нигде.

8/VI

День показался бесконечным. Облачное серенькое утро вытянуло на прогулку. Зашли в управление Заповедника, спросить, как устраиваются туда экскурсии. Заведующего не оказалось. – Волей судьбы оказались на ровной дороге к санаторию. Дальше и дальше... Шли посредине дороги, опасаясь змей. Уже один раз из-под ног Б.Н. палкой взвилась и перекинулась в кусты змея. То и дело шуршало кругом. Но видела только ящериц. Множество. – Чем выше, дорога становилась интересней. Вправо крутело. Налево открылись прогляды: Красная Поляна отсюда представляется сложением четких квадратиков садов и полей. Кое-где лишь белеют опрятные домики. Внизу там не видно, как это стройно и правильно и какое все же большое пространство обработанной земли. – Обратно рискнули «сократить» и выгадали километра четыре. Вернулись после 3½-часовой прогулки голодные, но не усталые, ничуть. Даже бодрость какая-то развилась, почти возбужденье. – Днем все хмурилось. Ущелье затянулось. Горы спрятались: срезаны «Гр-гр» ... нет четырехвершинной Аибги. Пустое, бледное, прозрачное место... Вечером – по Адлеровской дороге. Для нас это стало прогулкой, как в парк. Сойти два шага – и ущелье. Там тихо и очень задумчиво. Присаживаемся в разных местах. И – затихаем. В Красной Поляне переживаю освобождение от «души». Всегда между мной и природой стоит мое «душевное» – биографическое сознание. Здесь в иные минуты – выхожу из биографии. И мысли совсем другие. – Не записываю впечатлений природы. У Б.Н. все дано так прекрасно и полно. Видно, какой он мастер слова и какой у него точный, зоркий взгляд, какая память. Здесь особенно ясно, почему он называет себя «натуралистом».

9/VI

Горы курятся. С утра – свежесть. Ждут дождя. Говорят, что полтора месяца не было. Вот места! Москвичам не поверится! Утром дома: записи, зарисовки, – отдых от вчерашнего. – Вечером пошли

было к «ореховой даче», но встретили проф. Ш<мелевского>[180] и зашли к нему. Он – несколько чудак. Неразговорчивый. Дочь его – учительница – выручала тем, что задавала вопросы. Хорошие люди, но далеки от действительности. Впрочем, какой? Может быть, их жизнь и есть действительность. – Старичок живет всегда один. Дочь – только приезжает на отдых. Большая, довольно беспорядочная комната. Все как-то нагорожено и навалено. Также завалены всяким хламом и скарбом веранды: тут и ульи, и печки, и скамьи, и лейки, и чего, чего нет! А кругом – садик с лилиями, розами, виноградом, за ним – во все стороны горы: каскады зеленые. Мантии великанов в мягких складках и в четких изломах... Что-то нечеховски-чеховское в этой запущенной комнате, где стол, огромный буфет, туго набитая книжная полка... На столе: весы, букет роз... а вскоре: и хлеб, масло (Ш<мелевский> не ест соли), яйца, баранки, чайники – чай. Выпили чаю – радушно предложенного. Было почему-то чуть грустно, и хорошо. – Возвращались уж в сумерках. Знакомые улицы, всегда переосвещенные и пережаренные, как-то таинственно глянули в тенях и прохладе. Туман низко сполз и волнистой завесой закрыл все верха и все дали. – Почему-то опять заговорили о М<арии> Я<ковлевне> и о ее роли[181]. Сегодня – спокойнее. Но: многое непонятно.

10/VI

Никакого дождя! Сиянье, синь, ветер! Как-то бросились на прогулку. По дороге к монашенкам[182]. Зашли далеко. Чем дальше, тем больше манило: вверх-вниз-вверх-вверх-вверх... В одной балке недавно рубили деревья, и запах терпкий и сильный увядшей листвы, древесины и смол охватывал, точно ванна воздушная... Отмечали места, откуда взять виды для зарисовок: «Вишневой» горы, Аибги, хребта. Но это: вечером. Теперь везде солнце... Забрались совсем в глушь, где кончились заборы, сады, свиньи, коровы. Все стало сказочным. Напомнило немецкие сказки, легенды о феях, о дубах, о заколдованных рыцарях. Полдень в горах как-то особенно хорош. Переполненность светом, жаром, тенистой прохладой и странной замирающей тишиной. Все раскрыто – и все в блеске покоя... «In ruhen der Léuchte-Glanz...»[183] Да! это полдень! Вечерние краски, и светы, и запахи – все другое. По-другому идут восприятия... Скорее, скользят... В полдень же падают отвесно, как и лучи солнца. Присели на срубе. Налево вверх загибала тропинка. И – сквозь стволы, казалось, висел прямо в небе далекий и призрачный белый зубец перевала. Все растворялось в душе и на сердце. «In ruhender Léuchte-glanz!»

Вечером пошли в «парк». Так называем, шутя, шоссе в Адлер. Там занялись «странным делом». Уселись перед отвесом дороги и стали искать *слов* для того, что *видели* перед собой. Так же, потом пересели к камням. Радовались, когда удавалось схватить. Записывали… на папиросной коробке, так как книжки записной не было. Получалось странно! «Вот бы сказали: Андрей Белый кривляется… а ведь это натурализм, – восклицал Б.Н. то и дело. – Ну как передашь то, что видишь. Именно "*видишь*". Ведь должен же я уметь рассказать о том, что подает мне мой глаз…» Переходили с места на место, любуясь и восхищаясь причудливым разнообразием «заготовок» природы. «Вот фантазия! Кому придет в голову сочетать эти краски и формы так именно…» – Как смело! просто дерзко. Словно насмешка над всем, что мы темперируем в «законах» эстетики… в жалких, ничего не говорящих законах… Останавливает мысль: язык связан с глазом. Глаз видит и сознает. Звук покоится в подсознании. Сознание опускается туда, как в кладовую, и ищет: каким звучанием передать матерьял, поданный глазом. Как абстрактно мы «видим», если на все многообразие отвечаем: чудесно, прекрасно, изумительно. Какая слепота. Когда видишь *конкретно*, внимательно, то необходимо искать других слов. Глаз заставляет. Происходит какое-то «наименованье». И оно: результат *познания*, хотя бы сперва лишь зрительного. Начинаешь понимать, что «увидеть» есть уже отчасти познать. Вспоминаешь ап<остола> Павла: «Ныне видим гадательно… сквозь тусклое стекло…»[184]

– Несовершенство узнания от несовершенного *вúдения*. Наступит момент, когда *увидим* «лицом к лицу» – и тогда *узнаем* совершенно… В Красной Поляне, как и в Коджорах, в прошлом году[185], невольно вживаешься в способность зрения. Может быть, потому, что здесь она оживает и действует подлинно. То, что мы видим в городах, в городской обстановке, скорей оглушает силу зрения. Там мы слепнем. Глаз бездействует в своих живых творческих силах. Он лишь используется для обихода. Он не радуется, не творит, не играет, не «видит» – он служит. Служит для домашнего употребления. Вот почему так велика радость «глаз» здесь – перед лицом природы. Они просыпаются… <…> Увидеть – это не пустяк, не привеска к делам. Это синтезирующий момент… опознание… пауза перехода к следующему этапу действия… *Увиденное* дает силу для деланья[186].

……

Повернулись к перевалу. И – ахнули. Там в раздвинутом занавесе сине-зеленых густых тонов – видение нежное, призрачное, словно висящее в воздухе. Сахарная прорезь снегов над сгущеньями черно-

го дыма, сплотненного в острый взлетающий очерк. А над всем – два горящих граненых рубина… два пламенеющих конуса. Точно отсветы «Купины»[187]. Небесный огонь, огонь в воздухе… Для себя! Не для земли. Говорит о своем… о манящем, влекущем… <…>…

… Взглянули на вершины Аибги – там новое чудо. Медово-зеленые, вишнево-рубинные земли в сквозящих скольженьях прозрачностей дымных. То загорались, то таяли… И сердце – молилось! Красоте… – «А там-то! – <…> Нет! Таки какой мир», – восклицал Б.Н. – И: сине-лиловые, молчаливо печальные склоны один за другим опускаясь, сходились и падали за горизонт. Все очень строго, очень спокойно. Задумчиво-грустно и нежно до слез… Как очарованные, переводили глаза: от контраста к контрасту… <…> «Красная Поляна – прекрасная Поляна!» – К ночи спустился туман, опустился… А небо очистилось. Над горой тоненький серп… «Вот и встретили месяц…» – «Будем гулять в лунные ночи. Нельзя их пропустить!» И – выходили то на балкон, то на крылечко. Нет сил сидеть в комнате…

11/VI

День новой радости. – Видя, как мы собираемся на прогулку, хозяйка спросила: «А вы были за Мзымтой? через греческий мост?..» – «Нет! там ворота закрытые, и мы думали, что это частные земли». – «Пойдите! там хорошо!…» – И вот, сейчас вернулись домой, счастливые рядом новых возможностей… Эта дорога – начало пути на Аибгу – идет сперва среди садов и постепенно углубляется в лес. Идешь – точно несут тебя волны зеленые… Запахи – наши: медовые, русские! Вечер ясный, душистый. Без ветра… С перегибов дороги: новый вид на Поляну: очень красивый ракурс… на Адлеровское шоссе и хребты. Все совсем по-другому. Санаторий – обычно висящий вверху над окрестностью – здесь прилепился едва ли не у подошвы огромного всхода… А за ним еще вылезли выси, которых ни разу не видели…

Ночь наступила такая, что долго не могли уйти с крылечка… Небо казалось шершавым от звезд. Млечный путь фосфорически мерцал «ниже, чем следует»… Из ущелья – отрадная свежесть. Огоньки светлячков. Треск цикад… Прогулка и это сидение на ступеньках – не забудутся. – <…>

12/VI

Пошел-таки долгожданный дождь. Картина для нас необычная: мы в роении облаков. «Что ж это! Облако на огороде!..» – звал меня

Б.Н. Вперед, назад, вверх, вниз – везде облака… везде дождь. Санатория как не бывало. На том месте просто пятно беловатых клубков… – Тревожусь, почему нет писем.

Как ясно, что все мы должны страдать. И суть не в «поводе», а в страдании, в несении его. Нужно жить в мажоре, с постоянным звучаньем минора. И в ритме искать примирение. –

Слышен шум запоздавшего вечернего автомобиля. Вместо 9-ти – в половине одиннадцатого. Молодцы шоферы. Чем больше ездишь, тем больше чувствуешь к ним уважения. Сколько умения и вниманья нужно, чтобы провести автомобиль по такой дороге в такую погоду.

13/VI

Мысли, связанные с Красной Поляной. Какая чистота кругом. Растворенность воздушная. Точно на корабле или в лодке… Сероватo и мглисто… Но дождь не мешает. Он только создает особую сосредоточенность. Сидя в комнате, невольно глубже думаешь. Но это в глубине. – Внешне все утро Б.Н. рассказывал о своих родных: о дядях, тетках, бабушках. Каждое утро и вечер ведется за чаем наш нескончаемый разговор. Часто удивляемся сами, как это так можно не наскучить друг другу. А вот – не наскучили! Каждое утро – новая радость встречи. Как будто первой! Каждый вечер – нежность прощанья пред сном… –

Сегодня вдруг неожиданно вылился кусочек II главы «Москвы»[188]. Видно, какая это будет жуткая глава и какие странные темы. Прорвались произвольно… «Вот тебе и социальный заказ! Если бы марксистские критики знали, что такое творчество!» –

Как все курится и клубится кругом. Все склоны в седых завитках… За окном – через улицу – огромное дерево грецкого ореха. А за ним зеленая громадина, из-за которой торчит одинокий безлесный зубец… Веет свежестью из окна. Ветер перебегает по листьям… Солнце пробивается сквозь туман… Хорошо. Очень тихо. – [«Только мысль о Москве…»] – Отчего это нигде не было так хорошо нам, как здесь… Здесь нам повезло. Приехали в полную неизвестность… И вот – две недели почти – сплошной тихой радости, счастья. Здесь легко дышится. Зелень кругом, обилие, преизобилие зелени, почему-то не надоедает. Наоборот: пленяет и радует. Не устаешь вглядываться в ее оттенки и в ее рельефы. Как это ни странно – лесные склоны здесь также выгравированы. Подъемы, гребни, провалы, зубцы – все это передается. Не однообразное гладкое вздутие боков. А тонкими, мягкими и четкими складками прорезанная мантия. Великолепны также линии очерков. Легкие, сильные и нежные. Пере-

ходы звучат музыкально. И ряды хребтов часто звучат, как ряды гамм, – особенно в сторону ущелья…

По Адлеровскому шоссе есть небольшая роща грецких орехов. Мы ее почему-то, шутя, называем «священной». Здесь всегда полусумрак, прохлада. Огромные серебристо-черные стволы стоят редко, точно колонны… А вершины сплетаются… Мы там часто сидим на камнях… Пауза <…> перед возвращеньем.

– Внезапно – пока писала – очистилось все… Горы открылись. Но… на них выпал глубокий снег. И теперь они стоят сверху донизу белые… свежо… Но на солнце почти жарко… Сейчас же: гулять. В наш «парк». Там отвесы омытые, яркие. Останавливались то перед одной, то перед другой глыбой… мхи, цветы, камни – все вне слов… Так неожиданно кончился день…

Пришли из Москвы письма[189]. Слава Богу, там все хорошо.

14/VI

Настигли-таки холода. Мерзнем весь день. Дождь. Туман липнет к лесам… Иногда проползает по улице… – Часов в шесть выступили вершины. Снегу еще навалило. Аибга вся белая… Из ущелья ползут волокнистые серые змеи и белеют, вздымаясь к вершинам… – У нас в доме событие. У хозяйки родился ребенок. – За стеной стоны. И другая хозяйка – рождает[190]… Как это быстро. С утра еще обе работали: босиком в огороде. Торопились использовать дождь и садили, копали, пололи… Стоны крепнут… Вот оно: рождение человека… Дом наполнился какими-то старыми женщинами. Откуда только взялись… Б.Н. потрясен… ходит взволнованный… – 10 часов. Кончилось… Последний страшный вскрик. И – плач ребенка. Сразу послышались женские голоса. Возбужденные… Смех… До сих пор было все тихо. Только стоны… – Вышли узнать. Мальчик!.. Второй! Вот так день. Тут и снег, и гроза, и два мальчика… и старичок со странным лицом, с сумочкой за плечами… Б.Н. увидел его в окне, а мне он встретился по дороге в кооператив. Лицо, которое нельзя не заметить… Все это события… в восприятии нашем <…> … Иррационально?! <...>…

Этот вечер запомнится, как и вечер 11-го, вечер нашей прогулки за Мзымту. Им закончился первый период наш в Красной Поляне… Эти три дня – перелом… Как доживем свои краснополянские дни…

15/VI

Ночь прошла в странном, почти радостном возбуждении. Спали не раздеваясь, – от холода. Но – обычного раздражения против нена-

стья не было. Чем объяснить – что и погода, и события в доме кажутся каким-то внешним явлением совсем других сущностей. Посеребренные вершины стоят перед взором души… и заставляют выйти из обычных суждений и требований… Точно белые соборы обстали Поляну… и веют величием чистоты… Все зеленое смолкает… Вместо ропота «на погоду!» – тишина и покой… Утро… Очень свежо… Воздух легкий… Облака поднялись. Вышли вдоль нашей улицы. Спереди и с боков – белизна, серебро. Под просветом от солнца – фосфорическое сиянье. Как все изменилось! Там, где прежде казались отвесы, выступил теперь сложный орнамент рельефов: вперед и назад – скосы, откосы, площадки. То, что казалось одной линией, начерченной на горизонте, – разорвалось и кусками ушло в глубину. Новый снег отличается от старого. Старый лежит четкими сахарными плотностями. Новый развеян, как легкий покров…

– Если и терпим от холода, то вознаграждены тем, что видим, и чего не увидели бы, не будь этой бури…

– Вчера перед сном посидели за Книгой пред столиком – по кучинскому обычаю. <…> Тишина обступила. Слезы неслышно лились. И сердце молилось: «Выведи <…> меня из меня – в этот тихий покой – из суеты… Только бы одно: только бы не опускаться до судорог личности… Вверх и вверх… держаться сознаньем вверху. Не падать… Не отдавать себя духу тяжести…»

К двум – заглянуло солнце. И пошли греться. Дорога на санаторий – самое теплое место. Дошли до бревна за поселком. Там *долго* сидели. Грело так хорошо. После ночи холодной отрадно прижарило. А кругом – не оторвешься. Перевал вдруг взлетел и казался свисающим с неба бело-серебряным пологом. Открылись ландшафты… Целый мир белизны. Глаз тонул в возвышенном празднике белых полей и ущелий… А снизу курились отвесно дымќи. Ползли вертикально под небо… Или свивались в подножиях, точно пифоны… темнея и тяжелея от влаги… Минут сорок сидели почти неподвижно… почти без слов. О чем говорить… Все о том же: о бедности языка, о беспомощности и затертости всех выражений… Ну как рассказать об Ачишхо[191]… о тех ракурсах и светоиграх, которые сопровождали нас, когда проходили по нашей улице, где влево он выступал, весь в снегах и тенях, извиваясь, и прячась, и выползая, и уползая высоко между двух густо-зеленых громад… Там, где видели прежде отвесную стену, вдруг закруглились подковы и кольца огромного змея: – Передаю лишь импрессию, разумеется. Не захватили с собой ни бумаги, ни карандашей! Думали: где ж рисовать в этой сырости. И жаль! потому что снег уже тает и все меняется на глазах.

Да и не схватишь самого главного: теней и свечений. Например: нежно бирюзово-изумрудное, переходящее в световое и фосфорическое сиянье – вероятно, альпийские пастбища, запорошенные снегом. Или: острый и черный тычок, прорывающий сплошное горение жемчужных мягко изломанных плоскостей… Или: внезапное прозеленение черно-грифельных щербатых боков под пробегающим лучом солнца. Белое, черное, золотое, лиловое, синее, матово-тусклое и фосфорически просиявшее – глаз *это* все видит… Но ни рука, ни язык не имеют средств выраженья. И воспринятие <так!> поступает в какой-то «запас»… Все удивляюсь энергии Б.Н. Как он может так настойчиво искать выраженья для невыразимого. Бросается, как на добычу, и не отступает до тех пор, пока нужное не найдется…

Ночь пришла. Очень холодно. Говорили о печке. Спали не раздеваясь. Часам к 12<-ти> поднялся свист и вой из ущелья. Все загудело. Что же это будет? Ведь так, пожалуй, придется уехать. Кто б мог думать, что будет такое! Ведь еще несколько дней тому назад – от жары изнывали! Тянуло в прохладу и тень… Опять разговоры о ледниковом периоде! Устаешь от этих вздрогов погоды…

16/VI

Началось… Старая, знакомая песня! Старожилы разводят руками: Такого случая не запомним… Словом: с утра дождь! серость… Поставили железную печку. Затопили. Б.Н. просиял… А то было совсем приуныл… Сжался… Боялся за зуб… Гулять почти не ходили. Сыро и неприветливо. И все же: здесь хорошо. Хорошо мы живем. Все необходимое есть и налажено. Во всем независимость и свобода. Целые дни – принадлежим только себе… Никто нас не знает… никто не «интересуется». Мы много смеялись, когда принесли Б.Н. газету, где его фамилия означалась: «Бугай!». Коротко и ясно! Живое подтверждение всего, что Б.Н. писал о фамилиях и именах…

Красная Поляна навевает особые мысли. Не о «культуре», а о *природе*. Нигде не чувствовалась *природа* так сильно… именно как «Природа». Совсем новый опыт. Здесь только становится реальностью чувство «стихийного» мира. Чувствуешь себя погруженным в него. И оттого, хотя кругом «горы», под ногами «земля», сбоку – «камни»… но кажется, что <…> – плывешь, что <…> среди волн… <…> несет, и качает… Когда идешь – это чувство есть тоже… Но когда остановишься, смотришь иль сядешь – оно становится особенно сильно… *До головокружения… Оно придает особенный оттенок* и мыслям. *<…> Очень трудно провести мысли о «Я», пережить «Я* есмь»… *Но очень легко «выходить»… Почти тотчас же выделяет-*

ся… мысль… и попадает в очень светлое, легкое… в озаренные прозрачным <…> невидимым светом пространства. –

17/VI

Томительный день! Ненастье так доконало… Топим печку утром и вечером… Временами дождь… временами ветер… Изредка солнце! Усталость. Б.Н. нервничает. Поднялись темы «погоды». Уже отвыкли от них… На закате хоть немного пройтись. Сели на лавочке у чьих-то ворот. Смотрели, как две лошади мирно паслись, махая хвостами… Сейчас все усиленно «пасется»: телята, свиньи, козы, лошади и даже куры… После дождя все усиленно «прет» и усиленно поедается… Сегодня зашла утром на почту – проверить часы. Там – старичок. Дожидается, когда выдадут деньги. Разговорились… Говорю ему: «А погода-то какая!» – разумею: «плохая»… Он же в ответ: «Да! слава Богу! дождь все поправил. Тихо было! Теперь пойдет…» Да! на всех не угодишь… – Сидим за чаем. Б.Н. занялся Соловьевым: «В тумане утреннем…»[192]. Жалеет, что нет Пушкина. «Вот бы вычислял на свободе…» Книг, действительно, нет никаких! Только Джек Лондон да Конрад, случайно захваченные для вагона в Тифлисе. И почему-то все о «Соломоновых островах»[193]. Так что невольно Красная Поляна свяжется с этими Соломоновыми островами…

Все же хотелось бы еще теплых дней, – погулять бы еще… порадоваться на солнце, на горы…

18/VI

Кажется, кончилось! Сегодня уже гуляли. Уже стояли пред камнями… После дождя они, промытые, зажглись. Опять говорили о Врубеле. Подобрали несколько осколков с «его» мазком. Но лучшие – таких размеров, что не возьмешь. – Снега уже почти стаяли. Вернулись к тому виду, как мы их застали при приезде. Рады солнышку. Неделю почти его не видели.

19/VI

Запой прогулок. Утром четыре, и вечером две. Странное свойство Красной Поляны, что здесь от прогулок не устаешь, и напротив, чем больше ходите, тем больше развивается бодрость. Труднее всего бывает вначале. Сегодня утром подъем к санаторию был очень утомителен: жарко! Обратно же точно кто нес… В это утро прекрасна была Аибга. Вершины ее, точно живые, плавно перемещались при изгибах дороги. Торжественные золотисто-зеленые плащи там спа-

дали, как пышные мантии... И Мзымта, серебряная, бахромой окаймляла края...

20/VI

Перегуляли-таки! Сегодня весь день Б.Н. в каком-то странном состоянии. Сперва раздражение: против прогулок. Потом: перелом – от природы! Довольно природы... К темам «Я». Вечером пошли через греческий мостик – туда, где были 11-го. Но как не похожа та прогулка на эту... Б.Н. вдруг затих... Ушел в какое-то «свое»... Видно, думы его охватили. Вид же был потрясенный... У меня же стояло: да, тогда мы здесь шли, как в раю... а теперь точно после изгнанья из рая... Холодные дни разбили всю радость непосредственных восприятий... Молчалось и мне... Только за чаем стали рассказывать... Оказалось, что по-разному, но в одном. «Все же мы неисправимые "антропософы"»[194], – формулировал свое состояние Б.Н. – «Да, мы не можем язычески, детски растворяться в расплав восприятий. В нас есть "зерно" – есть нечто "противостоящее"»... – «Мне вдруг стало ясно, что Красная Поляна не место, где можно укрыться...» – «Все же здесь душно. Вспоминаешь коджорский простор. Здесь защем и зажатость...» – ... и еще вдруг откуда-то мне прозвучал голос М<арии> Я<ковлевны>, точно в ответ на мой жест к природе: «Так ты еще помнишь... Христианию... Берген[195]... Ведь и мы... сквозь все ошибки несем и храним... Ведь было неложное...» – «Время подходит к годам, о которых нельзя забывать. Мне в Красной Поляне природа все время звучала: O Mensch, erkénne dich... Но боялась спугнуть непосредственную радость...» – «Нет! нет... то только момент. Он не может в нас длиться... Все в нас очень серьезно... И мы – не дети...» Долго еще говорили – словами, паузами, жестами... и больше всего тем, что за словами, за жестами и *за паузами* даже... Словно простились с Красной Поляной. – Неужели! Неужели все же *первое* впечатленье решает! Первое впечатленье – при въезде сюда – было «нет... не то!» А первое, мимолетное впечатленье в Коджорах было: «То! то! то самое...» Еще, может быть, рано сказать «последнее» слово о Красной Поляне. И не ложно было все, что здесь пережили и чего не могли бы найти в другом месте... Опыт... неожиданный: встреча с природой *лицом к лицу* – опыт Красной Поляны.

21/VI

Вчера долго не расходились. У Б.Н. вдруг что-то вроде сердечного припадка... на нервной почве... Перед тем: смотрели, как над

Аибгой вставала луна, проползая по верхушкам деревьев... Странное зрелище... Порой – она казалась огромным глазом на чудовищной голове какого-то существа – порой пылающим факелом... то звездой, то Harmonische Acht[196]... то полосатым яйцом, то странным образованием, выпускающим впереди из себя световой щупалец-прожектор... Видно было, как вершины деревьев одна за другой процарапывались на светлом диске... И иногда можно было различить, как они качаются там. – «Верно, ветер! Какой сильный, если нам видно отсюда – снизу, на расстоянии по прямой – не менее двух километров... думаю». – Вечерний наш разговор оставил след в сознании... Другими встали сегодня утром. Солнце... Синее небо... Но мы уже отрезаны: в себя... в человеческое... Никуда не пошли. Занялись домашними делами. Потом Б.Н. принялся рисовать. Передо мной появился дневник... Но странно: что на душе хорошо от этого изменения... Почти чувство освобождения.

22/VI

<...> Красная Поляна дает главное – атмосферу. Чистота и тишина во внешнем. Незапятнанная свежесть. Не говорю о жизни «данного дня». Она теперь трудная везде. И в Красную Поляну вошла вместе с карточками, безработицей и разного рода прижимом и прищемом. Но это лишь тонкий слой. И не закрывает, не изменяет других воздействий... Жду Иоаннова дня...[197] Для этого надо утихнуть... уйти из душевной взволнованности... Тише, дальше... к звуку из тишины... Ведь звучит же он там... Ведь слышу его... Как только в ушах смолкнет шум... – Иногда может казаться, что я списываю у Б.Н. свои записи – до того они – сокращенно-ослабленные повторения его многих страниц. Часто бросаю писать. Зачем? У него все так сильно и ярко. Проще было бы переписать. Думаю так и делать. Б.Н. говорит, чтобы писала отдельно. Ему нравится слушать: проверка! А какая же это проверка. Слова все его. Иначе ведь быть не может. С ним учусь говорить, учусь видеть. Неопределенное во мне, бессловесное, оформляется. Но... молчит еще. – Без прогулки есть время для прорисовки набросков, сделанных наспех. От неуменья приходится много времени тратить на выработку «приемов». Не знаю, как сделать, но вижу, когда выходит «не так». После больших усилий, только на горьком опыте часто приходишь к тому, как передать. Всегда есть тенденция «перерисовать», дать рассудочное истолкование. Не умею довериться непосредственному, той незаконченности аритмологического «прерыва», который есть в восприятии. «До»-рисовываю, дорассказываю. И порчу. Теряется жизнь.

Странный вечер. Точно шквал налетел. Все не вовремя вышло. Все чуть-чуть сдвинулось и рассыпалось. Хотели пройти на закат. Но как раз дождь припустился... Б.Н. стал менять сапоги. А хозяйка, увидев, что мы вернулись, мгновенно раздула и принесла заглохший было самовар. Чай пить было рано. Но сказать ей об этом не решились. Поколебались и огорченно остались. Тут, разумеется, дождь прекратился. Все просияло. Вспых на Вишневой горе. Хотелось к ней... И так далее. Все досадные сдвиги и скосы. Маленькие, но царапающие. Дошло до вспыха, до вскрика с обеих сторон. Кончилось же совсем неожиданно. Нотой глубокой и сильной. Стало серьезно и строго. Притихли. Решение было принято. Да будет так!

Б.Н. прочел свои записи. И то, что открылось. Из сердца, из глубины прозвучало опять: да будет. Не хочу ни о чем теперь думать. Тихо, тихо в душе.

23/VI

День ясный и легкий. Взволнованность вчерашним разговором. Но ясно на сердце. Растворенность в летних вершинах... Прогулка утром – через греческий мостик, и вечером по шоссе – за грецкий орех. Обе – в своем каждая – совершенны. Даже безуспешность попыток наших зарисовать (так ничего и не вышло) – не нарушила, не омрачила. Только смеялись бессилию и беспомощности зацарапанных схем. Весело поделились несчастьем: «Не получилось... бросаю!» – «И у меня ничего...» – «Не хватает бумаги. Куда ж это втиснуть... Тут полотна нужны... Какие-то клочки умещаются». – «Удручает растерянность глаза. Перестает видеть общие линии. Рассыпается в частностях. И здесь тот же принцип: от целого к частному».

Запишу уж словами. Вид с подъема за греческим мостиком на Красную Поляну. Белые домики рассыпаны внизу в складках пышно спадающих зелено-солнечных тканей. Точно прикрыв свои головы плащами, отвернувшись в разные стороны горизонта, гиганты привстали – в оборотах, полуоборотах... один над другим.

Отчаявшись в зарисовках с натуры, делаю на память набросок плана.

Конец дня... За горой, где-то там в глубине, плывет месяц. На фосфорическом фоне четкая строгая линия черных изломов Аибги. Б.Н. пытается ее зарисовать... Сидим на крылечке. Дворик наш спит. Мирно кругом... Чуть доносится слабый плач – это один из новорожденных пробует жить. Молчаливые бархаты черных хреб-

тов, как декорационные плоскости, падают ниже и ниже к ущелью. Почти сливаются; серебристый тускло светящийся контур едва намечает отдельности. Как торжественные стены угасшего света стоят они – близко, близко от нас. Придвинулись к нашему домику, к огороду, к огороду соседнему. Они не материя: они – цвет; только цвет. Он в душе – глубина. Чем больше глядишь в эти «черноты», тем глубже, глубже уходишь: в себя. Они вносят покой. Душа «вогнуто» расширяется. Какое пространство тихих, молчаливых просторов. Очень глубоко, очень тихо, очень сильно: да будет.

24/VI

С утра говорили: «Сегодня не то, что вчера...» Нет тишины, безмятежной, безоблачной. Ветер крутил облака. Непокойна природа. Занялись прорисовкой набросков. Трудились до устали. Б.Н. просто брал «Гималаи» какие-то. Рисовал из отчаяния: «Прямой линии провести не умею»... К четырем ветер усилился. Облака потемнели. «Ну, будет дождь!» Почти нехотя вышли. Никуда не хотелось. – «Пойдем к Ореховой даче?» – «Пойдем... Там присядем на лавочке... Не привлекает погода...» – И вот. – Только что вернулись. Неожиданно, как всегда, посетило Прекрасное. Сидим – взволнованные, переполненные. Присмиревшие, тихие. Странное продолжение после вчерашнего и третьего дня. Что сказать? То, пожалуй, что сегодня впервые увидели лик Красной Поляны, как когда-то Казбек[198]. В каждом месте есть это центральное. Оно приходит не сразу. И может совсем не прийти. Но если да, то всегда это вечер... И разговор солнца с землей, в тенях и в цветах. Пока «этого» не было, не скажешь, что было. На Казбеке, в Коджорах был «такой» вечер. Теперь он случился в Красной Поляне. Цвета: бронзово-рубинное, отлив в золото... вишнево-серебряное на голубом, в складках темно-зеленого бархата. Чуть вишневые, чуть розоватые, серебристые блески поверхностей в четких, но легких окладах темнот. Воздушная невесомость, а под ней чувство строгой формы. Твердый и верный резец. – «Такой *горы* я не видел!» – Я просто молчала. Закат горел... – Повернулись к Аибге. И даже не вскрикнули. Только вырвался... вздох. – «Да, вот и Аибги еще мы не видели». Весь массив ее, с четырьмя зубцами, волны сосновых лесов по огромному всходу – все там пылало. Словно густое вино в рубинных стаканах. Багряно-оранжево-золотое, коричнево-черно-зеленое море. Только вверху бок Аибги – стал вдруг нежным и оделся в краски Вишневой горы... Встало, как память, как рождающее воспоминанье: да будет[199].

25/VI

«Отъезд» входит в сознание. Эти дни уже доживаем. Обходим. Прощаемся. – Днем гроза. Но какая легкая, летняя. Брызнул дождь. Пахнуло озоном. И тотчас же – солнце. Центр грозы видно у Перевала. Там все вздыбилось: космы и пены. Бело-голубые, чуть-чуть сиреневые: великаны седые в плащах понадвинулись ближе к Поляне. Весь день они разные – в разных местах горизонта. – Пошли к Эстонскому поселку. Мзымта неузнаваема: шоколадно-кофейная. Верхи Аибги закрыты. «Срезаны», – досадовал Б.Н., который хотел их рисовать. Зато «лапы», сбегавшие к Мзымте, выступали рельефно, будто вцепившись в каменистые берега. – Вечер сидели с карандашами: до безумия, до одержимости: «Похожи ли мы на взрослых серьезных людей?» – «А разве не серьезно, что в этом “безумии” мы изучаем, мы учимся?» – «Чему?» – «Строющим силам… краске, свету, пространству… Ведь целый путь лежит между “увидеть” и воспроизвести…» – «Так-то оно так! Но все же!» – «А разве по сравненью с зарисовкой Коджор или первых попыток, сделанных еще в Цихис-Дзири[200], мы не *научились*: и видеть, и закреплять виденное. Бумага – только предлог. В основном – работает восприятие и память…» – Последние дни! И спасибо за них. Они дали незабываемое: встречу с природными силами, … легкую, веселую «повседневность» (не хочу сказать «быт»), важное решение в судьбе, горькие и нужные минуты самопознанья… – А письма из Москвы невеселые…[201]

26/VI

Заказала билеты на автобус. Думаем выехать в пятницу. Утро – дома. Письма, дневник, преддорожняя предраскладка. Все же увозим с собой несколько коробочек камней. Были очень строги и умеренны в выборе. Б.Н. почти с возмущением в сотый раз восклицает: «Почему художники не делают камней?! Вот бы Сарьян. Взял бы один такой камень – и показал… А то “дворики! дворики”…» – Думаю о Москве, о своих… Или лучше: не думать. Очень взволновало меня присланное П<етром>[202] сегодня письмо <…> теперь после нашего разговора с Б.Н. 22/VI <…> – Письмо от Р<азумника> Вас<ильевича>[203]. Тоже усталое, грустное. Сколько страданья кругом! И свое «счастье», счастье быть вдвоем, быть в созвучии с близким <…> принимаешь, как дар: для … для «excelsior!»[204] для усилия к добру. – Сегодня очень парит. Душно, как никогда. Спустились в ущелье по Адлеровскому шоссе. Долго сидели на камнях… так, ни о чем. Тишина. Ясность… Перевал догорал. Там ползали бело-

молочные змеи. Из нижних ущелий, цепляясь за скаты, ползли вверх, затемняли зрение пиков... Смотрим на все уже взглядом прощальным. Рассеянно скользя по знакомым картинам. Урок Красной Поляны закончен. Спасибо ей. Неожиданно нашла в ней то, чего, может быть, нигде не будет: жизнь вдвоем... Каждый шаг здесь был сделан вдвоем, каждый взгляд – взгляд вдвоем. И то острое, что прошло, как взрыв, между нами в странный вечер 22/VI, только увеличило силу любви... Любви ли? Не знаю, как назвать то, что связывает нас с Б.Н. ... – Сидим за чаем. Договариваем о Красной Поляне, додумываем вслух... Б.Н. еще дорисовывает что-то спешно. Передо мной – письмо к Раз<умнику> Вас<ильевичу>[205]. – Перед сном: сидим на крылечке над милым двориком. Горы темнеют совсем рядом и вверх. Изредка летят светляки. Ночь теплая. С перевала в ущелье тянутся облака. Шумит Мзымта...

27/VI

Делали смотр своим зарисовкам. Б.Н. докончил-таки вчера: по новому принципу. – Вот и видно, чему научились с Коджор. Красная Поляна схвачена. Рисунки передают ее или то, что мы в ней видим. Но как разно. У Б.Н. все могуче, стремительно, бурно. У меня совсем другое. Хотя бы для этого имеют смысл такие «опыты». Как в зеркале, они отражают душевное в каждом из нас. По ним можно, как по руке, сказать о характере – о душевном, ритмическом жесте; <...> гораздо больше высказываешь через рисунок, чем в записях дневника.

– Разложили на полу свои «опусы». Сели над ними. И обсуждали подробно. – Потом укладка, распределенье вещей... – Расстались с хозяевами дружески. Простые, тихие люди. Очень сдержанные, очень честные и по-своему чуткие. Жить у них было просто и свободно. Natúrmenschen[206] – но в очень хорошем смысле. –

28/VI

День, каких давно не было. Блистательный! Красная Поляна развернула свои дары. Жаль, жаль уезжать. Что-то ждет в Шови, а здесь так хорошо... Глядим в последний раз: Перевал, Аибга, Ачишхо, Вишневая гора, ущелье... все словно щедро дарит на прощанье, – чтобы с этим даром уехали...

– Встала в 6. Не спалось. Минуты прощанья с хозяевами. Пошли всей семьей провожать нас к автобусу. Вместо 9 выехали едва ли не в 10. Задержал санаторий. Да и здесь с «санаторскими» вышел скандал. Кто-то там сел лишний, и пассажирам, взявшим билет, не было

места... «Выходите, кто без билета»... Молчанье... «Да выходите же, машина не пойдет»... Молчанье... «Шофер не едет, боясь перегрузки. Выходите!» Молчанье. Все 10 плотно сидят. Так длится минут 10. Наконец уступает свое место один из местных жителей, который может ехать и со следующей машиной. Компания не хотела разбиваться! Крепкие молодцы!

– Наконец! тронулись. Сперва: знакомые места: мостик, роща, камень, выступ над шоссе, под которым часто сидели над Мзымтой... Утро жаркое. Придушивает... В этот раз места наши слева, и видно все же хоть кое-что. Ущелье какое-то атласно-белое, покрытое сквозным шелковым кружевом темно-, почти черно-зеленого цвета. Впечатленье подводного царства, дворцов морского царя. Сказочно. Легко и воздушно. А какие громады. Голову надо закидывать: конца не увидишь. Белое – : вот почему Б.Н. говорил о нем «веселое».

– Ехали без приключений. Только уже на отрывке: вокзал – Адлер, т. е. последний километр перед автостанцией, сломалось колесо. Не меньше получаса шофер с ним возился.

– Пароход «Севастополь». Три часа дня. Ошеломительно! контраст всех впечатлений. Вместо замкнутости К<расной> П<оляны> – ширь и простор. Видишь, как не хватало там горизонта. Сидели на дне «котла». – На пароход попали в последний момент. Бывают дорожные неудачи, но иногда и везет. В предположении, что у нас много времени, которое нужно будет как-нибудь «убить», Б.Н., не торопясь, пошел с автобазы справиться в пароходную кассу. Через четверть часа – вижу, бежит и машет: «Скорее, скорее! лодка сейчас отходит! опоздаем! Скорее!» ... И понеслись. Извозчиков, разумеется, нет. Мальчик несет чемодан. Мы с мешками и дорожными сумками – мчимся под пеклом... Через полчаса – на пароходе. Едва можем опомниться: так было стремительно. Сидим на палубе. Море тихое. Пароход маленький, старой стройки. Уютный. Не то что «гроб», на котором мы плыли из Батума. Там даже скамеек не было на палубе... Берега однообразно хороши. Голубая дымка – в ней лилово-золотые огромные раковины, чинно рассаженные друг подле друга. Довольно статично. Нет динамики слетов и взлетов. Каждая форма закончена и не переходит в другую.

– К вечеру в Гаграх. Стоять будем долго. Но сходить уже поздно – для нас. Кое-кто все же съехал. Наш пароход «увеселительно»-экскурсионный. Предполагается, что на каждой остановке «экскурсанты» осматривают достопримечательности мест. Но пока «экскурсантов» никаких нет. И на пароходе – пустовато.

29/VI Сухум

Стоим долго. Утро. Впечатление от Сухума то же, что и в прошлый раз. Неинтересно. Горы скучные, плотные. Как-то засели и всели на берег, необщительно сторонясь друг друга, каждая, со своим «хозяйством», кажется огороженной.

– Начинает бросаться в глаза какая-то странная сдержанность и молчаливость всех, начиная с капитана. И скука… Только из Кр<асного> Уголка непрерывная балалайка угощает «Лесной сказкой», «Возвращеньем на родину»[207] и прочими вальсо-маршами. Вечные мотивы, нетронутые… – Наконец отчалили. Прибрежные «корзинки» стали приседать, плющиться. А из-за них возникали снеговые явленья: проткнется там, проткнется здесь. Лезут и лезут. И постепенно сливаются в бело-черную изломанную зубчатость. Очертанья предгорий спокойны. За освещенной и контурированной реальностью первой гряды знакомая призрачность далей. Где все точно стерто и сквозит в серебристом и мглистом тумане. А дальше и выше – опять все реально, четко освещено, – но уже по-иному, чем побережье. И там: хаос линий, углов, сломов, площадок и пиков. Изорванность, беспокойство…

– 6 часов. – Томительно. Нечего делать. В каюте парня <так!> и пекло, хватающее за виски, как только всунешься. На палубе – на глазах у всех, среди скучающей толчеи не знающих, что с собой делать, товарищей по несчастью. Ни разговоров, ни смеха, ни тем более споров. Угрюмо, упорно молчат. Если слова, то неживые: о курорте, бр́они, санатории. Узкий предел. – 7 часов. Поти. Решили сойти. «Как же не ступить на берег, куда приплыл Арго»… Перешли через мост на Рионе. Открылась бесконечная, так сказать, «улица». Уныло тащится конка. И – никого. Лишь у двух-трех лавчонок присели на корточках кучки. Несется гортанная речь. «Ну и Поти! говорили, что скучный пыльный город, но не верилось, что до такой степени…» – «Сам себе кажешься мертвецом. Берет за душу… Идем назад…» – «Тут нечего делать и нечего “осматривать”». – На пароходе то же томленье. Духота, все белье мокрое. А Б.Н. схватил насморк. – Билет у нас был до Поти. Оттуда хотели поездом на Кутаис. – Но никто не умел сказать, успеем ли мы на поезд. Рисковать же ночлегом в Поти – «очаге малярии» – не решились. Билеты брать нужно на пристани и за час до отхода, т. е. в 11. Поручили их взять номерному. Где же самим блуждать в темноте. Он и «взял»… Б.Н. дал ему 10 р<ублей> и сдачи не получил. Хотя стоимость билетов 3 с чем-то. «Что же не отдал?» – «Да он молчал. У меня язык не поднялся…» Только махнула рукой. Перед жадно раскрытыми ртами

носильщиков, номерных, извозчиков, комиссионеров – Б.Н. приходит в странное исступленье – и сыплет, сыплет в них трехрублевки... «Не выношу протянутых рук и хищных взглядов... Берите все, только отстаньте!» – К отъезду из Поти – небо затянулось, в горах загремело. Над нами закапало. Говорят, будет качка. Ну и встретит же нас Батумская бухточка!

30/VI Батум

В Батуме – в 4 утра. Слава Богу: сверх всех ожиданий – «нет дождя»! К тому же свежо. Охватило прохладой. Вздохнули легко. И Батум показался прекрасным. Заняли номер в гостинице «Франция». До семи продремали. Потом совсем ожили за умываньем: наше первое наслажденье в каждом месте, куда попадаем здесь.

Но насморк Б.Н. мешал вполне отдаться плесканью. Зато «чайное» утешенье – к услугам. Сидим. Обсуждаем. Строим план переезда Батум – Кутаис. «Как это нас пропустило на сей раз», – смеется Б.Н. Он бодрый и предприимчивый. Взялся сделать один все покупки. Меня охватило отвращение к солнцу после двух дней «припека»... – Наслаждаюсь сравнительной прохладой и уютом. Нет вокруг тебя наблюдающих глаз. – Б.Н. приходит, уходит: за тем, за другим. Рассказывает, что видел, какая погода. Очень веселился, описывая кафе, в котором обедал. Смесь Европы – конечно, фокстрот – с восточной неразберихой. «Не то Мухамед, не то мухоед!» – К отъезду все же «закапало». Говорят: это скоро пройдет. Все два месяца была хорошая погода. Ни одного дождя! Прекрасные дни! – Может быть! да мы-то их не видали в Батуме! Картина слишком знакомая: с гор валят черно-серые клубы. Над головой мерзко моросит... – Все же рады, что мы в вагоне. После парохода как-то уютно и спокойно. – Однако не проходит, а совсем наоборот. Едва тронулись, разразилась гроза. Все задернулось какой-то адской бело-зеленой гущей. Оставь надежду навсегда! Ни света тебе не будет, ни солнца – никогда! Небо в непререрывных красных полыханьях. Раскаты все ближе, все громче. В этом инфернальном полусумраке как-то инфернально горят дико красные земли. Словно высунутые дразнящие адские язычки. Не прекрасные, а уже просто страшные. Едем буквально в грозе и буре. Начинает шевелиться мысль: что-то будет в Рионе? – Рион. Ливень. Безобразная история с носильщиком. Почти явное издевательство толпы. Б.Н. в сердечном припадке. Какое же Шови! Кошки скребут. – Кутаис. Нет носильщиков. Нет извозчиков. Под дождем плетемся с вокзала в гостиницу. Изнемогающий под тяжестью вещей старичок еврей, взявшийся нам донести. Б.Н. мучается, что не

может ему помочь. С нами же идет какой-то грузин, который разговорился с нами в вагоне. Он же устроил нам носильщика-еврея...[208] На душе мрачно. Б.Н. простудится, шлепая по лужам. Как же ехать еще 130 километров... – Грустно сидим в номере с кривым столом и зеркалом. Ждем, когда придет человек из гостиницы с билетами на Шови. Все же рискуем: ехать! Так тянутся часы от 3 до 7.

1/VII

Мы не суеверны. Но что сказать на ряд таких странных и даже нечеловеческих совпадений. Повторилась история прошлого года: число в число. В Шови не едем – едем обратно в Тифлис. Б.Н. потрясен всем тем, что было в эту ночь. Не расскажешь! Но если придумывать нарочно, то так не придумаешь. Служитель вернулся: «Машин на Шови нет. Дорога не открыта, и неизвестно, когда откроется!» Б.Н. вспылил: «Что же делает курортное управленье, давая путевки в курорт, к которому нельзя проехать!» Человек пожимает плечами. Молчит... Мы глядим друг на друга: Как быть? Ждать? Но чего ждать? В прошлом году ждали 4 дня, и потом нам сказали, что машина пойдет только через 10 дней... Кроме того, простуда Б.Н. разыгрывается. Нервы разбиты. Боюсь, что расхворается. – И вот: взяты билеты в Тифлис. Коротаем день. Поезд вечером. – В довершенье всего: встреча Б.Н. с барышней из курортного управления: оно ни при чем. Сообщение с Шови есть. Многие уже туда уехали. Просто ливнем вчерашним размыло дорогу. Совпадение! Ровно год тому назад: гроза, ливень в горах. Дорога в Шови испорчена... Барышня уговаривала подождать. Она тоже останется в Кутаисе. В Шови прекрасно. Там «все» будут. Б.Н. ждут, и т. д. Словом, и здесь по-прошлогоднему. И тогда так же какая-то барышня в минуту отъезда на вокзал стала уговаривать ехать на Шови, уверяя, что проехать там можно. Предлагала от Они[209] вместе взять экипаж... Признаться, с тяжелым сердцем садились в вагон. Б.Н. совершенно болен. Притих. Но возбужденье почти до лихорадки. Его всего перевернуло... Грустно от бессмысленности и непонятности этого случая. Почему Имеретия действительно так к нам сурова... Стоит проехать Сурам – и все другое.

Все приветливо, ласково, дружески. Это не выдумка. Это факт переживания... это просто «факт»...[210]

2/VII Тифлис

Опять мы у Тициана. Ехали с вокзала волнуясь: «А вдруг никого не застанем». Ведь ко всему, нам в Кутаисе сказали, что поэты по-

ехали нас встречать в Шови... Но все обошлось благополучно. Тициан еще спал. Удивился, огорчился очень. Б.Н. действительно являл вид несчастный... Рассказы, расспросы... Т<ициан> после чая ушел: в курортное управление, предупредить об отказе Б.Н. от комнат в Шови. Мы наслаждаемся, что кончились наши «дороги». Не нужно считать вещи, хвататься за портмоне, искать билеты, проводить часы в неопределенности: уедем, не уедем? Хорошо от того, что можно просто тихо сидеть, ничего не ожидая, никуда не спеша... Выходили только в «Германию». Вечером были Г.Робакидзе и Паоло. Предлагают нам снова Коджоры. Паоло все же хочет переломать судьбу и хоть на несколько дней проехать с нами в Шови – но позже, когда все уляжется. – С Тицианом удивительно хорошо. В нем много мягкости и сердечности. Радуюсь, что начинаю их просто «любить». Паоло в своем роде тоже чудесен. Весь пылкий, с огненными глазами, – казалось порой, что он сам с трудом несет в себе силы, которые нужно сдерживать и которые шипят в нем и рвутся наружу... Очень люблю в нем, когда он, весь как-то пламенно вздрагивая, начинает о чем-нибудь говорить, что его близко волнует. Он как-то бросается на все и хочет нетерпеливо сразу схватить. Ему непереносимо сознанье, что есть то, чем он не владеет. Непереносимо в хорошем смысле, от чувства внутренних возможностей в себе, – которыми также он не владеет. В нем часто прорывается почти что-то мальчишеское, несмотря на солидный вид и некоторую важность горделивой осанки. Часто мы говорили с Б.Н., что в иных отношениях Тициан и Нина Александровна старше Паоло. Он еще бурлит, как молодое вино, на том рубеже, которого никто не минует: на рубеже сознания и самопознания.

3/VII

День прошел тихо. Б.Н. успокаивается. Были только в столовой. По дороге встретили Шкловского[211]. Через два года, почти на том же месте. Не удивились, а только рассмеялись: «А! это вы!» – ... «И вы тоже!..» – Б.Н. все нездоров. Был доктор. Сказал, что нужно беречься. Опасного нет, но лучше не выходить, и завтра, например, посидеть дома. Прописал кодеин, <нрзб.> ... Говорит, что нехорошо, если «это» опустится ниже. По всем этим словам, думаю, что все-таки не вполне все так «просто», что он лишь не хотел испугать Б.Н., зная его нервность. Оказывается, он москвич, т. е. жил в Москве, и лечил когда-то Александру Дмитриевну, жил чуть ли не в том же доме, а от отца знает о дедушке Б.Н. – враче на Кавказе[212]. – Все происшедшее как-то вывернуло из себя. О себе ничего не пишу, потому что

неописуемо в словах то, как читаются мне эти события... – У Тициана много книг и газет. Читай хоть целые дни. Б.Н. решил использовать это сиденье на вычисленье кривых «Кавказского пленника» Пушкина и Лермонтова[213]. – Как давно, давно было все то, что было в Красной Поляне... Четыре дня легли едва ли не как четыре года «между»... Минутами охватывает по-новому тот же и тот же голос: «...» <так!> O Mensch! Erkénne dich!..

4/VII

Неожиданно, едва сели за утренний чай, – постучали. – «Кто это? войдите» – : Женя Николаева[214] и Шкловский. Острый, интересный разговор вперебой. Рассказали о своих краснополянских словесных зарисовках: пёрш, скребоварина, едкий процеп плюща[215]... Женя сразу же поняла. Ее заинтересовал самый принцип: не *сравнение*, не «как то-то, и то-то»... а непосредственное зрительно-слуховое. «Это конкретно! попробую непременно!» – «Попробуйте. И вы увидите, как это захватывает». – Вышел и Тициан. Но он больше слушал. Трудно вставить слово, когда говорят Б.Н. и Шкловский. Это растущий скок-перескок слов и тем... – Тихо прошел день. Отсиживаемся... <...> Что нужно изменить в себе? Порой мне кажется, что знаю. Но тогда это – очень... тогда это о самом главном. – Б.Н. не выходил сегодня. Он чуть-чуть бодрее. Но простуда все еще сидит. Крепко вцепилась. Хорош он был бы, если бы в таком виде мы поехали в Шови. У него в связи с этим опять отталкиванье от «природы». «Не хочу видеть этих красот... Глаза бы мои не глядели...» Пытаюсь сказать: «Но все, что ни делается, – к лучшему» – «Оставьте!» – раздраженно машет рукой. «Все равно мы тут ничего не понимаем. Так чего же тут утешаться ... я еще не знаю, что такое кавказский хребет! О добром ли он... Во всяком случае теперь – видеть его не хочу...» – «Да это не утешение. Так... просто», – смущаюсь, не зная, что другое сказать. Ведь, действительно, странно поступила с нами судьба.

5/VII

Вот и в Тифлис пришел «батумский» заряд. Ночью гроза. А утром ливень, Б.Н. опять не выходит. Чтобы занять время, сидит над ритмом «Кавказского пленника». Хочет сперва сделать пушкинского, а потом взять Лермонтова. Пока еще трудно сказать. После изощренности кривой «М<едного> Вс<адника>» эта кажется бедноватой. Впрочем, – она ведь еще не вся. Есть одно интересное место – вытянутость почти в прямую. Оказывается: это абзац, где описыва-

ется жизнь в плену до слов «И на челе его высоком не отразилось ничего»[216]. – День серенький, покрапывает... Едем в Коджоры – опять. Но еще нужно несколько дней переждать: пока окончательно ликвидируется нездоровье Б.Н. – Но как странно будет опять оказаться в Коджорах... и в тех же комнатах, с тем же Мелитоном[217]. – Выходила одна. Без Б.Н. непривычно и пусто. Грусть охватила. И грусть была в погоде: горы в стороне хребта в синем дыме. Прикрапывает.

– Записываю просто факт: автомобиль Они – Шови свалился с откоса. Шоферу ампутирована нога. Четверо тяжело ранено. Барышня, уговаривавшая нас подождать, не ехать в Тифлис, – в опасном положении, разбитая, лежит в больнице, в Они... Бедненькая! Образ ее так и стоит перед глазами. Как она проводила нас вплоть до вагона, сидела до последнего звонка... И все говорила, говорила, без умолку, возбужденно, почти умоляя, дождаться машины... Не могу ничего пока прибавить[218]. Только одно: <...>

<...> – Узнали об этом часов в семь вечера.

К восьми-девяти собралось несколько человек. Пошли разговоры. Сразу на темы: времени, пространства, ритма, причинности, случая, закона, «Эйнштейн, Кант, Гегель, Гете, Маркс, механицисты[219], деборинцы[220]», – так и запестрело именами. Едва удалось усадить расшумевшихся за стол. Тициан взял на себя обычную роль – руководителя беседы – «тамады» – кажется. Но напрасно он призывал «назад к Пушкину». Литературные темы неизменно углублялись в общие философские. Высказывались все очень живо и ярко. Прекрасно сказал Шкловский: литературное произведение – вещь без хозяина; солдаты побеждающей армии не умирают, связь грузинской и русской литературы несомненна и в дружбе и во вражде. – А<ндроникашвили>[221] говорил о значении закона, отвергал Эйнштейна, указывал, что ценность науки – во внесении порядка в хаос явлений, что время есть факт мышления: сперва одна мысль, *потом* другая (Декарт) и т. д. Б.Н. говорил о пленуме времен; момент интуитивного прозрения: Галилей в пизанском соборе открывает закон тяготения[222] и после уже вылагает <так!> его в *ряде* мыслей, в «*потом*»; об интерференции законов; о свободе из необходимости, о необходимости из свободы, о непротивлении как паузе вдыхания, собирания потенциальных энергий; о радио, которое, может быть, убьет «литературу», о социальном заказе и т. д. Тициан прекрасно, с подъемом сказал на свою обычную тему: о большой магистрали русской поэзии и литературы, прочел стихи Есенина к поэтам, написанные после революции («народы враждуют, поэты – дружат...»[223]).

Среди разговоров не заметили, как пришла гроза. Дождь задержал собравшихся было расходиться. И был уже второй час на исходе, когда остались одни с Б.Н. …

Вспомнили опять о случае с «Шови»… Но не говорили ничего. Нельзя здесь еще трогать словами. <…> – Как странно неиссякаема новизна нашей радости друг другом. – «Неужели можно поверить, что уже 11 лет, как мы встретились!» – «Нет, нет! Мы встречаемся непрерывно. И каждая встреча – новая встреча, новая радость…» – «А вечер 22/VI в Красной Поляне… Но ведь и он “встреча” – испытание…» – «И радость, что испытание только углубило и сблизило». – «Не будь этого, мы еще чего-то не знали бы о себе и друг о друге…» – «Вот зачем нужна любовь: вместе спускаться туда, куда один не может сойти».

6/VII

Облачно, но тепло. Опять тихое утро дома. Каждый из нас занят своим. Тициан – в своей комнате шуршит газетой, изредка покашливая. Б.Н. – за «Пленником», хочет кончить скорее. Передо мною – дневник. Но писать как-то не хочется. Вчера заснула уже в четвертом и встала сравнительно рано. Или, быть может, это реакция на потрясение. Все еще не отошли эти дни. Само Шови как-то забылось. Но «случай» продолжает стоять перед сознанием. – Вечером зашел Г.Робакидзе. Сперва они говорили втроем. Б.Н. – «Собрание сочинений дело не “библиографии”. Творческое дело… Мечтаю, чтобы мне поручили Антологию русских поэтов. Вовсе не нужно выпускать “полностью”. Достаточно отбора. Дайте мне, и я вам покажу такого “Алексея Толстого”, что вы удивитесь; но ни “русские” стихи, ни Иоанн Дамаскин, ни Дон Жуан сюда не войдут[224]…» – Т<ициан> возражает против «отбора». – Б.Н. – <…> [«Только автор знает, до чего многое из напечатанного было *не так*»] … говорит о работе над З<олотом> в Лазури. Т<ициан> возражает: «Есть неповторимое, чего нельзя изменять» … говорит, как многие любят З<олото> в Л<азури>. Б.Н.: «Но автор знает все несоответствие формы с содержанием. Молодость, отсутствие техники не дали возможности выразить то, что я хотел. И я писал по-разному. Напр<имер>, “Первое св<идание>” нельзя изменить, оно вылилось сразу и ушло. Другое: З<олото> в Л<азури>, Пепел. Они всегда со мной. И я знаю, *как* они должны быть написаны, чтобы дать то, что я хотел. Я сохраняю *то* настроение, меняю лишь внешнее выраженье»[225]. Гр<игол>: «Понимаю... но... поэт живет в особом круге творчества. Со временем он видит, что этого круга не понимал. У

меня часто мои произведения обращаются на меня. Это сын, который восстает на отца. Отделился и восстал»... Б.Н.: «Да! Но тут не положение отца и сына, а моего "Я" как личности и индивидуума». Начинает развивать: «Я – множественно, надо не убить, а примирить противоречия. Ходить многоликим – страдание, а не безответственность, как думает Бальмонт. Это обязывает, а не разрешает...» Дальше говорит о дионисичности мысли – подробно. Гр<игол> не вполне согласен. В сущности, он *не понимает* и сводит разговор на другое, думая, что продолжает. Для него мысль – начало света, порядка. – Б.Н. опять возвращается к исходной теме. Говорит долго один, развертывая историю рождения мысли из мифа, личности из рода. – Гр<игол> опять уходит в сторону. Ясно, что он знает мысль только в рассудке. И, слушая со стороны, видно, какая безграничная разница между ними и как существо этой разницы в том, что Б.Н. имел «опыт» с мыслью, а Гр<игол> нет. Гр<игол> умен, остр и ... Б.Н. касается не ума только, а разума. Для Гр<игола> Дионис – темноликое, то, где мысли именно нет места, стихия, оргиазм... Мысль – есть уже отрешенность, преодоление. Мысль – вверху. Д<ионис> – внизу... Б.Н. делает последнюю попытку: мысль не Д<ионис>, не Аполлон, а скрещение их в одном образе... Дальше разговор прерывается. Гр<игол> возвращается ко вчерашним темам: «Время возможно только в "Я"... Я стремлюсь к себе: встречный прогресс... Аристотель говорит: всякий прогресс есть предвечно достигнутая цель»... – Начинают звучать: Гегель, Эйнштейн, координаты, конечность, качество, объект... – Записала нарочно один из разговоров, каких было много. Он характерен. Слишком часто приходится мне наблюдать разговоры Б.Н. с другими. И всегда одно впечатленье: он вооружен бесконечно сильнее. Он говорит из своего рода «виденья» всей картины, из полноты обзора, стоящего в центре. А его собеседники обычно говорят из разных углов... Так с Разумником Вас<ильевичем>, с Великановым[226], с Робакидзе...

– Разница поэзии и прозы в ненормальной стабилизации метра. Ритм не решает: идет ли дело о поэзии или прозе. В ритме этого деления нет... Но ритм – основная стихия *слова*. Слово ритмично, поскольку в нем есть жизнь. «Поэзия» – только временная темперация[227]. Она условна, как Wohltemperierte Klavier[228].

7/VII воскресенье

Все утро дождь с грозой. Мы, кажется, возим с собою «дождь» в кармане... Но пока здесь это не смущает. Даже почти приятно: си-

деть, никуда не спеша, ничего не ожидая. Сегодня вышли вместе обедать. Замечаем, что за этот месяц стол в «Германии» значительно ухудшился. <…>

– Обратно шли пешком. Б.Н. приятно было двигать ногами после своего сиденья… – К вечеру опять гроза. Странная какая-то: перманентно гремит; без разрешенья – смолкает, и опять начинает греметь через некоторое время. Нет обычного в грозе нарастанья и облегчения после того, как она разрешится. Все что-то держит… Как это в общем ритме: все теперь так – начинается и длится без разрешенья. Вот и болезнь Б.Н. Вчера – было нормально, сегодня утром – 36,4 – а в восемь опять 37,3. Самое скверное это «почти» нормально. Пока же не установится прочно t°, нельзя ехать в Коджоры. Там может быть и очень свежо, и ветер. – Пробыть еще несколько дней в Тифлисе даже приятно. Смущает лишь, что мы пользуемся гостеприимством Тициана и как-никак его все же стесняем. Он часто уходит. Сегодня его целый день нет дома. И не знаешь: нужно ли это или это его деликатность. Он болезненно деликатен… Вообще, чем больше его узнаешь, тем больше видишь, какой это *хороший*, именно *хороший* человек. – Читаю целые дни: «современных» авторов. У Т<официана> много книг. Завалены все столы и полки. Пользуюсь случаем: заглядываю то в одну, то в другую книжку или книжонку. Уже надоело. А – все перелистываешь страницы. Все же больше других интересна Америка. Там хоть нравы, быт – новы, незнакомы. Попадаются иной раз любопытные вещи – скорее не в том, что написано, а в том, что читаешь меж строк. – Не знаю почему, но беспокоюсь за Б.Н. Хоть бы скорее он выздоравливал. Он и сам томится этой затяжкой. Ни болен, ни здоров – самое неприятное состоянье.

Живу в непривычном спокойствии. Читаю… «машу» руками: радует величина и высота комнат. Высота особенно. Теперь мне даже она важнее. Важнее возможность поднять руки вверх и не толкнуться о потолок – не толкнуться их продолжением…[229]

8/VII

Все еще дождь. Второй уж день. С перерывами… Но зато ливень. И барометр не поднимается. Чувствую это по мускулам. Они реагируют безошибочно: чувством тяжести. Тоже и Б.Н. Наши мускулы в самой точной связи с состоянием атмосферы. Сухо – и легко, и точно летишь ты без плоти. Но малейшее давленье барометра тотчас сказывается: тело налито точно свинцом, рук не поднимешь… Б.Н. опять не выходит. Вчера к вечеру – жар, кашель и болевое ощущение под лопаткой… Что это с ним? Тревожусь. – Но день прошел

тихо. Оба сидели каждый со своим «рукоделием». Долго же «отсиживаемся»... Если бы не доброта и радушие Тициана, чувствовали бы себя неловко... В «На ... посту» <так!> вышла статья Э<льсберга>[230] о Б.Н.: очень, очень приемлемая. Ни одного «хе-хе», тон серьезный, написана дельно. Мне такой суховатый, «научный» подход говорит больше, чем «симпатизирующие», но жидковатые излиянья Воронского[231]. И как ни парадоксально, но в статье Э<льсберга> понимания «Белого» в известном разрезе больше. Цитаты приведены очень умно. А сравнение, например, образа Мандро и Лизаши с Катериной и Колдуном в «Страшной мести»[232] – даже поразило. Мы никогда об этом не думали, и, хотя к образу Катерины и ее отца Б.Н. возвращается часто, но в голову не приходило, что это же тема Лизаши–Мандро. Меня всегда удивляла именно единственность в русской литературе этой страшной темы. Казалось: откуда это она у Б.Н. Теперь многое стало понятно. И «непонятное» перенеслось совсем на другое. Непонятно тогда: что значит это в разрезе «России» ... «русского» сознанья. Вот он «провал» – глубже всех провалов у Достоевского. Гоголь коснулся здесь чего-то, чего мы о себе не знаем, но что очень страшно... Hüte dich![233] – хочется сказать, когда подходишь мыслью к этим местам. – Вечером был Гр<игол> Роб<акидзе> и Шаншиашвили[234]. Сперва разговор шел на обычные темы: ритм, рифма, проза, поэзия, Тютчев (стихия хаоса). Потом перешло к Блоку, символистам, аргонавтам и закончилось блестящей характеристикой Эллиса. Б.Н. был в ударе и развернул действительно невероятный образ.

9/VII

Что же это! Дождь опять. Держали совет с Тицианом. Он не советует ехать в Коджоры, пока погода не установится. Там может быть холодно в дождливые дни. Начинает казаться, что и в Коджоры не попадем. Вспоминали А<лексея> С<ергеевича>[235]: где-то он? Ведь как раз теперь время его путешествий. 15/VII он должен был быть в Шови. С его бронхитом не очень-то хорошо попасть под такую погоду в горах. – Утром заходила Анико[236]: очень обрадовались. Она приехала хлопотать. Все никак не могут оставить в покое бедных стариков: отняли у них «норму»... Трогает в Анико ее подтянутость и желание быть «как все». И удивительно, что, 20 лет просидев в Сачхери, она сохранила в 50 с лишком лет и грацию, и какое-то прелестное изящество. Сердечно приглашала к себе, когда их дела поправятся. И знаешь, что это не слова. Было даже стыдно, что мы ей ни разу не написали. Странно, что у нас здесь завелось столько хо-

роших отношений: и Анико с Котэ, и Ростовцевы[237], и Сарьян, и … Мелитон… Полихроновы. О друзьях-поэтах уже не говорю… – Начинаю опять беспокоиться о Москве. Б.Н. второй раз уже видит П<етра> ьо сне. П<етр> приезжает в Батум, ласковый, с приветливым жестом… Думаю о нем. И всегда с болью о странной нашей судьбе, о связи в страданьи. Ведь 20 лет уже мы вместе. Б.Н. очень ценит в нем честность и прямоту. Да! вот о ком можно сказать: в нем нет лукавства!

– Вечер провели вдвоем. Тициан поехал провожать с Паоло Т<амару> Г<ригорьевну>. Они заезжали на минутку проститься. Скоро и мы тронемся. День разгулялся. – Заглядываю в газету. Все та же мертвая зыбь. Все как-то пляшет на месте. За эти дни перечиталась до тошноты. Кажется, надолго отшибло от «современных» романов. Как свежую воду, взяла Лагерлеф[238]. Легенды. Пусть это сладко. Но хоть нота человеческого слышна. А там – чувствуешь себя не то в стойле, не то в конюшне, несмотря на все «тенты с пестрыми кистями», вúна, «<нрзб.> тон», старинные усадьбы и океанские пароходы. Перед прилавком, где пестрят в невероятных обложках крикливые названия, – начинает мутить.

10/VII

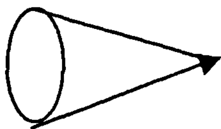
Жар. Но прекрасный! Сухой и легкий. От него жарко спине, а не схватывает за виски. Голова совсем свежая. Тянет уехать. – Б.Н. дорабатывает «Пленника». У него уже счислительный раж. Рассеянность ко всему, кроме цифр и кривой. «Растопилось!» Целый день сидит над счисленьем. Перебирает листы. Порой вскрикивает: от удивления, от досады… Вернувшись с обеда, разглядывали «кривую», разложив ее на полу, как он любит, и присев возле на корточках. Хороша! После всех проработок и чисток значительно поярчела. Словно комок глины, из которого выступил под резцом живой жест человеческого тела. Именно «жест». И первое заглавие книги «О ритмическом жесте»[239] было наиболее верное. Глядя на эти изломы, углы, взлеты, падения – испытываешь очень странное чувство: как если бы все это слышалось, как если бы перед тобой звучала речь, язык, который ты *знаешь*, но – как бывает во сне: не умеешь перевести на слова дневной речи. Может быть, величайшее в этой «кривой» и есть то, что она, как и эвритмия, перемещает органы восприятия. Но эвритмия показывает глазу то, что обычно слышит ухо, а «кривая» показывает то, чего ухо даже не слышит, но что действует. Эвритмистике важно знать «кривую», чтобы дать верную динамику стиха в целом. Эвритмия дает, конечно, возможность «услышать»

эту динамику непосредственно. Но «кривая» могла бы быть проверкой себя в субъективизме. Логика «кривой» – это логика сна. И так же одна непереводима в другую.

...Сидим долго над разложенными по полу бумажками и ищем по тексту. Выясняется... вернее, отдаленно намечается смысловое значение иных фигур: тема черкесов, плен, жизнь в плену... покоренье Кавказа, бегство... Все же это чудо!

...Завтра, кажется, едем в Коджоры. Пишу «кажется» – потому что после «Шови» – не решаешься сказать иначе... Пока что лето наше складывается странно. Очень пестро. Ничего еще нельзя сказать: о чем оно и что в нем будет центральным. Впечатлений много. Но – очень разорванных. Не знаю даже – что найдем мы в Коджорах... – Предполагали сегодня идти на концерт Савича[240], но оказывается – концерт будет завтра. Откладывать из-за этого отъезд – не стоит, – хотя Савич и интересен очень. – За эти дни как-то странно отрезались мы от природы. И опять – по контрасту с предшествующим: влитость в природу в Красной Поляне. Сразу, без всякого перехода: то целые дни под открытым небом... да и в комнатах – та же природа. Они не могут отгородить, они не преграда. Лежа на постели, слышишь тот же шум Мзымты, в окно – та же Аибга... в окне – те же зеленые шапки грецких орехов... дверь поскрипывает от ветра... А два шага за него – и уже ты охвачен зелеными волнами... и нет никакого домика... – И вот – : без всякого перехода ты посажен в каменный ящик... И «природа» оторвана от тебя тысячью таких же ящиков... Совсем другое, ошеломляюще другое... Вместо могучей «природы» Красной Поляны – четыре, пять горшочков с полусухонькими растеньицами на балконе. Выхожу на балкон и гляжу на них со странным, невыразимым для слов чувством. Графически могла бы выразить это так.

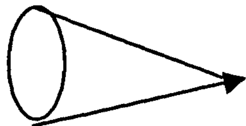
<u>Природа</u> Красная Поляна

Тифлис

Но с другой стороны было также:

Ис-
то-
рия | Ар-
ме-
ния

Красная Поляна

Каждый раз круг сводится в точку, и точка разрывается в новый круг содержаний.

Это лишь отрывки того «ритмического жеста», который поднимается во мне в результате наших перемещений.

Вечером заходил художник, делавший макет постановки «Москвы»[241]. –

Часть 2
11 июля – 24 августа 1929[242]

Тифлис – Коджоры. 11/VII[243]

Вот и опять в Коджорах. Точно сон... Та же гостиница, те же комнаты, тот же Мелитон[244], его жена, дети. Неужели прошел год... Неужели год назад в этой комнате, у этого стола... Воспоминания охватывают и создают чувство нереальности. Как и чем будут для нас Коджоры в этом году? – От переезда устала. В Тифлисе была жара +49... – Сегодня день памяти Т<рифона> Г<еоргиевича>[245]. Три года уже!.. Третий раз вспоминаем его на Кавказе[246]. – Ночь... опять так же висят звезды над темным морем Азарбейджана <так!>. Так же сидим на веранде. Внизу те же гортанные голоса: служащих из магазина под нами. Ужинают и укладываются спать. Вдалеке так же звучит музыка и песня... Постепенно все затихает... Лишь ветерок пробегает: душистый и свежий. Сказка охватывает нас. Кольцо времени – «кольцо возврата»[247] – кружит голову. Мы хотели гор, ледников, силы внешних впечатлений... Нас стремительно и бурно отбросило прочь... Мы, потрясенные, оцепенели в Тифлисе... И вот: из паузы – возникают Коджоры, как бы поворачивая нас вовнутрь. – Впрочем, словами здесь ничего не скажешь. Слова слишком «пришпиливают». Все гораздо невесомее, тоньше. Что же делать, что по разному поводу приходится повторять один и тот же припев: о немощи языка. Все больше и больше переживание перерастает уровень языка. – Перелетели сюда незаметно. Паоло достал машину. В пятом часу заехали за нами – и через каких-нибудь 35 минут мы стояли уже перед дверями гостиницы. Мелитона, как полагается в это время дня, не было дома. Пошли его искать, поднялись крики... переговоры... Через перила веранды к невидимым обитателям низа... Их реплики. Среди всего этого шума – вижу, несется Мелитон, сияя и улыбаясь издали. Встреча самая радостная... Почему это у нас заводится дружба со всеми. Даже в Армении, в неприступной гостинице остался Хайк... – Поэты скоро уехали, водворив нас, выяснив, как будет с

карточками, с обедом. Изумительно, до чего деликатны они во всех мелочах... – После Красной Поляны все линии здесь кажутся мягче и мельче. То, что в прошлом году воспринималось как «горы»,– теперь лишь волнистая линия с легким подъемом[248].

12/VII

Начались коджорские дни. Тихие, задумчивые, в дружеском окружении природы. Резко бросается разница с Красной Поляной. Там оглушающий натиск «элементов», там природа бушует, как море, неизжитым обилием своих сил. Здесь она успокоенная. Она уже не живет, а доживает. Крылья веков, потоки истории... Восприятие ее духовно. От Армении она тоже отлична. Хотя Азарбейджан и долина Куры уже несут в себе нечто от Эриванской долины, от Персии. Но там – шелкȧ и вуали. Здесь вóздухи… Краски мягче, но суше и легче. Эриванская равнина – радужные переливы шелковой шали... Азарбейджан – персиково-бирюзовая кисея... – Утром пошли «поздороваться» с нашей вершиной... Охватили просторы... В дымке все очертания гор. Нет Дагестана, Хребта, Армянских цепей... Зато невыразимо приподняты лепестковые взлеты коджорской спирали. Они, точно огромная роза, плывут по дымкам воздушного моря – среди нежных молочно-опаловых рос... И кажется, что видишь глазом, как они легко и плавно покачиваются среди струй...

Б.Н. стал подбирать их звучание. «Сделайте эвритмически олȧйялȧли»... – «Да, хорошо, – но мне звучит в них "в-л-н"...» (делаю также и это)... – Да, эвритмически это лучше. Но мне хотелось передать то, что в них есть от греческого «лялѐйн» (говорить хвалу)[249]... Сели в тени над спуском к Удзо[250]...

Перед обедом Б.Н. заканчивал чтение текста «К<авказского> П<ленника>» по уровням: вверх и вниз от средней. То, что открывалось, поражало до вздрога. Но очень сложно, завито в какую-то, еще непонятную в целом спираль восьмерок[251]. Только отдельные кольца – вскрываются в своих смыслах. Тема «русского» и «черкешенки». Не названы их имена. «Русский» – в одном месте даже с большой буквы. Он любит «другую». Но другая – это Свобода... Черкешенка же тоже «свобода». Она *освобождает* его. «Беги»... Конь выносит его на *другой* берег. Дева гибнет, отказавшись следовать за ним: «Нет, русский! нет...» Тема горцев... покоренье Кавказа... Смерть Вольности... Измены друзей... тема изгнанья... предательского убийства... – Даю на память, а не в порядке уровней...

– Вечером поднялись на Удзо. Сидели долго над склоном к Военно-Грузинской дороге. На закате из дымного воздуха вдруг четко сгу-

стился Казбек... влево от него прочертились гребни Хребта... Направо возникли зубцы Дагестана... Но это был конец... спущенный занавес. «Явилось» же совсем другое. Мы склонили головы набок, припав головой к земле. «Преображение» началось. Вещество претворялось по мере того, как взгляд падал все более и более вкось. «Прах земной», который мы видим после изгнанья из рая, становился струением странно стеклянным... И возникала «иная» земля. Овраги уже не «овраги», не черные рытвины... а лилово-вишневая колоннада... Клочки зреющих пашен на серо-бурых откосах – уже драгоценное золото мягких свесов изумрудно-агатовой ткани... Все вместе – прозрачно-стеклянно струится... за гранью отлетающей вниз из-под нас бездны: ближних земель. И сливается в целый город иль храм! Сердце бьется усиленно: «Ведь это же возвращение в рай...» Ведь глаза твои чудом склоненья осей входят в новую землю. Взгляд, точно омытый живою водой – уходит все глубже, все дальше. И только головокружение заставляет вновь поднять голову: прямо. И все рассыпается в «прах».

13/VII

Задал же Пушкин задачу. Никак смысл «К<авказского> П<ленника>» не дается. Вот уже подлинно: логика сна. Все утро Б.Н. бился, – не складывается целое. Какие-то противоречия. Не знаешь, что, собственно, Пушкин хотел сказать. Его кривая всегда трудно прочитываема. Но в конце концов смысл становится понятен. Здесь же никак! А между тем линия так прекрасна! Так красиво бьется сердце Пушкина. Обиднее всего, что глядишь на изломы и взлеты и *видишь*: они говорят. Но что? что говорят! Русский любит Черкешенку, воскресает в ее любви... Черкешенка любит русского, ради него отвергает любовь своих «горцев»... И все же: он покидает ее... И все же она отвергает его призыв: «Сей страшный край покинем оба»[252]. Он «пленник»... но в каком смысле? Плен у горцев это уже второй плен. До того он был пленником развращенного света, где узнал измену друзей, клеветы, предательство, оттуда бежал за свободой... Свобода явилась ему в лице «девы»... Он отдает себя ей: «Я твой навек! Я твой до гроба...» И бежит от нее... куда? зачем? «В Россию дальний путь ведет»...[253] Но ведь оттуда он один раз уже бежал... А она... «свобода» – ? От нее лишь остается тающий на воде серебристый круг... Еще сложнее тема горцев и покорения Кавказа... Не берусь ничего сказать о ней... – Невольно весь день полон этими мыслями. Б.Н. с досады стал просто читать Пушкина. И то и дело приходил ко мне, веселясь над бедственным положением «старичка», требующего, чтобы ему подарили шемахинскую царицу, или над зеркальцем, которое «отвечает»: «Ты

на свете...», или над «царевичем Елисеем», которому в приданое дается за невестой семь... городов и сто сорок городов...[254] Читал с большим пафосом (и юмором) все эти отрывки, всерьез, однако, любуясь изумительной легкости и небрежной красоте стиха. ...Начиная с четырех зафыркали автомобили, с гудками и ревом опоясывая наш отельчик... Без перерыва, один за другим. И так до 7... до 8... Сперва из Тифлиса в Манглис. А позднее: из Манглиса в Тифлис. Последних сегодня мало: впереди два «дня отдыха». И граждане едут на дачу... Очень они здесь все нарядные. С каждым годом – все наряднее... Недавно жена одного из поэтов была в Москве и Ленинграде: «Как плохо у вас там одеваются! Меня вот принимали там за американку. А в чем я одета?» Мне кажется иногда, что у тифлисских дам совсем нет простых платьев, что все у них «по фасону»... Шелк, кружева, шитье... И нужно сказать, что красиво, со вкусом... Но все же жаль, что вкус и изящество сосредоточены на том, как «одеться»... А время такое грозное! Но фырканье автомобиля и совещанья с портнихами заглушают все остальное... Так кажется! –

Вышли гулять только к вечеру. Еще фантастичнее, чем вчера. Азарбейджан весь фосфорически-розово-мглистый... Кахетинский хребет распластался, принизился... Над ним сгустился из золотистого сумрака Дагестанский. Построились дымные башни, зубчатые стены. Левее к закату – Казбек. Как вчера: только очерк огромный возносится из молочных туманов, разлитых вдоль всей Военно-Грузинской дороги... Из Армении подползает огромная тучища, закидывая великанский плащ на закат... Но с хребта ее гонит обратно, въедаясь ей в бок... «Это сферы влияний столкнулись», – смеемся мы, глядя на въѐдину... «Хребет не пускает армянских “дождей” в свое царство. У него там “свое”... свои заготовки»... Мирный день. Ни о чем... Такие дни особенно бывают в Коджорах. Их «ни о чем» – полно горнею думой. Так не думалось в Красной Поляне. Высота действует непрерывно. И все здесь другое, чем там, внизу. И движения, и мысли... Бывают минуты, когда руки мои отделяются и начинают двигаться, как бы плавая, летая, скользя вкруг: *меня* ... Так нигде не бывало. Особенность каждого места тотчас же замечаю на эвритмии и на медитации. – И то и другое – самая сильная реакция на характер данного места. Через них – узнаю многое. В этом смысле Коджоры – наиболее совершенны.

14/VII

Ну и характер же у Б.Н.! Не выносит препятствий. Вчера в 12 ночи уже засел за «*Кавказского Пленника*». *Не дается прямо – так сбо-*

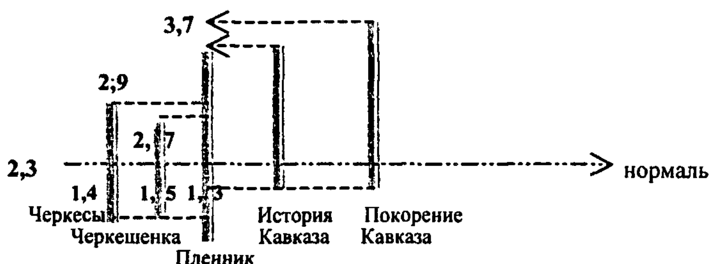
ку подкрасться, схватить! Делал выписки – характеристики пленника, горцев, потом казаков. Пленник и горцы – : тональность одна. И симпатии Пушкина с ними. Казаки взяты иначе. Холодно, глухо.... Сегодня с утра опять «К<авказский> П<ленник>». Из сравненья с тем, что одновременно написано Пушкиным, выясняется многое. И прежде всего – основная черта Пушкина: шифр. Все зашифровано. И в его героях, и в его собственной судьбе. Официальное «Славься ты, славься»[255] – а под ним «Ужо тебе...»[256]. Любя Татьяну, Онегин любезничает с Ольгой. Любя Черкешенку, Пленник бежит от нее... Не любя жену, Пушкин идет на дуэль. Ненавидя царя, убивает Дантеса[257]. – Все это, и другое, чего уже не запомню, Б.Н. взволнованно рассказывает. Пушкин всегда волнует его. «Странная машинка!» – Но еще более странно, что «Пленник», или Пушкин сам (п<отому> ч<то> это его состояние в то время), – дает как бы пересказ случая из биографии самого Б.Н... «“Невольник чести!”[258]– ведь я же это знаю насквозь! Ведь так именно ехал я за границу к Асе в <19>21 году…[259] оставляя то, что любил живою любовью, что вернуло мне жизнь...» Мне эта мысль пришла еще вчера в голову... и именно при словах «невольник чести» встали наши разговоры в <19>20 году, когда Б.Н. спрашивал меня: ехать ему или нет... и мое «ехать» – слышу в «Беги!»[260]...

Сегодня Коджоры кишат народом. Мелитон сбился с ног. Так было, так будет. Некто или «некты» приезжают на отдых, а Мелитоны, Евсеичи, Захары сбиваются с ног. Тащут закуски, стелят постели, открывают бутылки. А «некты» с сенаторским видом проследуют из «собственной машины» в готовую комнату, к готовой закуске. А что если бы им самим потрудиться сбегать за «пури»[261], которого они не захватили с собой и которого не так просто достать без карточек...

15/VII

Весь день почти провели на нашей вершине: с пледом, с книгами, с рисунками. Б.Н. упорно трудился над перспективой далей Военно-Грузинской дороги и Кахетинского хребта. Он эти два дня молчаливый и нервный. – Мне было бы хорошо, если бы не мысль о Москве. Что там? – Перед чаем долго сидели на веранде. Азербейджан окутывался тучами. Оттуда тянуло свежим ветерком с запахом далекого дождя... – Предложила Б.Н. вычертить цветными карандашами отдельные темы «К<авказского> П<ленника>» – и сама теперь не рада. Работа мелкая, линии сливаются... Сидит раздраженный, жалуется, что устал... Весь вечер прошел. Час ночи... Зато результаты удиви-

тельные. Глаз показывает то, чего нельзя было узнать мыслью. Выяснилось соотношение размахов тем и их отношение к нормали. Приблизительно:

«Пленник» как бы включает в себя все темы. Разгляд других показывает «жест», с каким писал Пушкин. «Покорение» – падающая линия, освобождение Пленника – падающая или на падающей... «В Россию дальний путь ведет» – на падающей... и т. д. Особенная трудность «К<авказского> П<ленника>» в том еще, что кривая «М<едного> Вс<адника>»[262] настолько въелась в сознание. Невольно и здесь подходишь с тем же принципом: тема верха, низа, – их контрапункт. Но матерьял не поддается и требует какого-то иного прочтения. Никакой «сонатной» формы[263]... Раздражение переходит и на меня. Что же это за существо Пушкин! Чего это он так хитро прячет концы. И у меня целый день пошел на грамматическую зарисовку «Последняя туча...»[264]. Не выходит, да и только. Глаз не принимает рисунка, а чувство мешает подделывать рассудочно линии... Вот и билась, и не кончила биться. – Опять выскочила новая трудность: как разбивать отрывки... Красные строки у Пушкина даны неотчетливо. По какому принципу делить отрывки? Б.Н. взял сперва 73. Теперь думает, что нужно взять еще больше, т. е. разбить еще мельче...

16/VII

Странно, что вместо природы внимание занято «Пленником», эвритмией и даже Бальзаком, которого читаю после перерыва лет в 20. Б.Н. делает всю работу заново. Строение выходит почти строфическое. И уровни открывают многое, что начинает выяснять прежние непонятные места. Напр<имер>, тема *покоя*: черкес («ничто на нем не загремит»[265]), дум пленника («*И на челе его высоком не изменялось ничего»), ночь... один уровень. Видно также, что черкешенка сразу производит впечатление на пленника, но он борется, считая,*

что это «сон пустой»[266]... – Гулять почти не ходим. С пледом усаживаемся на своей вершине... Вид уже привычный. Но каждый раз в новых оттенках... Б.Н. все рисует. Меня отвлекает эвритмия. И только смотрю, смотрю без конца, точно пью в себя эти краски. Можно ли передать, как бронзово-вишневая к вечеру ткань точно покрывается легким скольженьем золотых пятен сверху и прочерчивается глубокими мягкими и нежными черно-зелеными складками. С каждым моментом все это меняется. Словно солнце влачит за собой все эти пестрые ткани, и они, повинуясь движенью его, там загораются, там угасают, там сминаются, там растягиваются, то накрывая друг друга, то скользя, соскальзывая, ускользая... То выступит одно световое пятно, неожиданно... и нет его... а там – уже новое... И опять его нет... И опять появилось... Ни минуты покоя! Все льется, струится, течет... как световая симфония... Каждый день можно ходить сюда... и смотреть... и учиться. –

А дни неспокойные, и вчера, и сегодня. И как всегда бывает: ряд «пустяков» собирается вместе... и все неприятных. Утром Мелитон забыл взять хлеб; в кооперативе не было того, что мне нужно, газеты не достала, частная булочная сегодня не печет: нет муки; обед запоздал, комната не убрана... и еще всякие мелочи... От всего же в душе беспокойно. И все наше лето кажется бессмысленным и утомительным тасканьем с места на место. Думается даже: время сейчас не такое, чтобы путешествовать... Ведь все больше нагнетаются трудности жизни и дают о себе остро знать. Какое уж тут «путешествие», когда нужно думать, где достать сахар, хлеб, чай, рис... Невесело все... – Только к вечеру рассеялось настроение. Ночь принесла какое-то умиротворение. И главным образом – эвритмия.

17/VII

Сегодня наконец достала газету. Что-то затевается с Китаем[267]. По-видимому, серьезно. Впрочем, о китайцах ничего нельзя сказать: чем они угостят...

Вечером неожиданно налетели «поэты». Вернувшись с прогулки, застали записку от них в своей двери. Мелитон сказал, что они вместе с друзьями своими кутят в первом номере. Проходя, мы действительно видели там все «признаки»... Вскоре появился Паоло. Потом N[268]. Они увлекли Б.Н.: застольная беседа... речи, тосты... Только к 10 кончилось. Б.Н. вернулся очень довольный. Было интересно и видеть и слышать. –

А между тем... на «Вершине» сегодня опять было все новое. Сотканное из воздуха золото переходило в мертвенно-зеленоватое,

призрачно-теневое – к Азарбейджану; и в четкий рельеф коричнево-серо-черных проборов над-за Тифлисом и к Военно-Грузинской дороге. Поймать грань между призраком и реальностью было невозможно. И так же невозможно сказать: где грань между землей и небом... Бледно-серебряное море – протянутое золотыми текучестями, с брошенными кусками летучего тусклого крепа – и поведешь глаз: неживой бледно-серо-зеленый полусумрак. В нем приподнимается едва, едва видно для глаза надозерное плоскогорье. Под ним озеро – тоже из царства Аида – серо-бирюзовое... как тонкое стеклышко, чуть-чуть скошенное.... Зачем все это пишу? Ведь даже Б.Н. во всеоружии своего опыта, «стажа» и пр. – отступает перед попыткою закрепить в словах то, что мы видим... Не отрываясь, сидим... встаем... ложимся, скосив голову... переходим то выше, то ниже: и все смотрим... все не наглядимся...

18/VII

Холодно. К вечеру дождь. С Китаем все так же напряженно. Прочла острую книгу. Чепуха, но занятно, а в теме своей – даже страшно. Капитал и война как средство для процветания и роста капитала. Война нужна капиталистам. «Машина для прекращения войны». Доржелез и Жинью[269]. Может быть, это совпало как раз по настроению. Ведь ясно, что пока будет капитал, будет и война... – На сердце тревога. Мысли о П<етре>. Видела сон о нем. – Сидим как на острове. В отеле все пусто. Кроме нас никого. После суеты этих дней, даже приятно. – Интересно все же, поедем мы в Кахетию? Или всегдашний наш спутник – дождь и здесь не отступит. Поездка назначена на субботу... Ветер свистит за окнами. Скрипят и постукивают ставни... Шумят порывисто деревья, точно рассыпая пески... – Б.Н. кончил свой рисунок. Как разно у нас с ним ложатся краски. Не понимаю, в чем дело. У него они как-то втерты и радужны. У меня брошены кусками, почти небрежно; у него чувствуется главным образом свет; у меня – воздух.

19/VII

Тревожно... С Китаем – неопределенно. Мысль об этом – сквозь все. День холодный. Ходили зарисовывать за-тифлисские пространства с нового места. Уютною тропкой, по фруктовым садам, а потом через кустарник. Вся гряда Удзо видна оттуда вытянутой спадающей линией. Точно мягкие кольца змеи... не совсем змеи, потому что *«это» не злое, а доброе. Добрые линии, формы... Но и слово «Удзо» почему-то звучит мне как «змея»... ...Сильный и холодный ветер*

скоро прогнал нас. Спустились к дороге и вернулись нелюбимым путем Б.Н. – по главному тракту Коджор: мимо аптеки, кооператива, автобазы... Там роенье... чемоданы, корзинки, тюки... возбужденье, толкотня и неизбежный «хвост». На этот раз за керосином. Керосиновый запах несся уже навстречу нам издалека, и встречные, благоухая, несли драгоценные фляжки, бидоны, бутылки... Какое-то странное томленье. Ничего не хочется... все валится из рук... А ветер опять завывает и бьет ставнями. В отеле так же тихо. Выходишь на веранду. Беззвездное небо. Пустая дорога. Вдали далеко... огоньки в двух местах, как два кусочка елочной канители, мерцают во мраке: верно, две станции железной дороги... Ну и простор же! На повороте веранды качается в ветре большой фонарь с маленькой керосиновой лампой... Прыгают тени... Внизу под верандой стихающие голоса лавочников. Поужинали и укладываются спать...

20/VII

Вчера перед сном Б.Н. жаловался на свое общее недомогание. Острого ничего нет. Но точно рука давит на сердце и каждую минуту может крепко сдавить... Бессонница, тяжесть во всем теле, раздраженье беспричинное. Так с самого приезда в Коджоры. Но не говорил мне, чтобы не беспокоить. Решили, если поэты не появятся до вторника, в среду поехать в Тифлис... – Тревожные трудные дни. Стараюсь не показать виду. Б.Н. и без того страшно нервничает. На все раздражается... После обеда пошли на «холм», его любимое место. Вид на все стороны, кроме Военно-Грузинской дороги. Но, пожалуй, Азарбейджанская равнина и предгорья Кахетинского хребта своим необъятным простором меня волнуют больше всего. Это море светового воздуха, непрестанно меняющее свои цвета и тени... Эвритмия земли... Глядя на это чудесное живое движенье, ощущаю в себе ответные ритмы. И кажется, что все эти краски *во мне*... Сегодня все это молочно-жемчужное... четкие легкие пробеги скользящих теней чуть рельефят необозримость, в которой глаз тонет и по которой летит... Пятна туманного золота отмечают нагорья... Горизонт замыкают розово-черные, очень спокойные, очень далекие, очень неясные формы, ...которых нет сил назвать «горами»... Они так же молочно-жемчужны, как все. И лишь абстракция сознанья выделяет в них «черное»... Черного нет, а есть страшная даль, превосходящая способность глаза очерчивать контур предметов и схватывать их матерьяльность... И глаз поражен, когда падает вниз на то, что под ногами... Он в другом мире. В эмпирике. На коджорских холмах. Здесь господствует закон предметных раздельностей. Нивы,

леса, сады, домики, дорога... пылящий автомобиль, веющий флаг... Б.Н. рисовал. И спешил, чтобы кончить к закату. Все же не кончил. Ветер, очень холодный, прогнал-таки нас прежде времени... – А в газетах все то же неопределенное напряженье. «Войны не будет», – общий хор голосов. Над Тавризом пролетел огромный метеорит.

21/VII

Ну и дни! Острые... с налетающими вихрями раздраженья. Б.Н. все жалуется на «два пальца», сжимающие сердце. Почти решили уехать в среду. Пока в Тифлис. А там... что и куда? Может быть, даже в Москву. Во мне острая тревога: не случилось ли там чего? Уж слишком необъяснимо состояние наше последнее время. Все, что ни начнешь, – кончается неудачей... Погода аккомпанирует... Холодный ветер, несмотря на солнце. – С утра приготовились: может быть, заедут за нами в Кахетию. Все сложили. Не знали, стоит ли заказывать самовар... Это разбило весь день. Б.Н. заволновался. Стал говорить очень резко... «Что же это! Хоть бы известили... Ведь мы не богема, которая "трах"... и поехали... У нас свое распределение времени...» В каком-то смятении прошло до-обеда. Только рисунки отвлекали... Б.Н. пустился в какие-то космические фантазии. У него все стремится стать монументальным... Жалкие средства: плохая бумага, плохие краски и не всех тонов, плохие кисти... Целые дни нужно сидеть, чтобы добиться, чего хочешь... – Пошли к Разбойнику[270], – пораньше, чтобы захватить тепло. Хочется там зарисовать. Меня прельщает «Армянская» равнина... Вообще, этот пояс пространств, обнявших Коджоры, строит во мне внутри особую имагинацию. Передать ее никак не умею. Хотя, может быть, и попробую когда-нибудь. Это белая роза с темно-зелеными листьями, плывущая в радужной жемчужно-персиковой, золотисто-вишневой, пурпурно-синей, сине-лиловой воздушности... Вижу так ясно этот образ... Чуть приподнята роза на всплеске незримой волны... И кажется, видишь ее колебанье средь струй...

– В первый раз за этот приезд были у «Разбойника» – даже не у него, а в той стороне, влево по гряде. Настроение сменялось. То радость от красоты, то вспых раздраженья, тревоги... Словно что-то мучительно разрывалось в сознаньи. Зарисовали развалины в профиль. Но солнце ударило, вырвавшись из-под тучи, так что пришлось уйти... Едва спустились к «Украйне», налетел откуда-то дождь. Правда, мелкий... Предстоял подъем. Шли очень медленно. Решали, куда повернуть: к «Аптеке» иль к церкви. Там дорога ровнее, легче всход. Но – это путь через самую гущу дачного быта, с

автобазой, столовой, кооперативом и неизбежным роеньем, от которого тошно и нудно. К церкви больше подъем, и на вершине резкий ветер с заката. Но там малолюдно и очень красиво... «Решайте», – сказал мне Б.Н. И подумала: «Если вернемся с “Аптеки”, притащим с собою тусклую скуку... От церкви же... Но зато сердце Б.Н. Вдруг что-нибудь будет. Хотя он именно любит эту дорогу и активно противится всегда против “Аптеки”»... – «Пойдем через церковь», – вырвалось почти бессознательно. Б.Н. даже обрадовался. «Пойдем!» Дождь усилился, ветер рванул... Зашли под навес у церкви. Присели пережидать. Минут через 10 тронулись дальше... Стихло сразу, и нет никакого дождя. Вдруг деревья зажглись, как пожаром. Казалось, что липы в пурпурном цвету... «Что это!» – «Верно, солнце... Закат...» Но мы шли в тени, за холмом. И лишь слева горела странным огнем аллея и за нею сады... Мы огибали ... подножье холма, и через несколько шагов на нас плеснул тот же свет. Солнце торжественно горело под синею тучей над фиолетово-черным волненьем хребтов... Вдруг в нас просияло все... «Как хорошо...» – «Да, точно надежда... точно разрешилось томленье...» – «Как хорошо, что придем домой с этим...» – «Признаться, не знаю сама, почему выбрала этот путь...» Точно подарок нам, эта радость от «солнца»... Но дома опять начались дерганья гномов. То одно потеряешь, то другое... то одно не так... то другое. Уже в полном почти отчаяньи стала заниматься эвритмией... Постепенно утихло. Мир сошел в сердце. Перед сном делала Б.Н. массаж. И он уснул здоровым ровным сном в первый раз после многих ночей... С особенной силой просила помощи нам в этот вечер...

22/VII

Бауэра[271] не стало! с 18/VI на 19 он отошел... на руках у фрау Моргенштерн[272] и М.А.<Чехова>...[273] Больше пока ничего не могу сказать. Все вздрогнуло в сердце... «Помни и ты! Ведь Бауэр, как и доктор, унес туда часть твоего... Не прилепляйся к земному. Будь готова к пути...» – Было вот как. Часов в 11, покончив с чаем, уселись за свои «дела»... Б.Н. рисовал у себя за столом. Вдруг слышу его восклицанье: «А-а...» Бросаюсь, и вижу в окно: Лида![274] Восклицанья усилились. «Как! откуда? куда...» – «Едва нашла вас... Проездом, вернее, “заездом” из Шови в Сухум. Хотелось увидеться, и в Шови случайно узнала, что вы в Коджорах....» Пошли рассказы. Одно из первых – известье о Бауэре. Стихли. И долго еще не могли ни о чем другом думать. – Пошли на «Вершину», незаметно дошли до Удзо. Лида сразу «вцепилась» в наш «сон»... Поняла и увидела. «Что это такое! Почему это так знакомо! Точно это родное, свое, но какое-

то не из теперешней жизни... И все же такое близкое...» – «Вы говорите точно те же слова, что и мы с К.Н. здесь повторяем... Могу лишь сказать субьективно: фантом связан с памятью... Оттенок “воспоминанья”, когда смотришь на эти рельефы, звучит во мне всегда темой фантома...»[275]. Уселись на склоне к Военно-Грузинской дороге. Лида рассказывала: она проехала по Осетинской дороге, через Цей, Зороаг, Шови. Каждое место неповторимо. «Вы должны быть в Цеи[276]... Там все “поднимает”, и хотя нет горизонта, но есть высота. Зороаг прекрасен голой пустынностью гор и ущелий... Шови – место для отдыха. Там, протянувшись на зеленой траве, можно под огромными елями “переварить” то, что дают Цей, Зороаг и другие места по пути...» – «Постараемся... вернее: попытаемся быть в Цеи...» Б.Н. стал рассказывать, что и где перед нами: какие хребты, и какие долины, и где что когда видно... Время летело. Вернулись и, едва пообедав, опять в путь: к «Разбойнику»... Посидели сперва на «скамье». Лида ей удивлялась, конечно... Потом обошли замок, сели под ним... над простором «Армянских предгорий»... К сожалению, день облачный. Краски стерты. Дали закрыты. Но и то, что открылось, было достаточно. Лида «увидела» и поняла. Вернулись совсем в темноте... И долго еще не могли разойтись по своим комнатам. Все взволновалось...

23/VII

Разговор продолжался... Пошли опять на Вершину. Сделали медитацию Geist seiner Seele...[277] потом вспомнили доктора, Унгер<а>[278], Т<рифона> Г<ригорьевича Трапезникова>, Лилю[279]... Прочли Gr<und>st<ein>leg<ung>[280]. Образ Бауэра веял над всем... Наши сердца... могу сказать *наши*, – знаю без слов – «горели!» Слова звучали с такой силой, что едва могли их произносить. Переживалось Mysterienstätte[281]... Как хорошо, что эта весть пришла к нам в Коджорах... где святыня Удзо[282]. А ведь Бауэр когда-то сказал Б.Н. в самую трудную для него минуту: «Молитесь Божией матери...»[283] Как прекрасна кончина М<ихаэля> Б<ауэра>: когда солнце было почти в зените, на скрещении праздников...[284] Пошли еще раз взглянуть на «сон». Он был серебристый, прозрачный. Осмотрели кругом горизонт. «Жаль, что нет солнца! Вы не видите красок. А краски и колориты здесь главное», – сокрушался Б.Н. Но Лида ему возражала: «Нет! то, что мне дали Коджоры, ни с чем не сравнимо. Таких просторов не видала нигде. И подумайте только, все, кто ни узнавал, что собираюсь в Коджоры, жалели меня: “Зачем вы туда? Ведь там нет ничего, кроме... леса!” Это слышала от всех. Под конец уже стала стыдиться своих устремлений и успокаивала собеседников, что у

меня “там” друзья...» Знакомая тема! Ведь с нами всегда то же самое; общее удивленье: что вам делать в Коджорах... – Часа в 4 Лида уехала. Простились: «Ну, до Москвы...» Весь приезд ее был гармоничен. Осталось чувство осмысленности этой встречи. Как ясно, что мы все же живем как-то не так, как другие. Ни объяснять, ни растолковывать ничего не нужно. Понятно с полслова. Только на фоне других сознаний выступает особенность нашего. – Весь вечер не отходили от мысли о Бауэре. Вспоминали одно и другое... Надолго еще это событие будет стоять перед душой непосредственно. – Смотрели свои записи 18–20/VI. В них, несомненно, есть отзвук. Особенно в том, о чем они напоминают.

24/VII

Все еще очень свежо. Небо в облаках. Но уже есть просветы. Утром Б.Н. принялся за краски. Одолевает Кёр-Оглы[285]. Его рисунки все смелее и ярче. Часто спрашиваем себя: зачем это столько времени убиваем... без техники, без самых элементарных знаний о перспективе, о законах сочетанья тонов... Но «рисуем» с таким же запоем, как сидели над листиками, над камнями. Нет сил оторваться[286]. Б.Н. даже ничего не читает, не пишет. Забросил дневник. Нет уже разговоров за чаем... – После обеда поднялись на вершину с флажком. Оттуда весь горизонт виден сразу. Поворачиваешься вокруг своей оси... и как панорама проходит: Армения, Азарбейджан, Кахетия, (Дагестан), Главный хребет... «Сон» оттуда... – Сегодня он был золотой. «Сны золотые»... Красоту коджорской спирали только здесь можно увидеть. Именно красоту. Все линии так прекрасны, так изящны, легки... И одно вызывает лишь вскрик сожаленья: почему у нас нет техники, все это зарисовать... А колориты нагорий за замком. Только самой дерзкой фантазии допустимы эти сочетания и смешения красочных пятен..... На закате долго сидели внизу под Удзо... «Сон» не пускал от себя... «Сны золотые»...

25/VII

Целый день туман. Окутаны все окрестности. Ничего не видно. Сидим точно в облаке... Дома хорошо. Тихо. Занимаемся своим рукоделием.

26/VII

Настроенье неровное. При воспоминании о «Кахетии» делается «как-то не так». Не понимаю «поэтов». Хотя бы известили. Записку прислали или по телефону сказали. Б.Н. очень рассержен на них и

хочет отказаться от всяких поездок с ними – если они вообще приедут. Хуже всего, что своими обещаниями они создают психологию ожиданья. А это повергает Б.Н. в ненужное волненье. Опять жалуется на стеснение в груди. – Рисуем... Рисуем! Фантазии Б.Н. развертываются невероятно. У меня перед глазами линии, склоны, сдвиги... игра колоритов... Одержимость какая-то. Было бы хорошо, если бы не воспоминание о «поэтах»... Бог с ними! Мы разные люди. И нам, верно, не понять друг друга.

27/VII

Наконец-то тепло. Солнышко. В открытое окно прогревает комнату. – Весь день рисунки. Б.Н. сидит над «сном». Очень интересно. Реалистическую зарисовку переделал в фантастическое барокко. Получился удивительный разлом почв. И, облитое светом Казбека, все это слагается в какую-то новую жизнь. Уже «за» и «над» гранью этой... К вечеру солнце так вспыхнуло в мое окно, что не удержалась. Потянуло... Б.Н. спал. Он жаловался на слабость и боль под сердцем. Пошла одна. На «холм»... Закат горел расходящимся вверх пучком золото-розовых сияний... А напротив, над озером, тот же пучок, опрокинутый вниз и черно-дымный... И земли под ним неживые... призрачные, шоколадно-серо-зеленоватые... Контраст к западу, где все расплавлено в малиновом золоте... Вбирала в себя краски и колориты, чтобы рассказать о них Б.Н. Подходила к дому рассеянно, погруженная в свои мысли... Вдруг – окликает кто-то. Не узнала почти – от неожиданности. Б.Н. бежит мне навстречу. «Не мог...» Повернули, и снова на холм... Пока не угасло... А вечер опять за рисунками. Сделала в красках Аибгу. Б.Н. говорит – хорошо. А мне не нравится. Нет той динамики, того ритма, что у него. В его рисунках, как у Чурляниса, Врубеля, вписано то, чего не увидишь сразу. Они движутся, когда на них смотришь, и строят все новые и новые формы. В них можно погружаться. У них есть глубина. Из них начинает «казаться»: одно... другое... – Пришли письма из Москвы. Пока там все благополучно.

28/VII

Какой-то запой рисунками. День такой прекрасный. Мы уже сидели, уткнувшись в краски и кисти... переходя от восторгов к отчаянью... «Сон» наконец кончен. Он зажжен «белым» лучом с Казбека. – Были у замка. Пытались его зарисовать вблизи. Но, посрамленные, только расхохотались... У Б.Н. каша «барокко», у меня – каша «готики».... «Знай, сверчок, свой шесток...» – шутили друг над другом. Даже весело стало. Вернулись как-то легко, новой дорогой, огибая

холм с церковью. Вечер уже провели «человечески». Поговорили – за много дней впервые...

29/VII

Кончилось «рисованье»: начались разговоры и записи у Б.Н. Тему «рисунков» он развил в целую философию – науки видеть. Непосредственно через глаз, руку, ухо, ноги это связалось с эвритмией. Потом сделаю у него некоторые выписки. – Вечером вспоминал Асю, свой приход к доктору, ее роль в этом случае. Она выговорила первая: «А не спросить ли совета у Штейнера (по поводу брюссельских переживаний)... ведь ты ему веришь...»[287] Через все чувствую с нею какую-то близость. И если бы не разделяющая линия нашей судьбы, мы могли бы встретиться. Впрочем, очень на глубине. Оболочки наши слишком различны. Но у меня к ней все больше и больше крепнет странная симпатия. Что-то вроде той связи, которая у Б.Н. с отцом... совсем, конечно, другая... но тот же характер «развития отношений» на расстоянии. – К закату вышли на «холм». Все было затянуто густыми черно-синими завесами. В двух местах лишь приоткрывались точно два глаза. Снопы красного света вырывались из них. Азарбейджан тонул в молочных туманах. Но сильно прометились очертанья хребтов, которых обычно не видишь. Все заострились, приподнялись очень высоко. Даже над-озерный холм, который привыкли видеть почти распластанным, взгорбился неожиданной горбиной. Замок – огромное тело протянутого с сев<еро>-запада на северо-восток ассирийца. Великолепно вырезывалась шапка с откинутой назад башенкой украшений. Могучая лапа захватывала огромное пространство, разрастаясь в какой-то плавник. Голова гордо посажена на плечах. Но выражение «профиля» мягкое, задумчиво-мягкое.... Все это тело – в серебристо-серых и песчаных зеленых тонах приподнималось на фоне лилово-синих Армянских предгорий.... Мрачновато прекрасно. Пустынно, молчаливо. В душе поднимались века. И взгляд с тем же вопросом обращался на северо-восток... Чем ответит он ассирийцу? И о чем спрашивает его эта громада? Волны прошлого вливались через его взгляд, наполняя сердце странным волненьем. Словно чувствовал сквозь себя проходящий поток: из тысячелетий... в новые тысячелетия... Если бы можно было передать в рисунке то, что переживалось!..

30/VII

Кончается июль. Весь он прошел в каком-то странном томленье. Полный контраст с июнем, таким гармоничным и ясным. – Несмотря

на это или как-то необъяснимо распадаясь на две линии, – эвритмически июль был очень силен. Многое узнала и сделала. Многое дали и рисунки. Жизнь в Коджорах налажена, максимально удобна... Это одно. Но другое, необъяснимое, остается. И оно заставляет сказать: июль был месяц «мучений». Неожиданных нападений. Слома всех планов. Разгрома в психологии Б.Н. Его поворота от «гор», нежелания куда-нибудь ехать, что-нибудь предпринимать. И как предпринимать? Стоит нам куда-нибудь собраться, как там мгновенно «портится погода»... До смешного. Не говоря уже о Шови, о Кахетии, но и такая мелочь, как Манглис[288]. Сегодня еще раз то же самое. Решили поехать завтра... И к вечеру вся сторона Манглиса в грозе. К ночи дождь в Коджорах. – Будут ли эти «мучения» катарсисом...

Читаю Герберта Уэллса «Отец Кристины Альберты»[289]. Тяжелая вещь. Еще не знаю конца. Но пока напоминает слова доктора: «наступает время, когда всех, верящих в душу, будут объявлять сумасшедшими и заключать в больницы»... Нечто такое звучит «над» строками, как атмосфера. По-другому, это тема «Коробкина»[290], но в западном преломлении. То, что у Коробкина идет от философии и математики, там от спиритизма и нездоровой фантазии. Но общее: Я не «Я»... «Я» – вечно. Я – оболочка... Посмотрю – какой нотой окончится...

31/VII

Б.Н. опять принялся за «К<авказского> П<ленника>». Вчера сидел весь день. Содержание остается все таким же загадочно-глубоким. Но выступают отдельные черты. Напр<имер>: отношение Пушкина к природе Кавказа: холодное, далекое. Ряд эпитетов вызывают ощущение неуютной каменной дикости без реакции на ее величие и красоту. На природе ритм стоит обычно на низком уровне – 2. «И равнодушная природа...»[291] – основной лейтмотив. Не до природы Пушкину в то время. Уже в «Бахч<исарайском> ф<онтане>» тон его мягче, теплее. Больше же всего он волнуется русской природой... Здесь все живет, движется, раскрывается в красоте стиха и ритма, несмотря на внешнюю незатейливость картин: морозное утро, осенняя непогода, пашня, «три сосны»[292], зимняя дорога...

К вечеру встревожились: на мое имя заказное письмо. И сейчас же вопрос: что случилось? На беду почтальон не застал. Ходили на почту. Но там письма нет. Стараешься быть спокойной. Опять собирались в Тифлис. Выяснить наконец, что значит молчанье «поэтов», и сделать шаги в связи с предполагаемой нашей поездкой по Военно-Грузинской дороге. Но ехать так не хотелось... Б.Н. сразу занерв-

ничал. Решили, что он напишет... – У меня запой с рисунками. Не могу отделаться от «ассирийца»... Вижу его так ясно. Рисунок же груб. Чего-то в нем нет. Б.Н. предупреждает от излишнего увлечения.

1/VIII

Тихий, странно тихий и строгий день. – Письмо получилось: Петя пересылает письмо для Б.Н. из-за границы[293] по поводу какого-то вновь затеваемого журнала. «Прорывы», кажется. В СССР он будет распространяться через ВОКС[294]. Отправила письмо Б.Н. к Тициану. Вышло очень резко. Но, может быть, так и лучше. Пусть подумают, что как-то не вяжется их «провозглашение» *Андрея Белого* осью мировой литературы на застольных беседах и непонятная небрежность к живому человеку: обещано то, другое. И ничто не исполнено. Знаю, что они любят Б.Н. и что Тициану будет очень больно получить такое письмо. Но, может быть, им нужно встряхнуться и понять, что их отношение к жизни – не только к Б.Н. – не ладно. Ведь держали же они две недели взятые у Мелитона пальто и казенное одеяло. А стояли холодные дни, и бедный человек остался без теплого... Не знаю, как мы теперь встретимся... – Весь день тишина и бодрствование. На закате ходили на «холм». Все завешено туманом и тучами. На темном небе «ассириец» призрачно бледен. Надвигалась гроза. К ночи она разразилась. Много говорили о важном. И опять о рисунках: не следует им отдаваться, не следует развивать такой «алчности» к краскам. Перед сном тихо посидели перед портретом доктора. Прочли из книги. – Окончила Г.Уэллса. Как всегда, конец хуже и, в сущности, смазан. Б.Н. тоже прочел с интересом. Говорит, что написано тонко и местами мучительно. Очень типичный случай «mystische Vorschwobenheit»[295]... Интересен тип Кристины Альберты: она выговаривает о женщинах знакомые слова: может быть, «женщина» изменяется. Не все будут одинаково способны к материнству. Жажда любви останется. Но без желания иметь детей. «Я» женщины не захочет отдавать себя потомству. Ему нужно жить самому, что-то делать с собой, а не уйти в заботы и радости о «маленьких существах». Со стихийной страстностью вырывается у Кристины вскрик: «Я хочу жить как я, как Кристина Альберта, не как род, не как раса, не как мать... Как я – неповторимое, человеческое...» Это темы «личности», ищущей своего утверждения не в штирнерианском «Ich hab' meine Sach<e> auf Nichts gestellt»[296], а в том, – слышу это в тональности, – что может быть утверждено только в фантоме[297] и что запечатано в тайне мейстера Иезуса[298]. Альбер-

та хочет быть *человеком*, личностью, но личностью, принявшею в себя «мир». Она не умеет сказать, у нее нет слов. Слова, нужные ей, – это Евангелие и путь Иисуса из Назарета. Она этого не знает, не знает, что ее любовь раскроется лишь в «свободе из любви»... Другое «я» романа – Приймби-Саргон[299], просто умирает. Автор заставляет его умереть. Но перед смертью он открывает, что «царственность» «я» – в овладении миром через *познание.* И он хочет учиться, учиться... Оба «я», и мужское и женское, взяты в их кризисе. И, во всяком случае, характерно их состоянье. Поднятие этой темы пусть в одном из тысячи «романов» – симптоматично. – Б.Н. все продолжает развивать «отход от природы Кавказа». «Не случайно я открыл в Пушкине эту холодность... Теперь, когда мы третий год переживаем “опыт” Кавказа, вижу, что дальше его продолжать нельзя. Нужен перерыв, хотя бы...»

2/VIII

Свежее тихое утро после грозы. Но сегодня во мне поднялась тема «тоски»... Может быть, это пройдет, когда настанет день. Сейчас еще очень рано. – Б.Н. только что вчера «отчитывал» меня за запой красками, а сегодня уже сам сидит. Разрисовывает... и говорит о том, что еще нужно зарисовать... У меня же отбой. Больно даже глядеть на краски, хотя набросала первую красочную схему «сна». И опять: совсем не то, что у Б.Н. И совсем, совсем не то, как видится мне это внутренне. – Никуда, кроме почты, не выходила. Это мой обычный утренний рейс: за газетой, на почту, в кооператив... – Мне кажется, что-то во мне изменилось. И вернусь в Москву другой, чем уехала. В чем измененье – не знаю. Вернее: знаю, но не хочу и не умею рассказать словами. Сегодня опять настойчивое чувство присутствия... до «зова»: «Проснись!»,– когда прилегла перед обедом. Так настойчиво, что взяла H. Sch.[300] и стала читать. Был образ Б<ауэра>. – Сейчас тихая звездная ночь. Мое окно открыто. Прямо в нем горит Большая Медведица... Громко звенят цикады. Вдали поют... Какие-то особенные эти 2–3 дня. Тишина и важность... В один из этих дней, сколько помнится: память св. Серафима…[301]

3/VIII

Все еще рисуем. Б.Н. сидит над фантастической «композицией»: *«Тифлис ночью»[302]. У меня разгром «сна». Нет белой краски, а без нее нельзя. – Ждем ответа от «поэтов». Все же письмо было резкое – и заостренное слишком. Но у Б.Н. всегда крайности. И кроме того, он невероятно мнителен и щепетилен. – Высказав все, успокоился.*

На закате ходили на «холм». Вдруг выступила вся армянская сторона и вся сторона на запад. Смотрели на все прощальным взглядом. Стало тихо после всех этих дней. – Так и есть: «поэты» появились. У них были неприятности. Кроме того, со дня на день им обещали машину. Поэтому и не писали. Как всегда, при свидании с ними, все покрывается их сердечностью. Но в письме они еще не разобрались. Тициан его наспех прочел. А Паоло даже не читал... Опять выступила «Кахетия». Уж не знаю, что это будет.

4/VIII

Шумное утро. Обсуждение, куда, как и когда едем. Едем ли? Пока что ждем до среды. Если в среду не будет машины, то в следующий понедельник уезжаем из Коджор окончательно. Б.Н. откровенно не хочет из Коджор никуда. Его ужасают переезды... Сейчас они ушли гулять. День жаркий. Говорят, в Тифлисе небывалые жары... А мы этого здесь не чувствовали... – Лучше бы всего никуда не ехать и мирно прожить здесь еще недельку. – Были с «поэтами» у Кёр-Оглы. Они – в первый раз. И Тициан, и Паоло – оба были взволнованы. Каждый по-своему. Тициан – весь охвачен историей, видениями прошлого. Оказывается, Баргалинская долина – эта житница для Тифлиса – была воротами для всяческих вторжений в Грузию и местом побоищ. Здесь впервые появились монголы, отсюда шли персы... То, что мы называем «леопардовой шкурой»: пятна черно-зеленой земли и золотых пашен – было залито кровью... сколько раз! – Паоло переживал больше «лирическое волненье». Он как-то замолк и лишь восклицал: «Какая музыкальность в этих линиях... какая тишина в этой музыкальности...» Леонидзе воспринимался неопределенно. Возвращались бодрыми и освеженными. Всегдашнее действие коджорских прогулок. Они нас благодарили: «Без вас мы бы сюда никогда не пошли. Наша лень... А это место – лучшее в Грузии». Да, «лень». Вот она-то и есть тема волненья Б.Н. в связи с «поэтами». Да еще «кахетинское»... Он все взывает к самосознанью... – Что-то без слов трогательно близкое чувствую в Тициане. Словно Б.Н. обжигает его. И он часто не в силах переносить непосредственного общенья. Ко мне же прибегает как к посреднику. Он очень нежен и тонок и как-то сибиллически чуток. Вихри Б.Н. порой для него мучительны. И тогда он как бы закрывается мною. Во всяком случае, с ним чувствую ноту от «Я» к «Я». Паоло же сам огненный, страстный, мужественный... и: несколько, даже гораздо более элементарный. В Тициане есть удивительная утонченность и глубокая мягкость... – Тихо. Они ушли на автобазу: на счастье найти ма-

шину. В эти жаркие дни сообщенье с Тифлисом – полный риск. Толпы народа ломятся на машины. И толпы же остаются... – Решено, что в Кахетию не едем. Живем здесь до 12-го. Пережили это как бурную радость: еще неделя в Коджорах!..

5/VIII

Жарко и душно, даже в Коджорах. Хотя утром и была свежесть. Жаль, что мы никогда не выходим в эти часы. Утренние краски неповторимы. – Рисованье опять разгорелось. Вечером ходили «ловить» «ассирийцев». У Б.Н. получилась изумительная лепка почв. Не то складки гор, не то очертанья странных лиц, или ликов... Все больше и больше манера его напоминает Чурляниса... Меня пленяла гряда, отделяющая Грузию от «Армении». Виделась в ней какая-то ковровая стена с растительно-животным орнаментом: не то цветы, не то птицы... На фоне этой завесы очертания «ассирийца» и его свиты, текущей вздымающимися волнами мантий за ним... Огромные, легкие, грустно-торжественные «глáвы» иль башни... Сфинксоподобные. Загадочные и вещие в своем молчаливом покое... – Уселись на пледе. Вернее: приткнулись, крайне неудобно. Других мест нет. Внизу под ногами эмпирика шоссе, раскатанного и белого от пыли, со значком для тихого хода, с пролетающими в туче пыли авто, с голосами прохожих... Дальше – море зеленых свесов, туго обтянутых, словно из воска, а не взволнованных, как в Красной Поляне... А дальше: мир чудес и видений, возникающий на фоне безмерных пространств, где из воздуха, не то в небе, не то на земле, смутно прочерчиваются лилово-сине-серые громады Армянских хребтов... Душило. Небо в низких сгущениях... Стало накрапывать... Все же успели сделать каждый свое. И дома до ночи сидели над разработкой…

6/VIII

Как бледны и бедны в этом году краски Коджор. Ни разу не было тех закатов, которые поразили нас в прошлом: явления розового и голубого над озером... Ни разу тень не бежала по «Азарбейджану»... Ни разу не пылали фантастические города в стороны Армении... А утром... Бывало, не оторвешься от жемчужно-голубых, жемчужно-розовых, бирюзовых, лимонных «чудес» на северо-востоке. Теперь там большею частью зеленоватости, мертвенно-шоколадно-серые... Значит, нам повезло в прошлом году. Мы же думали, что это «всегда»... – *Ночью прошел сильный дождь. По обычаю – вышла на веранду, посмотреть, что делается «там»... Ничего особенного. Те же*

мутноватые мягкости серо-зеленого взлета над озером... тоже белесоватым, неясным... Та же эмпирика ближних склонов с полями, садами и дачами... Как обычно в этом году. Выходя, всегда ждешь: не «просияет» ли сегодня. Не разольется ли то бирюзовое, персиковое, голубое, от которого вскрикнешь: «Да! да! вот *оно*... то *сáмое*.... то!» – Люблю также свои ночные выходы на террасу: с эвритмией. Все тихо; и в отеле и на улице – ни души! Движенья легки и отрадны. Нет сжимающих стен. Нет обратного удара от тесноты. А сверху глядят звезды... в безмерной дали внизу едва видны огни – верно, железнодорожных станций... «И тихо, тихо все кругом...» Терраса кажется взвешенной... или плывущей над волнами спокойного моря уснувших просторов... – Весь день – рисовали. Едва оторвались к обеду. И снова Б.Н. бросился к краскам. Мне же – стало невмочь. Делала эвритмию. Но в комнатах душило. И наконец, сказала Б.Н.: «Пойду, пройдусь на холм...» – Он точно очнулся: «А я? А меня возьмете!..» Только что прошел дождь. «Обозрели» с холма горизонт. Солнце сияло. «Верно, будет закат! Где бы его посмотреть!..» – «Пойдем вниз, обогнем холм мимо церкви и поднимемся через Военный городок...» Когда вышли на склон над «Украйной» – так потянуло в ее золотые поля. Спустились. Пахло особенно: пашней после жнитва. Давно-давно знакомый запах. Сразу напомнил: далекие, детские времена. Пахнет горячей землей, соломой, зерном. Шли по узкой дорожке-меже. Впереди все тонуло в солнце. Оно ударяло с запада прямо в лоб... Скоро там засинело... «запучилось»... Трехголовая туча с озолоченными краями быстро вставала из-за «вершины с флажком»... «Будет гроза! идемте скорее... Нам еще предстоит подъем». – «Будет, не так скоро: она далеко: за Манглисом, по крайней мере…» – «Да нет! она несется прямо на нас...» – Как-то грустно опять. Недоумение словно перед чем-то... непонятным, но «действующим»... и весь день «под сурдинку» – тоска. Коджоры уже кончились. Отъезд вошел в сознанье. – И не было в нашем «пути» этим летом того «Höhepunkt»[303], который осмысливал все. Есть ряд очень важных моментов... но ни один не берет главной ноты... Пожалуй, до сих пор Höhepunkt был 22/VI – разговор наш в Красной Поляне... – Письмо от П<етра> Н<икано>р<овича>[304]. Очень, очень хорошее.

7/VIII

От времени до времени тот же вопрос: к чему эти записи. В них нет и сотой доли того, чем живешь, что волнует. Разве что: хроника дней. Да и то не выдержанная, не полная. – Письмо от Раз<умника> Вас<ильевича>[305]. Бодрится, а тяжело ему. Заставился ширмами из

«народовольцев» и Клюева. Под этим же усталая душа. И еще многое. Удивлялись с Б.Н. его заинтересованностью Клюевым. Все эти «бездны» и «ужасы» – чужды нам. «Странно! мне ближе Маяковский», – сказал Б.Н., прослушав выписки Раз<умника> Вас<ильевича> из поэмы Клюева[306]... – Жара и грозы кругом. Весь день сидели над рисованьем. Вошло уже в норму, что прогулка отодвинулась к 6-ти. Поднялись на Удзо. Закат был совершенно чист. «Сны» развернулись во всей своей сказочности. Но посидеть «над ними» не удалось. Прогнал сильный ветер. А колориты сегодня – невыразимы. Над Удзо поднялись «великаны» с плащами и розово-золотыми вспыхами на откинутом лбу. Один – закинул голову и со странной улыбкой глядел вдаль над закатом. Вчера – такой же сидел, склоненный над прозрачною бездной бирюзово-персикового воздухогория... «Вот мой великан Риза[307], – сказал Б.Н. – Как я знаю его...» Иконостасные склоны к Удзо, персиково-розовые, с серовато-лимонной зеленью. «Какая это краска? все гляжу, и стараюсь понять». – «Непременно здесь должна быть киноварь, и может быть светлая охра...» – Замерли над Тифлисскими взгорьями и Курою. Фиолетово-красные, розово-белые, серо-зеленые краски протененные нежной, но четкой штриховкой. В сторону Военно-Грузинской дороги – рубинно-вишневое, шоколадно-коричневое в лиловом разливе... В сторону Армении – фосфорически-белый вспых из-под «эмпирической» линии холмов. Голова «ассирийца» в непривычном ракурсе: почти вся ушла в «крыло» или «плавник». Мертвенно-золотая, далекая – без теней, один легкий очерк... – Сколько ни ходим, сколько ни смотрим – и каждый раз новое, новое...

8/VIII

На прощанье – Коджоры прекрасны. Теперь только, когда «Кахетия» миновала, наступила «коджорская» жизнь. Целых две недели съела у нас эта «Кахетия». – Нашли новый путь к нашей «вершине» и к склону Удзо. Минуя шоссе, через ближнюю дачу, садами, кустарником и мелким леском. – Азарбейджан вспыхивал по-прошлогоднему. Горизонт окаймляли персиково-голубые сгущенья. Между ними и четкими вздутиями ближней гряды – целое море воздухо-света. Нежная рябь скрытых далью рельефов дышала все в тех же, знакомых... и вечно новых оттенках, отражая весь путь заходящего солнца. Так меняется лицо человека, когда звуки 9-ой симфонии[308] касаются его слуха... Нельзя без волненья следить за этой игрой «выражений». Словно вплетаешься в жизнь тех огромных существ, о которых мы говорим так бессильно абстрактно: «солнце»,

«земля»... И опять вставал образ Геи, принявшей от Зевса чудесный дар «воздуха»... После заката – все вспыхнуло апельсинно-рубинно... потом стало, медленно выцветая, белеть, серебриться... Иной раз, сквозь кусты, казалось, что легкий серебристо-лиловый пар поднимается в небо. «Пар» этот – *земля*... Все еще не можешь спокойно принять это чудо. Претворение «праха» в эфирный покров...

Б.Н. переполнен. Опять потрясен и захвачен. «Что это значил мой жест *от* природы, от гор. Ведь с какой силой, как интенсивно...» – Над Триолетским хребтом поднималась опять голова великана: приподнявшись плечом с жестом и очертанием Бельведерского Аполлона, он обнимал другую склоненную голову. – Шли снова счастливые, переполненные красотой. На «вершине» Б.Н. сказал, обводя рукой чудеса горизонтов: «Где мы *это* увидим... Нигде...» – «Да, нигде». А *это* нам главное. Без этих просторов пространств, без полного небесного купола – все не то. Только стоя под чашею неба над чашей земли – переживаешь оттенок того, что хотелось бы назвать «совершенством».

9/VIII

Спасибо Коджорам... В этом году они многому научили: в видении красоты, линий, форм. В прошлом году было точно ослепление светом глаза, с которого спал катаракт. Был восторг. Опьяненье. Но теперь только видишь, как многое было смазано, многое недоувидено. Части больше выступали в своей разности. Несходное прежде бросалось в глаза. Теперь схватываешь синтетически. Видно, напр<имер>, что «ассирийцы» – продолжение «сна», изменение тех же рельефов. Или световое море Азарбейджана – незаметный переход свечений Военно-Грузинской дороги. – Прошлогодняя картина с одной стороны оформилась и определилась в частях. Но зато: части слились в одно целое. Это «целое» мы видели тогда в линиях горной «спирали». Теперь оно выступило в формах и характере рельефов... – А рисунки... возня с красками... Откуда такая потребность непременно «зарисовать»? И ясно: это как-то необходимо для самопознанья. Узнаешь о себе очень важное. И особенно из сравнения наших методов: моего и Б.Н. Он «промышляет» свои краски. У него очень активна мысль. Он все заранее продумывает. И из продуманного поступает. У меня – желанье «увидеть». И даже противление против «мысли». Разница в сознаньи. «Увиденная» краска – больше от Empfindung[309]. *Видишь, что «та́к», не давая себе отчета: почему* именно «так». Продуманная краска – это уже взятая Bewusstsein[310]... Искание краски, усилие добиться нужного оттенка, раздражение,

даже злость, когда не находишь, радость над удачным штрихом – все это «работа над поступками» в камалоке[311]. Над клочком бумаги, с кистью в руке, стремясь осуществить видимый тобой внутренно «идеал» – переживаешь то же, что душа перед картиной жизни. Так же мучительны неверные мазки, несходящиеся линии, аритмия рельефов. Так же радостны все удачные пятна, гармония вдруг слившихся в одно целое частей, неожиданный вспых, освещающий все... и в том месте, где вовсе его не ожидал... И есть беспощадное чувство правды, которое, как бы ты ни хотел, не позволит сказать прежде времени: «Так! хорошо!».

...Тихий вечер. Дали в тенях и солнечных пятнах. Через сады спустились к дороге Коджоры – Удзо. Шли точно парком. В обе стороны поросль густого леска. Впереди алмазное пятно просвета. Вышли к склону над «сном». Долго сидели, вглядываясь в чудеса колоритов, впитывая в себя невыразимые краски. Разорванная тускло-золотая бархат-парча на черно-зеленом кружево-бархате... просвеченная малиново-вишневым и освещенная бело-жемчужно-персиковым. Во все же это вплетен еще чуть заметный изумрудно-лимонный... Вот из чего сплетены были «сны». Впрочем, и это все грубо, условно, абстрактно. Вставало же целое. И оно взывало в душе: «Как это *знакомо*. Где это виделось? О чем напоминает...» – В чем мы живем целые дни... над чем думаем, о чем говорим... Многим показалось бы праздным безумием... «Только у Гете и доктора встретил я то же о краске, что знал о ней всегда[312], и чего не знали художники, по крайней мере, те, с кем говорил... Краски, как миры. Проблема колорита и миросозерцание. Но именно у художников знание этого отсутствует...», – говорил Б.Н. ... и часами, днями длится наша беседа о красках. Записать ее трудно. Нет связных мыслей, оформленных выражений... Часто лишь брошенное отдельное слово... легкий образ... намек... То же, что можно бы было замкнуть в фразу – : банальность. Иначе не скажешь... пока что...

10/VIII

За чаем поднялись уже темы отъезда. Вспомнили разговор свой в Красной Поляне. «Пусть он будет, как импульс...» – «Еду в Москву, не ожидая покоя, не стараясь <...>, не давая себе обещаний: быть такой-то... Пусть будет, как будет, – вовне. Только бы в себе хранить точку-зерно...» – «Не случайно, что “Кучино” поколебалось, и мы даже не знаем, будем ли жить там в этом году...»[313] – Если даже и будем, мы уже уехали оттуда, – в тот день, когда, как чужие, вошли в свои комнаты... боясь сказать громкое слово... боясь двигаться... а

за стеной лежало «оно»... – Вечером на «Вершине» пережили единственность «коджорских» просторов... который раз, казалось, что в беспрепятственном полете взоров душа находит форму жизни, адекватную себе, живет в том, что ей присуще. Есть что-то непередаваемое в этом чувстве нестесненности и стояния «над»... Словно занимаешь какое-то свое, естественное положенье. Все становится легким... И тела как бы нет. Оно есть, но как тонкий óрган, посредством которого все это доходит тебе до сознанья. – И не скрою: близость родного... Одна пережила бы все это иначе. Но перед лицом «просторов» и близость эта «простиралась», становясь огромной, росла. Охваченные ими и ею, умолкли и, взяв друг друга за руки, глядели, глядели кругом... Точно пили какой-то напиток... Сознание переполнилось. И вдруг вырвалось в каком-то взрыве восторга. Восторга перед *красотой*... Хотелось плясать... бегать, носиться... Мы бросались то к «снам», то к Тифлису-Удзо, то к Армении, то к Азербейджану... – Возвращаясь садами, говорили о наших ушедших. Просили их помощи в нашем решеньи. – За чаем Б.Н. прорисовывал схваченный сегодня очерк замка. Передо мною наброски грамматических форм к Grstleg[314]... Так нас застали «поэты»[315]. Приехали нас навестить. Было очень хорошо. Б.Н. рассказывал о Брюсселе[316], о А.Р.[317]. Тициан, по обычаю, выходил иногда на террасу. Он не может долго переносить вихревую бурю речей Б.Н. Милый Тициан! Как знаком его жест, когда огромное тело его медленно поднимается, увлекаемое душой, которая слишком полна. Ведь и мне часто приходится говорить: «Довольно! Больше не могу...» У Паоло блестели глаза, и волосы встали какими-то задирными и детскими вихрами... Как с ним просто и близко. Этот приезд действительно сделал нас своими... «Письмо» не оставило никакого следа в дурном смысле. Они показали, что понимают не форму слов, а ритм их диктующей души. И ритм этот они услышали в Б.Н. Обида же могла быть лишь за слова. Но за слова они не зацепились. И в этом – спасибо им.

11/VIII

Утром опять продолжение разговора с «поэтами». Пили вместе чай, дружески... братски... Уехали они часа в два. Мы принялись за свои дела: дорисовывать замок и Grstleg. – Чувствуется уже слом на осень. И в ветре, и в солнце уже не летнее... уже осеннее что-то... – Прощались с Коджорами со своей верщины. Склоны над Тифлисом стали вдруг «сном»... Выступили рельефы, которых никогда еще там не видали. Солнечный луч, пробегая над далеким Дагестаном, вырывал из молочного сумрака то один сверкающий бок, то другой. В

«Армении» делалось невероятное что-то. Возникли громады в полнеба и бросили свои продолжения через весь горизонт. Там, где *всегда* была ровная пелена воздухо-света, шли теперь хребты один над другим... выше и дальше. «Что это? что это! Ведь здесь же *никогда* не было гор?..» – «Помните, только раз в прошлом году мы видели здесь сказочный розовый город... Но и то казалось, что это призрак... мираж...» Уходили домой с тишиной и радостью в сердце. Спасибо Коджорам. В этом году они были для нас уроком какого-то нового класса... – Паоло сказал между прочим: Лежава долго жил в Брюсселе. Лежава – доктор, построивший Шови-курорт…[318] Книжка Лежавы о Шови целый месяц была перед глазами в Красной Поляне[319]. К «Лежаве» мы ехали[320]... После рассказов Б.Н. о Брюсселе это поразило: «Так Лежава-Шови “из Брюсселя”...» – Весь вечер говорили: о «конце» кучинской жизни[321], об осени, об от<о>шедших... Прошел ряд важных тем. Отбор в том, что делать, читать и т. д. «Твоя жизнь не тебе принадлежит».

Тифлис. 12/VIII

Прекрасен был этот последний день в Коджорах. Быстро и легко сложились. Оставалось свободное время... и мы очутились на нашей «Вершине». Проститься после прощанья. Счастливые минуты среди знакомых просторов. Но сегодня они опять «незнакомы». Все рельефы неузнаваемы, и видишь то, чего никогда не видел... Знаком колорит: незабудково-жемчужный. Но и он в этом году появился впервые. – Опять и опять ходили, переходили с места на место. Пели пространства. Пели в нас души. Срывались лишь восклицания... вырывались счастливые: «Нет, это же невозможно...», «Чтó мы видим...», «Что с нами...», «Где мы...». И хотелось лишь шире открыть крылья сердца, чтобы принять в него этот дар красоты и гармонии. Страшно почти сказать: это было *счастье.* С благодарностью к силам судьбы и друг к другу спустились домой. – Вскоре явилась машина. Поэты... Прощание нежное с Мелитоном, с Георгием... и: понеслись. Как сказка отлетали Коджоры в закат: возносились! А к нам поднимался Тифлис, с жаром и острым изломом домóвых квадратов. Глаз старался еще схватить последние игры вечернего света на склонах холмов. Кружевные оборки, накидки и мантии – на склонах, в ущельях. А сверху – фантастика световых пятен – нивы, точно оклады на древних иконах. Не прикрепленные к земле, переливались над нею, дрожа и вспыхивая, точно при свете свечей, под косыми лучами заката. И *это все* – отлетало. «Вот деревня, где я снял себе комнату», – показал Тициан на кучку земли с редкими крышами не-

далеко вниз от фюникюлера <так!>... Пролетело и это... Ботанический сад. «Верден» – ресторан при шоссе. Струнные крылья взлетевших двух скосов совсем над Тифлисом – и влетели в узкую, душную улицу-щель... – В квартире у Т<нциана> точно в оранжерее. Открыли все окна. Не легче. Принесли лед, чтобы охладить вино, воду. Мало помогает... Пьем с «поэтами» чай. Б.Н. оживлен необычно. Весь вечер говорит о символизме: с огромным подъемом. – Коджоры уже за занавесом. О них сейчас не думаешь... Оттого, что еще слишком они близки и страшно разбередить в себе тему «отъезда». «Педагогически» – думаешь только о том, что впереди: сдача в багаж чемоданов, билеты, веревки, мешки, последний просмотр – «что взять, что отправить»... Но еще и еще раз: Спасибо Коджорам! спасибо судьбе и нашей встрече, непрерывной, постоянно новой встрече с Б.Н. ... нет: с...

13/VIII

Да! *13-ое* августа... Что сказать... Мы никуда не едем. У Б.Н. внезапные, странные боли в груди: ребра и в месте солн<ечного> сплетения. Нельзя вздохнуть. Боль поднялась в тот момент, когда он опускал билеты в карман... «Комментарии излишни». – 6 часов. Положение то же. Вот уж подлинно: «Что день грядущий...»[322]. Смешно подумать: все время боялась писать в М<оскву> о дне выезда и о маршруте. Написала сегодня. Утром опустила открытку. А в три пришел Б.Н., скорчившийся от боли. – Смерили t° – 38,2. Ждем доктора[323]. – Полное недоумение: доктор нашел, что это желудок. «Вы себе чем-то попортили...» Но чем? Обед был у нас один. А кроме этого Б.Н. ничего не ел... «И еще простуда...» Но где? И в такую жару?.. Непонятно... – Доктор назначил диету, очень строгую. Завтра придет опять. Удостовериться. Боли, которые Б.Н. считал мускульными, он объясняет иррадиацией от желудка... Все-таки странно... Так сразу. Без всяких причин....

Почему-то через все мне спокойно. Хотя все данные налицо, чтобы тревожиться. Но это стиль нашей поездки: проводить нас через тревоги и разбивать наши планы. Джульфа, Зангезур, Севан, Шови, Кахетия – всюду мы «ехали» и никуда не доехали. И все же: это не важно. Было и есть что-то внутри, что заставляет сказать: это не важно...

14/VIII

Б.Н. чувствует себя лучше. Боли прошли. Он рисует. Томительно жарко... Но как-то необъяснимо тихо, спокойно и даже уютно. Уют-

но вдвоем – Тициан почти все время отсутствует – в этих огромных, высоких, немного нелепых комнатах. – Купила белой краски, которая вся исчерпалась в Коджорах. А без нее в наших рисунках никак нельзя. Коджоры непередаваемы без обилия белой краски... – Все еще не решено, едем мы или нет по В<оенно>-Грузинской. По правде сказать, не хочется. Устали мы оба от передвижений. Хотя их было немного, но дорого они нам дались – и в прямом и в переносном смысле. Боюсь, что Б.Н. опять взволнуется. Сейчас он так спокоен, когда поездка отодвинулась. Как и в Коджорах, когда выяснилось, что в Кахетию не поедем. Какая это была радость. Как хорошо мы зажили. Точно поездка – наказание. Это все после переезда Красная Поляна – Кутаис. Те дни не скоро забудутся. Точно проволокли нас по мытарствам. – Иду спать. Б.Н. все рисует. Белая краска используется вовсю.

15/VIII

Проснулась в 6, – от какого-то беспокойства. Окликнула Б.Н. Так и есть: он не спал всю ночь. Боль в левой лопатке сильная. Отдает к сердцу. Что же это... Нет, видно, на спокойствии не продержишься... – Сейчас заснул – 10 часов. <...>[324]

«С того берега» – начало эры для народничества; не только критика Зап<адной> Европы, но и указание положительных идеалов, вера в возможность немещанского пути развития для России[325]. «Все реки истории (по кр<айней> мере, все западные) текут в мареммы мещанства». А мещанство – это смерть общества, начало его разложения. «Мир, в котором мы живем, умирает... Никакие лекарства не действуют больше на обветшалое[326] <...>»[327]

Г<ерцен> – «Эгоизм – но ведь это соль *личности*»... «*Всего менее эгоизма в камне*». Личность не должна быть подчинена обществу. Огарев – «задача обществен<ной> организации: сохранение полной индив<идуальной> свободы при высочайшем развитии общественности. – Сочетать эгоизм с самопожертвованием». Герц<ен> – «Одно разумное и сознательное сочетание личности и гос<ударст>ва приведет к истинному понятию о лице вообще. Сочетание это – труднейшая задача, поставленная перед современным *мышлением*».

«Индивидуализм» – слово, введенное Михайловским, противоположное мещанству; понятие положительное, созидающее.

11 часов – Б.Н. снова проснулся. Приступ страшной боли в груди – до крика. Не может вздохнуть... Что же это такое? Растерялись и мы с Тицианом. Стоим оба над Б.Н. Надо доктора... К часу стало полегче. Но настроение подавленное. Очень уж неожиданны эти

«сюрпризы». – В 4 опять нехорошо... Пульс заскакал. 90... 100... 120, и это на протяжении пяти минут... Томительно идет время. Ни о какой уже В<оенно->Грузинской не думаем. Лишь бы доехать до дома. Ждем доктора… –

Как это все непонятно. От 6–8 <часов> Б.Н. впал в странное состоянье. Не поймешь, хорошо или плохо. Странные часы... Время повисло... Боль, пульс скачет, слабость, подавленность. То лежит, то ходит, держась за грудь и сгорбившись. Наконец лег. Затих. И наступило что-то очень странное. Села возле него. Сперва читала вслух, чтобы отвлечь. Он лежал тихий и отлетевший какой-то. Только глядел синими сияющими глазами... Замолкла. Молчал и Б.Н. Мы держались за руки... Глаза в глаза. Вдруг его глаза наполнились слезами. Рот дрогнул... Не хочу говорить, какие мысли прошли во мне, и знаю: в нем!.. Мы были не здесь... Острое, режущее чувство. Боль до обратного: до чувства нездешнего счастья...

Подали чай. Вошел Тициан с Джугашвили[328]. Б.Н. вдруг ожил. Заговорил. К приходу доктора все изменилось. Он был почти здоров. Все же доктор сказал, что это простуда, и прописал микстуру и мазь. Ехать нельзя, пока t не станет нормальной. – К 10<-ти> пришел Паоло. Разговор оживился. «Поэты» вспоминали свою бурную молодость, скандалы, дуэли, пирушки[329]. После их ухода уютно и тихо поболтали еще... Опять вернулась тишина – над вздрогами тревоги...

16/VIII

Все дни жара свыше меры. Трудно дышать. – Б.Н. чувствует себя лучше. Но все еще 37,5. Отъезд наш неопределенно повис... Б.Н. все волнуется, что мы обременяем Тициана. А тот на все отвечает лишь: «Поверьте, для меня это счастье...» И знаю: это не слова. – Вечером заходил Ч<ернявский>[330]. С ним всегда интересно. Разговор кипит, перебрасывается с темы на тему. «Поэзия опирается на воду», «влиять *в* (influer[331])... влиять *на* – более грубое воздействие, появилось с тех пор, как мы огрубели...». Его характеристика Б.Н.: «Вы все “употребляете”... вокруг вас нет мусора, нет никаких мусорных куч, не на что взбираться, и потому нет никакого величия...». Разговор загорелся. Но Тициан, охраняя Б.Н., быстро увел Ч<ернявского>. – Снова вдвоем. И тот же невыразимый уют. Б.Н. стал записывать дальше о символизме[332]. Если бы не тревога за здоровье Б.Н., было бы совсем хорошо. Продолжаю ощущать изменение в себе. Главное – это успокоение *в мыслях*. Нет раздирающей лихорадки трех последних лет, нет разворачиванья картин возможных ужасов. Боюсь сказать, но словно пытка мыслью кончилась. Словно кто-то тихий

вошел именно в мир *мыслей* и разгладил тревоги, угасил адские жгучие огни, которыми мысли зажигали чувства... – С огромной силой оживают грамматические формы. Как раз 14/VIII вылилась медитация к Мих<аилу>[333]...

17/VIII

Утро. Тихо. Б.Н. еще спит. Жара... Вспоминается далекое, далекое. Лето 1909, когда оставалась одна в большой пустой квартире... Такие же большие, высокие и пустые по-летнему комнаты. Такая же тишина.

Продолжаю читать Раз<умника> Вас<ильевича>. Очень ярко встает он сам.

...«С т<ого> берега» – новая эпоха в русской мысли: конец слав<янофильства> и западничества, начало народничества. «Субъективный имманентизм»[334]. Признание объективного смысла жизни – «трусость», «боязнь исследовать, чтобы не увидеть взор исследуемого»; страус, прячущий голову. Жизнь имеет субъективный смысл. Цель – в *настоящем*, «настоящее есть реальная сфера бытия». – «Цель жизни – жизнь». «Родовой рост – не цель, ... а свойство преемственно продолжающегося существования поколений. Цель для каждого поколения – оно само...» «Смотреть на конец, а не на *самое дело* – величайшая ошибка».

«Жизнь и история есть в каждый данный момент достигнутая цель, а не средство...» – Галахов[335], с которым идет этот разговор, иронизирует: «т. е. просто, цель природы и истории – мы с вами?» – «Отчасти, да, плюс настоящее всего существующего; тут все входит: и наследие всех прошлых усилий, и зародыши всего, что будет... и гармонии всей солнечной системы...» – Гибель человечества возможна. Но настоящее наше, его надо ценить, в нем видеть *цель*. «Кто поручится, что какая-ниб<удь> перемена в солнце не вызовет катаклизм... и тогда мы со зверями и растениями погибнем... Страшная вещь, а отвечать нельзя. Одно настоящее наше, а его-то ценить не умеем...»

На слова Гал<ахова> о *вере* в позитивный смысл истории, Герц<ен>: «на нет и суда нет». И от себя прибавляет: «вы верите, а я нет, и спорящим остается разойтись...». В этом весь Р<азумник> Вас<ильевич>. В этом стиль его писем, где он упорным молчанием обходит все темы Б.Н. и отвечает литературными темами на темы жизни. Это без слов, но в жесте достаточно ясное: «вы верите, а я нет...».

Тихо... жарко. Ночами нельзя спать. Т<ициан> уехал на два дня. Оба рисуем: Б.Н. на память ракурс замка с армянской стороны. Но

фантазия его «*экзактна*»... Парадоксально можно сказать: «Всего, что он рисует – нет совсем... и *оно есть*...».

Странно, что неудавшаяся поездка по В<оенно>-Гр<узинской> дороге не вызывает никакого сожаления. Оба переживаем скорее облегченье... Точно избавились от трудного урока. Кажется, оба решались на нее из «чувства долга»: «Ведь нужно же как-нибудь закончить». А в сущности, – не хотелось. Но таили это, боясь нарушить предполагаемое в другом желанье. За нас решила судьба. И радуемся, как дети. Так хорошо, так дружно живем эти дни. Так тихо.

18/VIII

Всю ночь почти не спали – от духоты. Б.Н. долго сидел над рисунком. Очень хорошо. Пожалуй – это лучший.

<...>[336]

...ограниченности погибла интеллигенция. Вот откуда в письмах его к Б.Н.[337] «кто про Фому, а кто про Ерему»... – День прошел в каком-то тихом «Sein»[338]... Б.Н. выходил впервые. Побродили немного по кривым, горным уличкам близь Тициана. – Вечером был Ч<ернявский>[339]. Рассматривал рисунки Б.Н. и мои чертежи. «Гадал» по ним, как по руке или по картам. Очень верно. По-своему. Но близко. В рисунках Б.Н. указал «разнопланность»: план борьбы, тяжести, выхода из нее, гармонии. Одни рисунки звучали для него рассказом о прошлых преодолениях, другие взглядом в будущее, миром замыслов и надежд. У меня отметил, как характерное, сведение к гармонии кривых, прямых, углов, кругов, параллелей. Долго еще говорили. – Б.Н. еще писал о символизме. Он выводит его из «опыта», «переживания». Символизм не литературная школа. Это рождение нового сознания в людях. Сознание пересеченности миров, – на грани... Символистом можно быть, не зная этого... – Заговорились до света. А мысли все шли и шли... раскрывая новые горизонты... и старое, давно знакомое являлось поражающе новым в их свете... В этих записях Б.Н. о символизме мне слышится концентрированная сжатость Leitsätze[340] и действенность. Железное нечто. Совершенно обрезанное от всякой образности и замкнутое – в местах, где проводится принцип. Рассудок должен крепко работать, чтобы войти в содержание этой суровой, очищенной формы.

19/VIII

Б.Н. все продолжает свои записи. Вечером читал Тициану. Тот был взволнован[341].

20/VIII

День перед отъездом. Покупки. Все так же тихо и хорошо у Тициана. Жаль будет оставлять эти комнаты. Уже образовалась привычка, наладился порядок дня...[342]

21–24/VIII. Тифлис – Москва

Отъезд. Провожали Т<ициан> и П<аоло>. Грустно расставаться. В это посещенье Кавказа они стали нам воистину друзьями. Прошла «романтика» первой встречи; все стало проще. Но и теплее, конкретнее, человечнее. Всеми усилиями, вольными и невольными, Б.Н. разбивал на себе ту <...>[343]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дарья Николаевна Часовитинова (1896–1966; год смерти уточнен Л.А.Новиковым) – «ремингтонистка» Андрея Белого, Б.Л.Пастернака и М.А.Волошина; антропософка; «незаконная дочь великого князя Николая Константиновича», как указывает В.П.Купченко (см.: *Волошин М.* История моей души / Сост. В.П.Купченко. М., 2000. С.453, примеч.). Упоминается в: Лица 7. С.244 и 309, примеч. 69). В Мемориальной квартире Андрея Белого хранятся машинописные копии с дарственных надписей ей на книгах Андрея Белого «Петербург» (М.: Никитинские субботники, 1928): «Милой Дарье Николаевне Часовитиной <так!> с большой любовью и благодарностью, как автору появления в свет этого издания. Андрей Белый. Москва. 30 сент. 28 г.»; «На рубеже двух столетий» (М.: Земля и фабрика, 1930): «Глубокоуважаемой милой Дарье Николаевне Часовитиновой, моей тонкой помощнице (по части текстов). С любовью и благодарностью. Автор. Москва. 26 янв. 30 г.»; «Маски» (М.: ГИХЛ, 1932): «Дарье Николаевне Часовитиной <так!> с любовью и с нежной благодарностью – за художественный ремингтон. Автор. Москва. 29 января. 33 года».

[2] Владимир Николаевич Татаринов (1879–1966) – актер, режиссер, работал вместе с М.А.Чеховым в МХАТ-2, один из постановщиков пьесы Андрея Белого «Петербург»; антропософ. Ср.: «Вл<адимир> Ник<олаевич> Татаринов, наш общий друг и самый близкий человек к М<ихаилу> Ал<ександровичу Чехову> (один из режиссеров МХАТа), тоже прекрасный, вечно ищущий человек...» (Андрей Белый. Письмо Р.В.Иванову-Разумнику от 18 марта 1926 // Переписка. С.349).

[3] Михаил Александрович Чехов (1891–1955) – актер, режиссер, руководитель театра МХАТ-2, антропософ, племянник А.П.Чехова.

[4] Первое посещение Тифлиса Белым и К.Н.Васильевой – во время их путешествия по Грузии в 1927 (19–24 мая, 27 июня – 3 июля). См.: Лица 7. С.204-209, 220-223.

[5] Лидия Павловна Сильникова – знакомая Б.Н.Бугаева и К.Н.Васильевой, антропософка. Ср. запись Белого в апреле 1929: «29-ое. Тифлис. Остановка в Тифлисе у Лидии Павловны Сильниковой». См.: *Андрей Белый.* Ракурс к дневнику (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.139об.); в дальнейшем – РД. Летом 1927 Белый указывал своим корреспондентам адрес Л.П.Сильниковой, «которая обещалась пересылать письма в тот пункт побережья, куда бросит случай <...> пишите по адресу: Чаква (близ Батума). Дача Соловьевой. Лидии Павловне Сильниковой. Мне. Я всем дал этот адрес...» (Переписка. С.518).

[6] «В Тифлисе зашли на богослужение в армянскую церковь Джигросис (от Ереванской площади – вниз)» См.: *Андрей Белый.* Записная книжка (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.101. Л.11); в дальнейшем – Записная книжка.

[7] О Караклисе, Алаверды, Лорийском ущелье см.: *Андрей Белый.* Армения: Очерк, письма, воспоминания / Сост., прилож. и примеч. Н.Гончар. Ереван, 1985. С.5-9 и далее (в дальнейшем – Армения); также см.: Лица 7. С.257.

[8] В перечне лиц, с которыми Белый знакомится в первые дни своего третьего кавказского путешествия, встречаются имена: «*Вермишева*(ян) Варвара Александровна. Вермишев Григорий Христофорович (текстильный комбинат)» (Записная книжка. Л.11). Санаин – поселение (недалеко от Алаверды). На территории Санаина сохранился монастырский комплекс, один из главных культурных центров Армении X–XIII вв.: церкви Аствацацин («Богородицы») и Аменапркич («Спасителя») – X в., школа (X–XI вв.), библиотека (XI в.), колокольня (XIII в.) и др.

[9] См. примеч. 10 к вступ. ст.

[10] Ленинакан (Александрополь) – город в Армении; в 1995 ему возвращено историческое название Гюмри. О нем см. также: Лица 7. С.260.

[11] Алагез – железнодорожная станция близ горы Алагез (Арагац; потухший вулкан) – самой высокой горы Закавказского нагорья в Армении (4090 м).

[12] Sáchlich (*нем.*) – предметно, объективно.

[13] Карабурун – железнодорожная станция вблизи Еревана. Ср. запись от 18 мая 1928: Лица 7. С.261.

[14] Арарат (или Масис) – потухший вулкан на востоке современной Турции, близ границы с Арменией и Ираном. Состоит из двух слившихся основаниями конусов – Большого Арарата (5165 м) и Малого Арарата (3925 м).

[15] Впервые Белый и К.Н.Васильева были в Эривани во второй половине мая (с 18-го до конца месяца) 1928.

[16] Мартирос Сергеевич Сарьян (1880–1972) – художник, директор Государственного музея Армении (1921), председатель Армянского комитета по охране памятников старины (1921), председатель Союза художников Армении (1947–1951). В 1967 в Ереване открыт музей М.Сарьяна. Знакомство Белого с Сарьяном состоялось 19 мая 1928 в Эривани. Подробнее см.: Ар-

мения. С.3-81; Переписка Андрея Белого и Сарьяна // Там же. С.82-106; *Сарьян М.С.* Из моей жизни. М., 1970 (в дальнейшем – Сарьян).

[17] Блюдо люля-кебаб удостоилось отдельной записи в «Записной книжке» Белого: «...Люли-кэбаб (кушанье мясное)» (Л.11об.).

[18] Лусик (Люси Лазаревна) Сарьян (урожд. Агаян) – жена М.С.Сарьяна, дочь Газароса Агаяна (1840–1911) – известного армянского педагога и детского писателя. О ней см.: Сарьян. С.248–252 и др.

[19] Ср. в РД: «Обед у Сарьянов: Люся Лазаревна, ее родственник: его рассказы о Персии» (Л.139об.).

[20] «Кодаком» Белый в шутку называл особенность своей памяти, особый «прием запоминания <...>, чтобы удерживать в памяти нужное» (Воспоминания. С.127). См. также: *Андрей Белый.* Ветер с Кавказа: Впечатления. М., 1928. С.49.

[21] Речь идет о музыкальной теме из оперы Н.А.Римского-Корсакова (1844–1908) «Золотой петушок» (1906–1907) по сказке А.С.Пушкина; первая постановка состоялась в 1909 на сцене Оперного театра Зимина в Москве. У Пушкина – «шамаханская царица». Ср. написание: Шемаха – в IX–XVI вв. столица Ширвана; с середины XVIII в. центр Шемахинского ханства, с 1805 в составе России; в настоящее время – райцентр в Азербайджане.

[22] d'orient (*франц.*) – восточный.

[23] рецитировать – от réciter (*франц.*) – произносить, читать наизусть.

[24] Канакер – горное село в 7 км от Еревана на высоте 1250 м над уровнем моря.

[25] Ср.: «Для Б.Н. многие из его внутренних состояний, порой даже целые полосы жизни, связывались со словами любимых поэтов или с темами музыкальных произведений. Он находил таким образом как бы внешнюю сжатую формулу для того, о чем *своими словами* было бы трудно и долго рассказывать. Нельзя перечислить и вскрыть все эти своеобразные формулы. Пришлось бы пересказать почти всю биографию Б.Н. Здесь были и Пушкин, и Гете, и Баратынский, и Лермонтов, Тютчев, Вл. Соловьев, Дельвиг, Глинка, Шуберт, Шуман и ряд просто романсов или песен, едва ли имеющих автора» (Воспоминания. С.100).

[26] Занга (Раздан) – река, приток Аракса; на ее берегу расположен Ереван.

[27] См. запись о посещении гидростанции и прогулке по базальтовому ущелью 19 мая 1928 (Лица 7. С.263-264).

[28] Ср. в РД: «2-ое. <...> смотрели на пляски; народный праздник; "оперные" староармянские костюмы» (Л.139об.).

[29] Землетрясение 1840 года обнажило горные породы до значительной глубины; были разрушены монастырь Св. Якова и соседнее селение Архури.

[30] В «Воспоминаниях» К.Н.Бугаева пересказывает «целое рассуждение» Белого, относящееся по времени к их пребыванию в *Красной Поляне*: «О стопе ямбической и хореической: ямб – шаг до подъема на гору, хорей –

шаг спуска с горы…» (С.111). Развитие этой темы – в рассуждении Белого о «философии гор» в письме к Иванову-Разумнику (Переписка. С.638).

[31] Áhnungen (*нем.*) – предчувствия.

[32] Erfahrung (*нем.*) – опыт.

[33] «Машенька» – так иногда называл Андрей Белый Клавдию Николаевну. «Для Клоди <Клавдии Николаевны> у Б<ориса> Н<иколаевича> имелся целый ряд "имен". "Невеличка" – от небольшого роста и тихой уютности. <…> звалась еще "Любочкой" – от "Люба моя", то есть "милая сердцу". Звалась еще "Маша, Машенька" – как что-то истинно русское <…>» (*Кезельман Е.Н.* Жизнь в Лебедяни летом 32-го года // Воспоминания. С.337-338).

[34] Андрей Белый и его первая жена Анна Алексеевна (Ася) Тургенева (1890–1966) посетили Африку во время их первого заграничного путешествия (конец 1910 – 1911). 5 января 1911 они приехали в Тунис, а с 15 января до 7 марта проживали в Радесе (арабской деревне близ Туниса). 8 марта 1911 из Туниса они отправились в Египет.

[35] Ср.: «…в начале мая усилиями Сарьяна и наркомпроса Мравьяна мы были уже устроены в Дарачичаге (около Севана-Гокчи) и я едва не внес плату за дачу...» (Переписка. С.633 и 635, примеч. 1). Асканаз Артемьевич Мравян (1886–1929) – государственный деятель; с 1923 – нарком просвещения и заместитель председателя СНК Армении; публицист, редактор газеты «Советакан Айастан»; неоднократно упоминается в связи с хлопотами Сарьяна по устройству Андрея Белого в Ереване и окрестностях.

[36] Ср. запись в РД: «3-е. <…> К вечеру были с Сарьяном у доктора Аванесова (осмотрел, разрешил в горы, подарил свою книгу)» (Л.139об.). В «Записной книжке» упоминается не Аванесов, а Леон Андреич Оганесьян (Л.12). Левон Андреасович Оганесян (1885–1970) – профессор (с 1928) по кафедре внутренних болезней медицинского факультета Ереванского университета, консультант кардиологического курорта Арзни (с 1927); впоследствии – действительный член Академии медицинских наук СССР, заслуженный деятель науки; известны его труды по проблемам кардиологии, сердечно-сосудистым неврозам. Вероятно, в РД речь идет о его монографии «История медицины в Армении от древнейших времен до наших дней» (Ереван, 1928).

[37] В материалах по исследованию мозга Андрея Белого содержится описание деятельности его сердечно-сосудистой системы: «Сердце всегда находили хорошим. До последнего времени, когда случился удар, атеросклероза не находили. Мог переносить высокий горный климат, и врачи ему это разрешали» (*Спивак М.Л.* Посмертная диагностика гениальности: Эдуард Багрицкий, Андрей Белый, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга: Материалы из архива Г.И.Полякова. М., 2001. С.249).

[38] Гарегин Левонян (1872–1947) – армянский филолог, искусствовед и художник; основатель и редактор литературно-художественного журнала «Гехарвест» («Искусство»; 1908–1913, Тифлис); автор ряда работ по армян-

скому фольклору; друг М.С.Сарьяна. «Левониан Гарегин Дживани. <...> Абовян, 92» (Записная книжка. Л.12-12об.). См. о нем: Сарьян. С.85-88.

[39] Аветик Саакович Исаакян (1875–1957) – армянский поэт, с 1943 – академик АН Армянской ССР. Ср.: «Аведик Исакиан. Живет в доме против Левониана» (Записная книжка. Л.12). Назван Белым среди тех, общение с кем в Армении летом 1929 подарило «ярчайшие моменты» (Переписка. С.635).

[40] Ср. запись в РД: «4-ое. <...> были у наркомпроса Мравьяна с Сарьяном (мой официальный визит ему: поблагодарить за комнаты, дачу в Дарачичаге, машину)» (Л.139об.).

[41] Александр Иванович Таманов (Таманян; 1878–1936) – известный армянский архитектор; окончил Петербургскую Академию художеств в 1904; академик архитектуры (с 1914), вице-президент Петербургской Академии художеств (в 1917), народный архитектор Армении (с 1924). С 1923 жил и работал в Ереване; один из организаторов и председатель (более 10 лет) Комитета по охране и изучению памятников древней архитектуры при Наркомпросе. Создал первый генеральный план реконструкции Еревана, проекты планировки Ленинакана, Эчмиадзина и др. В многочисленных зданиях, построенных в Ереване, использовал композиционные приемы русского классицизма, но чаще всего обращался к творческой переработке традиций армянского средневекового зодчества, используя породы местного камня. О нем см.: Лица 7. С.271 и 313, примеч. 107; Армения. С.11-12, 22-24; Сарьян. С.316-321.

[42] écrasant (*франц.*) – подавляющий, давящий.

[43] Фритьоф Нансен (1861–1930) – норвежский исследователь Арктики, почетный член Петербургской Академии Наук (1898), лауреат Нобелевской премии мира (1922). В 1925–1929 возглавлял комиссию по репатриации беженцев-армян в Советскую Армению, в связи с чем в июне 1925 посетил Ереван. Результатом поездки стала его книга «В Армении» (1927 – на норв. яз., затем – на англ. и франц. под назв. «Армения и Ближний Восток»). Летом 1929 Белый и К.Н.Васильева читали французское издание (*Nansen F.* L'Arménie et le Proche Orient. Paris: Imprimerie Massis, 1928). Ср. в РД: «4-ое. <...> Читаю: <...> Нансена ("L'Arménie et le Proche Orient")» (Л.140).

[44] Йозеф Стржиговский (Joseph Strzygowski; 1862–1941) – австрийский историк архитектуры. Речь идет о его книге: «Строительное искусство Армении и Европа» (Die Baumkunst der Armenier und Europa. Bd.1-2. Wien, 1918). О чтении Стржиговского см.: Переписка. С.647-649.

[45] *Имеется в виду Мамикон Артемьевич Кеоркьян (Кеворкьян) (см.: Записная книжка. Л.12)* – заведующий государственной публичной библиотекой в Ереване. Ср. в РД: «4-ое. Заход с Сарьяном в публичную библиотеку к Кеоркьяну» (Л.140). Ср. в «Путешествии в Армению» О.Мандельштама: «Я взял Фирдуси у государственного библиотекаря Армении – Мамикона Артемьевича Геворкьяна <...> Геворкьян красноречив, умен и любезен, но эрудиция его чересчур шумная и напористая <...>» (*Мандельштам О.Э.*

Собр. соч.: В 4 т. М., 1994. Т.3: Стихи и проза 1930–1937. С.205. В дальнейшем – Мандельштам).

[46] Лазаревский институт восточных языков основан в 1815 на средства семьи богатых армянских промышленников Лазаревых (Лазарянов). В 1807 была основана первая в Москве армянская типография, которая издавала словари, труды по истории Армении и др.; в 1815 в специально выстроенном особняке открылось училище (с 1835 – гимназия), которое с 1848 было преобразовано в Лазаревский институт восточных языков (в 1919 переименован в Армянский институт, затем в Переднеазиатский; с 1920 – Центральный институт живых восточных языков; в 1921–1954 – Московский институт востоковедения). В 1929 знаменитая библиотека Лазаревского института и хранившиеся там архивные фонды были перевезены в Ереван и сосредоточены в Ереванском университете и Государственной публичной библиотеке. О Лазаревском институте, его библиотеке и архиве см.: *Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых: Очерки. М., 1982.

[47] Ср. в *РД*: «4-ое. <...> Знакомство с пролет-поэтом Хореном ("Радио") <...>» (Л.140). Имеется в виду армянский поэт Хорен Радио, выпустивший в 1920–1930-х несколько поэтических сборников; до его знакомства с Андреем Белым вышла в свет одна книга: *Хорен Радио.* Военные песни: Сборник стихотворений (1927–1928 гг.). Ереван, 1928. По-видимому, Радио – псевдоним (возможно, этот молодой поэт принимал участие в организации радио в Армении: первая радиотрансляционная передача в Армении состоялась в 1927, первая радиостанция в Ереване была открыта 2 декабря 1929).

[48] По проекту А.И.Таманова построен «Народный дом» (Государственный театр оперы и балета им. А.Спендиарова; 1926–1953), Дом правительства (1926–1941) и др. здания.

[49] Кучино – подмосковный поселок, где Белый и К.Н.Васильева снимали комнаты в 1925–1931.

[50] Имеется в виду Библия.

[51] Ср. в РД: «5-ое. <...> Были на выставке армянского худ<ожника>, вернувшегося из Америки <...>» (Л.140). В 1928 вернулся из США в Ереван Фанос Погосович Терлемезян (1865–1941) – живописец, педагог, общественный деятель; один из основоположников индустриального пейзажа; в 1923–1928 он жил за границей (Турция, Иран, Франция, Италия, США); в 1941 его именем названо Ереванское художественное училище.

[52] Джульфа (Джуга) – поселок у границы с Ираном, на левом берегу реки Аракс; основан царем Тиграном I (VI в. до н. э.), в 1603 разрушен; с 1948 – город. Сохранились мавзолей Гюлистан (нач. XIII в.), руины средневековой церкви, мостов через Аракс, караван-сараев.

[53] Норк – возвышенность; район Еревана.

[54] Дарачичаг («долина цветов») – ныне Цахкадзор, курортный городок в 52 км от Еревана.

[55] Впервые Андрей Белый и К.Н.Васильева побывали в Сачхере во время их поездки с Тицианом Табидзе по Имеретии 14–16 мая 1928 (Лица 7. С.251-256), а затем в том же году прожили весь июнь в селении Схвитори, близ Сачхере (Там же. С.282-301).

[56] Еленовка (Севан) – поселок неподалеку от Дарачичага, вблизи озера Севан; одно из русских сел, основанных в 1840-х по линии главной дороги Тифлис – Ереван.

[57] Имеется в виду повесть «Тайфун» английского писателя польского происхождения Джозефа Конрада (Conrad; наст. имя Юзеф Теодор Конрад Коженёвский (Korzeniowski); 1857–1924). См.: *Конрад Дж.* Собр. соч. / Под ред. и с литерат.-критич. очерком Е.Ланна; Пер. с англ. А.В.Кривцовой: В 5 т. Т.2. Кн.1: Тайфун. М.; Л., 1925; *Конрад Дж.* Тайфун: Повесть / Пер. с англ. А.В.Кривцовой. М.; Л., 1927 (Универс. библ-ка). О чтении книг Дж. Конрада см. также запись от 17 июня 1929.

[58] Генри Финис Блос Линч (1862–1913) – ирландский географ-путешественник, арменовед, общественно-политический деятель. Дважды путешествовал по Армении (август 1893 – март 1894, май–сентябрь 1898). Результатом этих поездок стал его труд «Армения» в 2-х томах: Armenia: Travels and Studies. Vol.1-2. London; New-York; Bombey, 1901; на русск. яз.: Армения: Очерки и этюды. Т.1-2. Тифлис, 1910). См. также: Армения. С.12.; Лица 7. С.262, 270; 312, примеч. 102).

[59] Геродот (490/480 – ок. 425 г. до н. э.) – древнегреческий историк, прозванный «отцом истории». Автор сочинений, посвященных описанию греко-персидских войн с изложением истории государства Ахеменидов, включавшего большинство стран Ближнего и Среднего Востока. Ксенофонт (ок. 430–355 до н. э.) – древнегреческий историк и писатель; автор «Киропедии». Дарий I (522–486 до н. э.) – царь великой империи Ахеменидов, во время правления которого она достигла наивысшего могущества. См. об этом: *Линч Г.* Армения: Очерки и этюды. Т.2. С.84-90 и др. Ср.: «Об армянах говорят: Страбон, Плиний, Прокопий, Аммион Марцелл, Плутарх, Птоломей, Исидор, Геродот, Ксенофонт, Полибий, Цицерон <...> и т. д.» (Записная книжка. Л.11).

[60] Аштарак – поселок (районный центр; с 1963 – город) на реке Касах (Абаран). В Аштараке сохранились остатки четырех древних церквей, надгробий, а также каменный трехарочный мост XVII в. через реку Касах.

[61] Дорожные заметки Белого о поездке в Аштарак см.: Записная книжка. Л.16-20.

[62] Ашхарбек Агалоевич Лору Мелик-Калантар (1884–1942) – армянский историк-археолог, ученик и один из ближайших сотрудников Н.Я.Марра, участник археологических экспедиций в Ани.

[63] Комитет по охране и изучению памятников старины был образован в Ереване в 1921–1922 при участии М.С.Сарьяна, А.И.Таманова и др.

[64] Звартноц (церковь Св. Григория, храм «Бдящих сил») – храм в одноименном селе близ Эчмиадзина (641–661), памятник раннесредневековой армянской архитектуры; оказал большое влияние на все последующее разви-

тие национальной архитектуры Армении; разрушен землетрясением 988 года; сохранился в руинах. Рипсиме (Рипсимэ) – крестово-купольная церковь в Эчмиадзине (окончена в 618) – памятник раннесредневековой армянской архитектуры; хорошо сохранился, реставрирован в 1936. Первое посещение Звартноца и Рипсиме состоялось 20 мая 1928 (Лица 7. С.264-267).

[65] Гора Ара́ (Цахкеванк, или Араилер) около Еревана – по преданию (как и Араратская равнина), названа по имени Ара́ Гехеци́к, Ара Прекрасного, умирающего и воскресающего бога армянской мифологии, в эпосе – царя армянского государства. Семирамида (*ассирийск.*: Шаммурамат, Шамирам) – царица Ассирии конца IX в. до н. э. В древнеармянской мифологии Шамирам – богиня любви и сладострастия. Согласно мифу, не добившись любви Ара Гехецика, Шамирам идет войной на Армению; сражение между войсками происходит неподалеку от горы Араилер; после гибели возлюбленного в покоренной стране Шамирам строит на берегу озера Ван свою летнюю резиденцию Шамирамакерт (город Ван); с озером Ван связана и легенда о ее гибели. Именем легендарной царицы названы гора Семирамида и село Шамирам на юго-западе Аштаракского района.

[66] Касах, Занга, Ахурян – притоки реки Аракс. Ср.: «Село Аштарак повисло на журчаньи воды, как на проволочном каркасе. <...> Аштарак – селение богатое и хорошо угнездившееся – старше многих европейских городов. Славится праздниками жатвы и песнями ашугов. <...> В этом районе – фольклорная житница Армении» (Мандельштам. С.207-208).

[67] «Иохоннован 7 в. Надпись над входом 13 века. Сочетание колонн, полуколонки. С 7-го века. Сбоку оклад <?> земляной <?> (крепость) (сбоку церковки дверь). Над ущельем <?> куски барельефа (птица) (под монастырем – пещерка). Ущелье <?> красновато-бирюзово-розово-коричневое (винного цвета с зеленью и тенью). Внутри церкви при входе в <нрзб.> борьба (направо неправедники, отделены от Христа). Кружевные камни 7 в. (пристройки 13 в.). Придел 5 век, реставрирован; серо-коричнев<ый?> <нрзб.> с вишневыми пятнами (купол упал 1918 года <так!>). <...> с 1 века монастырь стал крепостью (нашествие 1063 года). Вдали над горой Ара Монастырь св. Варвары» (Записная книжка. Л.13об.-16). Архитектурный комплекс в Ованнаванке, в 5 км от Аштарака, включает базилику V в., храм XIII в., хачкары (см. ниже) VIII в.

[68] «Крестные» камни, хачкары – отдельно стоящие искусно орнаментованные надгробные камни, а также камни, ставившиеся в ознаменование исторических событий, побед, строительства крупных сооружений.

[69] Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982) – писательница, журналистка, краевед, автор мемуаров. Вероятно, К.Н.Бугаева имеет в виду описание армянских крестьянских домов в книге очерков М.Шагинян «Прогулки по Армении» (М.; Л., 1927. С.16-17, 21-23).

[70] «Замком Тамары» называют крепость (I в. до н. э.), находившуюся на скалистой горе над левым берегом Терека в Дарьяльском ущелье – в долине реки Терек, в месте пересечения Бокового хребта и Большого Кавказа.

[71] Церковь Георгия (1661) в селе Мугни Аштаракского района известна своим декоративным оформлением наружных стен и остатками росписей внутри. Ср.: «Церковь Могни (ящерица), в основе 7 в., переделана в 17 в. Цветной иконостас. Фрески начала 17 в.» (Записная книжка. Л.16об.).

[72] К посещению Аштарака относится следующая запись: «Красная церковь (Аштарак), 7 в. Камни хачкары у входа 12 в., надпись 7 в. в одну строку. Черепица сохранилась, 7 в.» (Записная книжка. Л.17). Ср.: «Аштаракская церковка самая обыкновенная и для Армении смирная. Так – церквушка в шестигранной камилавке с канатным орнаментом по карнизу кровли и такими же веревочными бровками над скупыми устами щелистых окон. Дверь – тише воды, ниже травы. Встал на цыпочки и заглянул внутрь: но там же купол, купол! Настоящий! Как в Риме у Петра. <...> Кому же пришла идея заключить пространство в этот жалкий погребец, в эту нищую темницу – чтобы ему там воздать достойные псалмопевца почести?» (Мандельштам. С.206-207). Часовня Кармравор (Красная, Багряная; VII в.) – единственный в Армении памятник с уцелевшей первоначальной черепичной кровлей; по периметру стен вырезана надпись; расположена на северо-восточной окраине города в окружении многочисленных хачкаров. Ср.: «...по количеству каменных надгробий Армения 2-ая страна после Египта» (Записная книжка. Л.15об).

[73] Эчмиадзин – один из древнейших культурных центров Армении (близ Еревана); существует со II в. до н. э.; во II в. н. э. – столица Армении (под названием Вагаршапат). Собор (313 г.) стал религиозным центром всех армян; здесь же – постоянная резиденция главы армянско-грегорианской церкви и духовная семинария. В Эчмиадзине и близ него расположены другие памятники древнеармянской архитектуры: Рипсимэ, Звартноц, Гаянэ и др. О предыдущей поездке в Эчмиадзин 20 мая 1928 см.: Лица 7. С.265–267.

[74] Ошакан – село на склоне горы Арагац в 30 км от Еревана, в 5 км от Аштарака, принадлежало Эчмиадзину; на окраине села два холма: Дити-Конд (Наблюдательный холм) с остатками древнейших жилищ и сооруженной из каменных глыб крепости; на вершине другого холма – большой могильник; пятиарочный мост XVII в. ведет через реку Касах. Император Маврикий (Mauritius; 539–602) – византийский император (с 582); родом из Каппадокии (древнее название местности на Востоке Малой Азии). Ср.: «Маврикий, импер<атор> Виз<антии> – *аштаракец*» (*Записная книжка.* Л.19). В Ошакане на высоком постаменте стоит колонна Морика (Маврикия) VII в. Неподалеку от нее сохранилось надгробие на могиле армянского просветителя Месропа Маштоца (361–440), создателя армянского и грузинского алфавита. Ср.: «...могила творца армянского алфавита Месропа Маштоца <...> она скрыта <...> под землей, в невзрачном подполье невзрачной часовенки» (*Эмин Г.* Семь песен об Армении: Очерк // Литературная Армения. 1967. №3. С.67).

[75] Ср. в РД: «7-ое. <...> Поездка в Аштарак и Иоганнован (мы с К.Н., Сарьян и профессор Коллонтар; сперва – осмотр остатков мамонта в отделе охраны пам<ятников>. Машина – вцикская: шофер прошлогодний знако-

мец, Вака; предгория Алагеза: гора Ара, гора Семирамиды; ущелье Касах, Аштарак: осмотр церквей св. Иоанна (Иоганнован), монастыря св. Варвары, Могни (7-ой век) (между Аштараком и Иоганнованом), "Красной церкви", Маринэ (в Аштараке); завтрак у крестьян; объяснения Коллонтара; осмотр древней крепости; священники; село Ошаган; возвращение чрез Эчмиадзин; разговор о Тораманьяне. Под Эриванью застигла буря (расстрел туч градобойными пушками)» (Л.140об.). Ср. в «Записной книжке»: «Ц<ерковь> Маринэ (теперь монастырь) <...> Крепостная церковь 5 века (в 11 веке превращена в крепость)» (Л.17об.-18об.). Церковь Маринэ (Мариам; 1281) с солнечными часами на южном фасаде и колокольней 1838 г. Самый древний памятник Аштарака – базилика Циранавор (Пурпурная; V–VI в.), или Покабедр (крепость Пока); играла роль военного укрепления. Рядом – церковь Спитакавор (Белая). Упоминается Торос Тораманян (1864–1934) – архитектор, основоположник научного изучения армянского зодчества; выполнил научную реконструкцию многих памятников (самая значительная – реконструкция храма Звартноц); его труды стали источником для Марра, Стржиговского и др.

[76] Александр Афанасьевич Спендиаров (Спендиарян; 1871–1928) – армянский композитор, дирижер и педагог; знакомый М.С.Сарьяна. Ср. в РД: «7-ое. <...> Вечером улизнули с концерта в память Спендиарова» (Л.140об.). 20 мая 1928 Андрей Белый и К.Н.Васильева посетили концерт памяти незадолго до этого умершего композитора (Лица 7. С.269).

[77] Томмазо Кампанелла (Campanella; 1568–1639) – итальянский философ, поэт. Имеется в виду его утопия «La cittá del sole» (1602; опубл. 1904); в авторском переводе на латынь – «Civitas Solis» (1623); в русском переводе – «Город Солнца» (1906). 2 мая 1920 Белый выступил с речью о Кампанелле и его утопии в Вольной Философской Ассоциации (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С.43-46).

[78] Ормузд (Ахурамазда, Агуро-Маздао, Ормазд), в иранской мифологии верховное божество зороастрийского и ахеменидского пантеонов; главный бог армянского пантеона иранского происхождения – Арамазд.

[79] Ср.: «...всей истории архитектуры запада <...> протоформа <...> – армянская церковь (или – выплав из персидских храмов, посвященных Ормузду: купол на квадрате); <...> – композиция, ощупываемая ясно в армянских памятниках (в Ани, Аштараке, Ване, Эчмиадзине и т. д.). <...> пресловутый арабский стиль <...> – явление позднейшее, коренящееся в армянской протоформе; сама она – синтез Персии; <...> Шт<ейнер> указывал на то, что подлинная форма – *воздушная*, а каменный каркас – *негатив*. И вот: разглядывая воздушные вырезы, я получаю зигзаг профиля первого Гетеанума. <...> Когда я глядел на модель Звартноца, то я недоумевал, где я видел эту форму; и потом вспомнил; эта форма – "Храм Солнца" утопии Кампанеллы...» (Переписка. С.647-650).

[80] Последняя строка стихотворения Вл. С. Соловьева (1853–1900) «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887); часто цитируется Андреем Белым и К.Н.Васильевой.

[81] Richtlinie (нем.) – основная, руководящая линия.

[82] Григор Ширмазян (1892–1964) – инженер-ирригатор, руководил технологическим факультетом Ереванского университета.

[83] Айгер-Лич – высокогорное озеро (853 м над уровнем моря) в северной части Араратской долины, у южного подножья горы Арагац; и одноименное село в Эчмиадзинском районе. О поездке в Айгер-Лич см.: Лица 7. С.268.

[84] Проспект Абовяна в Ереване, на котором жили Белый и К.Н.Васильева. Назван в честь Хачатура Абовяна (1805–1848) – армянского писателя, основоположника новой армянской литературы, педагога, этнографа.

[85] Grúndriß (нем.) – очертание, чертеж, план.

[86] Erlöserskirche, Hirten Kirhe (нем.) – Церковь Спасителя (1036) и Пастушья церковь (XI в.) в Ани. Ani (Ани) – замок и крепость на правом берегу реки Ахурян (Арпачай); в V–XVI вв. древнеармянский город; в X–XIII вв. – столица Анийского царства Багратидов; сохранились развалины (кафедральный собор, храм царя Гагика I (Гагикашен; 1001 г.) архитектора Трдата – крупнейшего зодчего конца X – начала XI в., которому, наряду с сооружениями в Ани, также принадлежит реконструкция купола собора Айя-София в Константинополе; церковь Апостолов, царский дворец, гостиницы и др.; на раскопках работали Н.Я.Марр, Т.А.Тораманян.

[87] Улица названа по имени Микаэла Налбандяна (1829–1866) – армянского поэта, философа, критика; основная работа – «Слово об армянской письменности» (1854).

[88] Сухой Фонтан (Фантан) – русское село в Ахтинском районе; как и Еленовка, расположено на главном пути Тифлис – Ереван; основано в первой половине XIX в.

[89] Herz zu Herz (*нем.*) – от сердца к сердцу.

[90] Ср. в «Записной книжке»: «Михаил Степанович Козеев. Село “Сухой Фонтан”» (Л.20).

[91] Ср. в РД: «12-ое. Утром долгий разговор с Хореном...» (Л.141). Общение с Хореном Радио не оставило Белого равнодушным: «Армения, утомив, дала ярчайшие моменты и в смысле общения с людьми (Сарьян, Ованесьян, Исакиан, пролет-поэт Хорен и т. д.)…» (Переписка. С.635).

[92] Гурген Маари (Гурген Григорьевич Оджемян; 1903–1969), Егише Чаренц (Егише Абгарович Согомонян; 1897–1937). Чаренц познакомился с Андреем Белым 22 мая 1928; вместе с ним был поэт и литературовед Гарегин Владимирович Бебутов (1904–1987), записавший слова Белого: «…нет стихотворных размеров Гете, Пушкина, а есть хореи и ямбы, а вот размеры Маяковского появились в начале XX века и властно пробивают себе в поэзии дорогу» (Бебутов Г.В. Отражения: Воспоминания, статьи. Тбилиси, 1973. С.96-100). Также см.: Лица 7. С.271; 313, примеч. 112; Армения. С.66.

[93] В тексте К.Н.Васильевой на месте многоточий оставлены пропуски. Возможно, об этом же идет речь в «Записной книжке»: «Арм<янская> поэ-

зия до Терьяна, в особенности до Чаренца, не была ритмична; арм<янское> стихосложение традиционно скорее основано на слоговом принципе с рифмами. Новые поэты ввели элементы тонизма. Арм<янские> слова в среднем длиннее. Определенные достижения в ритме у Чаренца. У Туманьяна ритмическое имеется <?>. <...> их на новый лад. Мáри ритмичен. Манук Аберьян, профессор, назвал это явление<м> нового ритма: по его мнению, это возврат к старому *языку*. Век тому назад, когда еще средневековые формы, окончившиеся лишь в начале XVIII века, были ритмичны, он связан с религ<нрзб.>; при разрыве появился светский язык, отвергнувший ритм; теперь возврат. <…> Новая русская поэзия влияла на новую арм<янскую поэзию> – влияла на <нрзб.> арм<янской> поэзии; субъективный момент…» (Л.20об.-22об.). Упоминаются поэт Ваан Терян (Ваан Сукиасович Тер-Григорян; 1885–1920), Е.Чаренц (см. примеч. 92) и фольклорист, историк литературы, профессор Манук Хачатурович Абегян (1865–1944; у Белого ошибочно: Аберьян).

94 Имеется в виду ритмическая кривая поэмы Пушкина «Медный всадник» (1833); ее изучение вылилось в исследование Андрея Белого «Ритм как диалектика и "Медный всадник"» (М.: Федерация, 1929). 11 мая 1929 Белый пишет П.Н.Зайцеву из Эривани: «…очень прошу по выходе "Ритма" выслать 3 экземпляра мне по адресу Сарьяна» (Андрей Белый и П.Н.Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Вып.14. С.453.). 18 мая Зайцев сообщает Белому об отправке ему книги и первые отзывы о ней (Там же. С.456-457).

95 Имеется в виду перевод, выпущенный в 1925 в Тифлисе.

96 Стихотворение В.Я.Брюсова «L'ennui de vivre» из его сборника «Urbi et orbi. Стихи 1900–1903 г.» (М., 1903. С.37-39).

97 Речь идет о книге очерков В.В.Маяковского (1893–1930) «Мое открытие Америки» (М.; Л., 1926). В 1926 Маяковский приезжал в Грузию (останавливался у Т.Табидзе) и выступал в театре им. Руставели с чтением стихов и докладом «Мое открытие Америки» (26 февраля).

98 Первые две части романа Андрея Белого «Москва» («Московский чудак», «Москва под ударом») вышли в 1926.

99 Имеется в виду «яфетическая теория» языка («Новое учение о языке») Николая Яковлевича Марра (1864/65–1934), востоковеда и лингвиста. Н.Я.Марр изучал кавказские языки, историю, археологию (в том числе занимался раскопками в Ани), этнографию Кавказа; опубликовал ряд древнейших памятников армянской и грузинской литератур. В своих трудах он доказывал, что языки многих народностей Кавказа составляют одну особую языковую семью, которую он назвал яфетической, а народы, говорящие на этих языках, – яфетидами; яфетиды, по Марру, являются наиболее древним населением Кавказа; кроме того, ученый утверждал, что все древнейшее население Европы, Средиземноморья, Северной Африки и Передней Азии было также яфетическим.

100 Первая книга мемуарной трилогии Андрея Белого «На рубеже двух столетий» (М.; Л.: Земля и фабрика, 1930). Работа над книгой продолжалась

с начала февраля по 11 апреля 1929. Уезжая на Кавказ, Белый передал в редакцию журнала «Красная новь» несколько отрывков из нее (Апостолы гуманности // Красная новь. 1929. №7. С.141-148; Кариатиды и парки // Там же. №9. С.107-148; Тимирязев и Анучин // Там же. №10. С.116-120) и оставил П.Н.Зайцеву доверенность на получение гонорара. Одновременно велись переговоры об издании книги. В письме от 18 мая 1929 Зайцев сообщает Белому об условиях договора с издательством «Земля и фабрика» (Минувшее. Вып.14. С.456, 457-459).

[101] С ежедневной политической и литературной газетой «Раннее утро» (1907–1918; Москва) в 1909 – 1910-х одновременно сотрудничали журналист Мартын Эммануилович Бескин, журналист и драматург Михаил Мартынович Бескин, опубликовавший под псевдонимом «Меб.» ряд стихотворных фельетонов, высмеивавших Белого (29 января, 17 февраля, 27 ноября, 11 августа 1909), а также Эммануил Мартынович Бескин (1877–1940) – театральный критик, редактор журнала «Рабис» (1927–1934), газеты «Театральная Москва» (1921–1922). Э.М.Бескину Белый вменял в вину травлю Мейерхольда и других талантливых режиссеров. В дневнике Белого, изъятом у писателя органами ОГПУ в 1931, записано: «Каждый номер “Литер<атурной> Газеты” расплев кого-нибудь: <…> матерная ругань, обещания стереть с лица земли всеми усовершенствованными орудиями ГПУ и всею силою мирового пролетариата. <…> Если перечислять, кого не оплевали за 2 года, то окажется, нет ни одного не оплеванного талантливого человека. <…> Не оплеван <…> Бескин, не написавший ни пьесы, ни стихотворной строчки, ни художественной строчки прозы и всю жизнь провонявший из газет. <…> Никто ничего не знает, он один может научить всех, у него у одного нет уклонов!» (ГАРФ. Ф.10035. Оп.2. Д.27006. Л.505-508 (запись от 12 мая 1930). Сообщено М.Спивак).

[102] Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874–1940) – актер, режиссер. О его встречах с Белым летом 1927 в Цихис-Дзири и Тифлисе см.: Лица 7. С.203-209, 303-304. См. также: Из переписки А.Белого: Письма В.Э.Мейерхольду и З.Н.Райх / Публ., вступ. статья и коммент. Дж. Малмстада // Новое литературное обозрение. 2001. №5(51). С.132-166.

[103] Ср. в РД: «12-ое. <...> в 6 пришел Сарьян; в 6½ пришли Атанасьян, армянский публицист (забыл фамилию), дочь Туманьяна…» (Л.141).

[104] «Схема эпох» – возможно, имеются в виду историософские схемы *Андрея Белого, в которых отражены антропософские взгляды писателя на этапы развития человечества. Но вероятнее, что речь идет о графической автобиографии-схеме «Линия жизни», изображающей этапы жизненного и творческого пути Андрея Белого от рождения до 1927 г. (хранится в Мемориальной квартире Андрея Белого); см. ее воспроизведение в кн.: Andrej Belyj.* Symbolismus. Antroposophie. Ein Weg. Texte–Bilder–Daten. Dornach, *1997. S.226-227. В ней отдельные периоды жизни («Гимназия», «Университет», «Жизнь у Штейнера» и др.) Белый называл «эпохами».*

[105] *Далее один лист вырван.*

[106] Шови – курортное место в Рачинском уезде, в 137 км от Кутаиси, на высоте 1600 м над уровнем моря.

[107] *Allemagne, Henry René d'.* Du Khorassan au pays des Backhtiaris, trois mois de voyage en Perse. Paris, 1911 – иллюстрированное издание в 4-х томах.

[108] Баш-Гарни (Гарни) – древнеармянская церковь и поселение в 27 км к востоку от Еревана (основано ок. II в. до н. э. на месте энеолитического поселения). Сохранились руины ограждавших стен, языческий храм (I в. н. э.), руины усадебно-дворцового комплекса (I–III вв.). Гехард (Гегард) – древний монастырь (основан в IV в.) в ущелье р. Гарни, в 40 км к юго-востоку от Еревана. Ср. в РД: «15-ое. Гехарт. Поездка в Гехарт через *Норк – Джерваж* – Вахчаберт – Гарни (К.Н., я, Сарьян, Люся Лазаревна). Изумительные ландшафты, камни, завтрак под деревом в Вахчаберте; отдых у крестьян в Гарни; поездка, полная приключений, в Гехарт; осмотр Гехарта; разговор с епископом; ночью гроза» (Л.141).

[109] Франц фон Штук (1863–1928) – немецкий живописец, скульптор и график.

[110] Вадим Т. – неустановленное лицо.

[111] Bekarrende – музыкальный термин, обозначающий повышение или понижение на полутон или целый тон ступени основного звукоряда без изменения ее названия. Название музыкальных терминов часто используются Белым и К.Н.Бугаевой. «Борис Николаевич любил выражать свою мысль в формах и терминах музыки. <…> Кроме постоянных и почти обиходных в устах его выражений: пауза, ритм, фермата, стаккато, crescendo и т. д., чаще и нужнее других были ему: контрапункт, тема в вариациях, фуга» (Воспоминания. С.41).

[112] Имеется в виду Иоаннес Мкртичевич Иоаннисян (1864–1929) – армянский поэт, переводчик. Андрей Белый встречался с ним 5, 13, 18 мая 1929. Общение с ним Белый называет одним из «ярчайших моментов» лета 1929. (Переписка. С.635). 5 октября 1929 Т.Табидзе сообщил Белому о его смерти: «…в Эривани умер старик Иоаннесян…» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.277).

[113] Имеется в виду роман английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма (W.S.Maugham; 1874–1965) «Луна и грош» («The moon and sixpence»; 1919) о французском художнике Поле Гогене (1848–1903). Речь идет об издании: *Могэм В.С. (W.S.Maugham*). Луна и шестипенсовик: Роман / Пер. с англ. З.А.Вершининой; Обл. Л.Хижинской. Л., 1928 (Библиотека Всемирной литературы).

[114] Гипербола, парабола, лемниската (от *лат.* lemniscatus – украшенный лентами) – разновидности математических кривых.

[115] О восприятии Белым философского трактата Л.Н.Толстого «О жизни» (1886–1887) как своего рода откровения см.: *Переписка.* С.178, 371.

[116] Глициния росла рядом с домом, в котором жил Сарьян во время своего пребывания в 1910 в Константинополе, и во дворе дома в Ереване (ул.

Рубени, 55) – и была постоянным объектом его живописи. См., например: «Глицинии» (1910; 63x65; Государственная Третьяковская галерея); «Глицинии» (1923; 20x27; собрание М.Тер-Григоряна, Москва). «Особенно хороши были цветы глицинии, которая карабкалась вьющимися петлями на балкон. К сожалению, я в свое время очень мало писал эти цветы. А то, что было мной написано, погибло в 1928 году по пути из Парижа во время пожара на пароходе. А красавица глициния высохла зимой 1932 года, в необычайную для Еревана зиму с 22-градусным морозом» (Сарьян. С.316). Здесь же, возможно, имеется в виду картина «Ереванский дворик весной» (1928; 72x107; Музей М.Сарьяна, Ереван), на которой изображен двор с глицинией на первом плане.

[117] См. работы М.Сарьяна: «Зимний день в Ереване» (1929 г., 70x70; Музей истории Еревана), «Осенний мглистый день» (1928; 59x73; Музей М.Сарьяна. Ереван), «Цветы» (1928, 70x69; Музей Сарьяна), «Ущелье Зангу» (1929, 70x70; Собрание Г.Эмина, Ереван), «Цветущие абрикосы» (1929, 52x72,5; Государственная картинная галерея Армении).

[118] Ср.: «...несколько характерных, часто повторяющихся общих принципов ритма можно назвать. Есть, например, ритм "взрыва" – в таких работах, как "Цветы" (28 г.) <...> – в них растения энергично и резко устремляются кверху, как будто их взметнула какая-то неведомая сила» (*Каменский А.* // Мартирос Сарьян: Живопись, акварель, рисунки, иллюстрации, театрально-декорационное искусство / Авт.-сост. каталога и альбома Ш.Г.Хачатрян, Л.Л.Мирзоян; Автор текста и биогр. канвы А.Каменский. Л., 1987. С.184; илл.122); «Активные в цвете силуэты форм (фрукты, цветы, сосуды) сцеплены в клубок, они как бы взрываются единым мощным движением. Цветы – взрывы...» (*Голицын И.* М.Сарьян // М.Сарьян. Цветы: Альбом / Сост. Л.Л.Мирзоян, Ш.Г.Хачатрян. М., 1987. С.15; илл. – с.127).

[119] Эвритмия – созданное Р.Штейнером на основе антропософских взглядов на человека искусство движения, пластически изображающее звуки, слова, стихотворную речь, музыку. Ср.: «...и – раздается сухое, воздушное, быстрое "h", произносимое, как русское "ха"; жест раскинутых рук (вверх и в сторону) – "h"» (*Андрей Белый.* Глоссолалия: Поэма о звуке. Берлин, 1922. С.8).

[120] Картина Михаила Александровича Врубеля (1856–1910) «Сирень» (1900; Государственная Третьяковская галерея).

[121] Ср. в РД: «18-ое. Был Ованесьян, повел к себе в сад...» (Л.141). Имеется в виду И.М.Иоаннисян.

[122] Правильно – улица Абовяна.

[123] Ср. в РД: «18-ое. <...> беседа с профессором Медникьяном об арм<янской> интеллигенции...» (Л.141). Возможно, в РД Белый ошибся в написании фамилии, и речь идет не о «Медникьяне», а о Якове (Акопе) Амазасповиче Манандяне (1873–1952), первом декане и ректоре Ереванского университета, профессоре (с 1926) древней истории; заслуженном деятеле наук (1935), действительном члене АН СССР (1939). Известны его

труды по социально-экономической истории и исторической географии Армении.

[124] *Эриванский народный университет открыт в январе* 1921, в 1923 переименован в Ереванский государственный университет, затем в 1930 был расформирован и вновь воссоздан в 1933.

[125] Н.Ф.М. – неустановленное лицо; возможно, известный актер Николай Федорович Монахов (1875–1936). О его связях с Украиной и Кавказом см.: *Монахов Н.Ф.* Повесть о жизни / Литерат. ред. и ввод. ст. С.С.Мокульского; Худож. ред. С.К.Абашидзе. Л., 1936.

[126] Ср. в РД: «18-ое <…> потом все вместе (Ованесьяны, К.Н. и я) пошли ужинать к проф. Акуньяну...» (Л.141). Акуньян О.А. (1869–1947) – химик.

[127] В РД Белый называет следующих участников этой застольной беседы: «Атанасьян, Айвазьян, Простосердов, какой-то армянский филолог, дамы, девицы, живой разговор и споры до 2-х часов ночи, моя дружеская схватка с Айвазьяном» (Л.141).

[128] Григол (Григорий Титович) Робакидзе (1884–1962) – грузинский прозаик, драматург, философ и публицист; теоретик и один из лидеров объединения «Голубые роги». Еще в 1919 Робакидзе опубликовал очерк «Андрей Белый» (Ars. Ежемесячник искусства и литературы (Тифлис). 1918. №2/3. С.49-61; вошел в кн.: *Робакидзе Г.* Портреты: Петр Чаадаев, Лермонтов, Василий Розанов, Андрей Белый. Тифлис, 1919), а познакомились писатели в Тифлисе 8 мая 1928.

[129] Ср.: «Душа сознательная в них молчит <…> один Роб<акидзе> подошел к темам самосознанья» (Лица 7. С.253-254).

[130] Verstándes-Séele (*нем.*) – душа сознающая.

[131] Bewúßtsein (*нем.*) – сознание. Эволюцию человека Белый, вслед за Р.Штейнером, рассматривал как эволюцию человеческого сознания: как развитие души ощущающей к душе сознающей и далее – к самосознающей.

[132] Тиридат (Трдат I; 66–100) – армянский царь парфянского происхождения, основатель армянской ветви династии Аршакидов; в 76 г. восстановил древнюю крепость, превратил ее в летнюю резиденцию. Языческий храм, единственный в бывшем Советском Союзе памятник древнего греко-римского искусства, построенный римлянами во время правления Трдата I, был разрушен при землетрясении 1679 года; восстановлен в 1969–1975 под руководством А.А.Саиняна.

[133] Михаил Алексеевич Фортунатов (1899–1984) – ихтиолог, руководитель Севанской станции по разведению форели.

[134] Виктор Викторович Гольцев (1901–1955) – критик, литературовед; товарищ председателя Московской ассоциации по изучению творчества А.Блока; позднее входил в оргкомитет СП СССР по связям с литературной Грузией; сын Виктора Александровича Гольцева (1850–1906) – критика, публициста, редактора журнала «Русская мысль» (с 1885). О В.В.Гольцеве Белый упоминает в письме к Иванову-Разумнику от 16 февраля 1924 (Пере-

писка. С.288). В воспоминаниях П.Н.Зайцева (авторизованная машинопись, хранится в музее «Мемориальная квартира Андрея Белого») находим следующую его характеристику: «В.В.Гольцева, который когда-то слушал лекции Бориса Николаевича, увлекался философией, изучал творчество А.Блока, а когда повеяло РАПП'ом и ВАПП'ом, стал полегоньку свертывать паруса и поворачивать свой кораблик по ветру, он <Андрей Белый> с насмешкой называет "Мальчик Витя"».

[135] Павле (Павел Иессеевич) Ингороква (1893–?) – грузинский писатель, литературовед, текстолог, историк-этнограф. О нем см.: Ветер с Кавказа. С.200-206; Лица 7. С.249, 310.

[136] Вельфинг или Вельзунг – возможно, по ассоциации с псевдонимом, под которым публиковался друг юности Андрея Белого, философ и музыковед, глава издательства «Мусагет» Эмилий Карлович Метнер (1872–1936).

[137] Железнодорожная станция Джаджур после Ленинакана по дороге Ереван – Тбилиси; дорога проходит по Джаджурскому перевалу.

[138] Тамара Григорьевна Яшвили – жена Паоло Яшвили; Нина Александровна Табидзе (урожд. Макашвили; 1900–1965) – жена Тициана Табидзе. Ср. в РД: «22-ое. Тифлис. Остановились в "Националь". <...> неожиданный заход к нам Н.А.Табидзе и Т.Г.Яшвили (увидели они нас издали, решили, что в "Националь"; и – накрыли с "поличным")» (Л.141об.).

[139] Ср. в РД: «22-ое. Тифлис. С вокзала к Сильниковой. <...> Вечером ждали Сильникову» (Л.14об.).

[140] Гогла (Георгий Николаевич) Леонидзе (1899–1966) – писатель, народный поэт Грузии, академик, директор Литературного музея. Познакомился с Андреем Белым летом 1927. Ср. в РД: «22-ое. <...> Вечером были у нас Леонидзе и Надирадзе. Леонидзе взялся схлопотать нам "*путевки*" в Шови...» (Л.141об.). Упомянут Колау (Николай Галактионович) Надирадзе (1895–1990) – грузинский поэт круга Т.Табидзе, автор воспоминаний о В.Маяковском.

[141] Тициан Юстинович Табидзе (1895–1937) – грузинский поэт, переводчик, основатель школы грузинских символистов «Голубые роги». Ср. в РД: «23-е. Тифлис. Встречи с Яшвили, Тицианом Табидзе. Вечером расплатились с отелем (ехать в Батум), а оказались перетащенными в квартиру Табидзе (Ниной Александровной); остались, чтобы добиться Шови. Вечером чай с "поэтами": Леонидзе, Надирадзе, Яшвили, Табидзе, их жены, Шаншиашвили» (Л.141об.). Т.Ю. и Н.А. Табидзе проживали в Тифлисе по адресу: ул. Грибоедовская, 18 (Записная книжка. Л.4об.).

[142] Григол и Елена Владимировна Робакидзе проживали в Тифлисе по адресу: ул. Гурамишвили, 10 (Записная книжка. Л.4об.).

[143] 12 ноября 1931 Г.Робакидзе писал С.Ю.Судейкину из Берлина: «Моя вторая жена тоже русская. Она сейчас со мной. Мы взяли с собой пятилетнюю девочку (она дочка сестры моей жены: сестра жены сгорела в Москве два года тому назад)...» (РГАЛИ. Ф.947. Оп.1. Ед.хр.236).

[144] Речь идет о романе Григола Робакидзе (на грузинск. яз.: Змеиная рубашка. Тифлис, 1926; на немецк. яз.: Das Schlangenhemd / Вступ. слово С.Цвейга. Берлин, 1928; на русск. яз.: Змеиная рубашка / Пер. с грузинск. К.Коринтэли; Вступ. слово С.Цвейга / Пер. С.Окропиридзе // Литературная Грузия. 1991. №1-4). Отвечая на письмо Андрея Белого с отзывом на это произведение, Робакидзе называет свой роман «Кожа змеи» (письмо от 17 декабря 1928 – РГБ. Ф.25. Карт.22. Ед.хр.6). Герой романа – художник Арчибальд Мекеш – скиталец, чужеземец в родной земле, возвращается после долгих странствий в грузинскую деревню Саирме, где находит могилу своего отца, встречает брата Вамеха и с возлюбленной Матаси остается в доме своего деда Саридана.

[145] Паоло Джибраелович Яшвили (1896–1937) – грузинский поэт, друг Т.Табидзе, один из основателей литературной группы «Голубые роги». П.Д. и Т.Г. Яшвили проживали в Тифлисе по адресу: ул. Джугашвили, 7 (Записная книжка. Л.4).

[146] Николай (Колау) Андреевич Чернявский (1892–1947) – поэт-футурист, входил в группу «41°», собиратель русского и грузинского фольклора, переводчик с грузинского. См. о нем записи за 16 и 18 августа 1929.

[147] Эллис (наст. имя Лев Львович Кобылинский; 1879–1947) – литератор-символист, один из ближайших друзей юности Белого, вместе с ним участвовал в создании кружка «аргонавтов», примкнул к последователям Р.Штейнера; разрыв отношений произошел на почве разочарования Эллиса в антропософии.

[148] Всеволод Николаевич Васильев (1883–1944) – брат П.Н.Васильева, первого мужа К.Н.Бугаевой; инженер-гидролог.

[149] Мцхет – небольшой древний город (основан во 2-й пол. 1-го тыс. до н. э.), районный центр, находится при впадении р. Арагви в р. Кура, на Военно-Грузинской дороге. Близ Мцхета на вершине горы находится храм Джвари (ок. 587–604), к которому примыкает церковь середины VI в. Мцхета Джвари.

[150] Ср. в РД: «28-ое. Уехали из Тифлиса. <...> Познакомились в вагоне с Абашидзе» (Л.142).

[151] В Гарцбурге Белый и К.Н.Васильева были в 1923. «Июнь проводим с К.Н. в Гарцбурге; здесь <...> твердо решаю вслед за уезжающей К.Н. вернуться в Россию» (Переписка. С.507).

[152] Fröhliche Làndschaft (*нем.*) – отрадная картина, радостный вид.

[153] Симфония №6 («Пасторальная»; 1808) Людвига ван Бетховена (1770–1827).

[154] Участок земли под Адлером был получен Белым в наследство от отца. Ср.: «...хорошо, что лишь теперь я увидел Адлер; иначе я все же жалел бы, что потерял здесь участок земли (в семи верстах от Адлера, в горах); по признакам, мне известным из рассказов отца, я установил: земля находилась в райски прекрасном месте, а я всю жизнь слышал: "Как жаль, что ваш уча-

сток около этого Адлера, а не около Сочь <так!> или Гагр". А Гагры мне менее понравились, чем Адлер» (Переписка. С.634).

[155] Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова; 1858–1922) – мать Андрея Белого.

[156] Николай Васильевич Бугаев (1837–1903) – отец Андрея Белого; математик, профессор и декан физико-математического факультета Московского университета.

[157] Ср.: «всю жизнь у меня было представление, что Адлер – унылое место, окруженное пыльными холмами, и что его значимость в том, что он лежит между Сочами и Гаграми; <...> оказывается: Адлер – чистенькое, милое селение-городок, весь в зелени, с прекрасным пляжем и с видом на цепь снежных вершин неописуемой красоты; мощи лесов, стволов – неописуемы...» (Переписка. С.634).

[158] Красная Поляна – курортный поселок в 52 км от Адлера. «Красная Поляна находится к югу от Сочи в расстоянии 75 километров, а от берега моря в 49 километрах. Расположена она в долине верхнего течения реки Мзымты, на высоте над уровнем моря приблизительно от 500 до 600 метров. Долина, на которой находится Красная Поляна, расположена в виде ряда террас на различной высоте до 1000 метров, окружена отрогами Кавказского хребта, высотой до 2500–3000 метров, с севера горой Ачишхо, с юга горой Аибга и с востока горой Чугуш» (Курорты Кавказа: Путеводитель по лечебным местностям и климатическим станциям Кавказа с экскурсионными маршрутами, картой и 34-мя рисунками / Под ред. Б.А.Богословского. Ростов-на-Дону, <1925>. С.185-186. Эта книга из библиотеки Андрея Белого, с его пометами, хранится в Мемориальной квартире Андрея Белого).

[159] Мзымта – река на Западном Кавказе (89 км); впадает в Черное море возле Адлера.

[160] Ср.: «...а 31-го мая оказались в Черноморском округе, в Сочинском районе, в Красной Поляне у грека Харлампия Николаевича Полихронова...» (Переписка. С.633).

[161] Имеется в виду рассказ Эдгара Аллана По (Рое; 1809–1849) «Падение дома Эшеров» («The fall of the house of Usher», 1839).

[162] Willkómmen (*нем.*) – добро пожаловать.

[163] Ср.: «С непривычки прогулки здешние нас утомляют. И виды, и просто плохие дороги: острые камни и еще более острые кочки. Не знаешь, куда смотреть: кругом или под ноги. От этого нервное напряжение. Нельзя идти и отдаваться гляденью...» (Лица 7. С.286-287).

[164] Санаторий до 1917 был царским охотничьим домиком.

[165] Государственный Кавказский заповедник. Ср.: «...рядом с Поляной – непочатая целина Заповедника (2 600 квад<ратных> килом<етров>), тянущаяся чрез хребет к северным склонам; и там бродят туры, остатки зубров, таятся барсы; и эта дичь и глушь брошена нам с горным ветром в лицо...» (письмо П.Н.Зайцеву, 7 июня 1929. – Минувшее. Вып.14. С.468).

[166] Подразумевается простота естественной жизни на природе, проповедовавшаяся Жаном Жаком Руссо (Rousseau; 1712–1778) – французским философом-просветителем, писателем.

[167] «Каменной болезнью» Белый и К.Н.Васильева называли свое увлечение собиранием камней в местах, где им приходилось бывать (в Коктебеле, Грузии, Армении). См. об этом: Воспоминания. С.144-145, 187-190; Ветер с Кавказа. С.14, 52-53; Переписка. С.304, 369.

[168] Из стихотворения Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829).

[169] В Швейцарии (Дорнах, Арлесгейм и др.) Белый жил с февраля 1914 по август 1916 (работал на строительстве антропософского центра – Гетеанума).

[170] «Казаки» – повесть Л.Н.Толстого (1863). В письме к Иванову-Разумнику от 26 июня 1929 Белый также вспоминает «Казаков» (Переписка. С.637).

[171] Известно, что Андрей Белый пользовался изданием: *Анисимов С.С.* Путеводитель по Кавказу. Кавказский край: Книга для туристов, курортных больных и торгово-промышленных деятелей. М., 1924. Ср.: «Зимою, в Кучине, <...> он изучал путеводитель (Анисимова) и карту Кавказа...» (Воспоминания. С.46). Упомянутая здесь «карта Кавказа» находится в музее Андрея Белого: Карта Кавказского края: Приложение к Кавказскому календарю на 1915 г. / Сост. и литогр. в воен.-топогр. отд. Кавказск. воен. окр. в 1903 г.; Печат. в 1914 г.). На обороте имеется надпись К.Н.Бугаевой: «Карта Кавказа, сопровождавшая нас во всех поездках»; здесь же остались следы красочных проб, память об акварельных «зарисовках» во время путешествия. Кроме справочника Анисимова, среди книг из библиотеки писателя, также хранящихся в музее, имеется ряд путеводителей, в том числе упоминавшиеся выше: Курорты Кавказа...; *Лежава Ш.* Курорты Шови (Рачинский уезд ССРГ) / Предисл. Н.Семашко. <М., 1928?>; а также: *Саркизов-Серазини И.* Спутник туриста. Л., 1927; все книги с пометами Андрея Белого.

[172] «O Mensch! erkénne dich!» (*нем.*) – «О человек, познай себя!» – рефрен из мистерии Р.Штейнера «У врат посвящения» (1910). Фрагмент мистерии Штейнера в переводе Белого см.: *Штейнер Р.* У врат посвящения: Розенкрейцерская мистерия / Публ. С.В.Казачкова // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.69-73.

[173] Псеáшхо – перевал через Главный (или Водораздельный) хребет Большого Кавказа.

[174] Из стихотворения Ф.И.Тютчева (1803–1873) «О чем ты воешь, ветр ночной?..» (начало 1830-х).

[175] Из стихотворения Ф.И.Тютчева «День и ночь» (1839).

[176] Антропософское общество (основано в 1913) объединяло последователей немецкого философа и мистика Рудольфа Штейнера (1861–1925).

[177] Ср. в РД: «6-ое. Кр<асная> Пол<яна>. Жара. Сонный перепек. Переживание жути перед мощью природы. Бурлю против М<арии> Я<ков-

левны> Ш<тейнер>» (Л.142). Мария Яковлевна Штейнер (урожд. Сиверс; 1867–1948) – последовательница и ближайшая помощница Р.Штейнера; с 1914 – его жена. Первоначально Белый боготворил Сиверс, подчеркивал ее «огромность в духовном плане», однако потом отношения с ней ухудшились и привели в 1923 к конфликту с немецким антропософским обществом в целом. Об этой травме см.: *Андрей Белый.* Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть на всех фазах моего идейного и художественного развития // Андрей Белый. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. статья и примеч. Л.А.Сугай. М., 1994. С.480-481.

[178] Риони (Рион) – река в Грузии (327 км), начинается на склоне Большого Кавказа, впадает в Черное море у г. Поти.

[179] Сурамский перевал – через Сурамский (Лихский) хребет в Грузии (высота 494 м). Через Сурамский перевал проходят железная дорога и шоссе.

[180] Ср. в РД: «9-ое. Встреча наша в аптеке с проф<ессором> Шмелевским. Наш чай у него; его дочь...» (Л.142).

[181] Белый считал, что М.Я.Штейнер сыграла негативную роль в его отношениях с западными антропософами (поддержала слухи о том, что он будто бы пишет роман «Доктор Доннер» с клеветой на Р.Штейнера) и, в конечном счете, косвенно способствовала его разрыву с первой женой – А.А.Тургеневой. Об истории отношений Белого с М.Я.Штейнер см.: *Спивак М.Л.* Андрей Белый – Рудольф Штейнер – Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. №4/5(252). С.44-68.

[182] Ср. в РД: «10-ое. Кр<асная> Пол<яна>. Прогулка к деревне Монашенки» (Л.142).

[183] «In ruhen der Léuchte-Glanz...» (*нем.*) – выше в тексте, по-видимому, дан перевод этой фразы: «Все раскрыто – и все в блеске покоя»; источник цитаты нам не удалось установить.

[184] Здесь и далее приводятся слова из Послания апостола Павла: «Теперь мы видим как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно...»(1 Кор. 13, 12).

[185] О пребывании Белого и К.Н.Васильевой в горной дачной местности Коджоры (Коджори) под Тифлисом, где они прожили с 6 июля по 9 августа 1928, см. в письмах Белого П.Н.Зайцеву (Минувшее. Вып.14. С.442-447) и Иванову-Разумнику (Переписка. С.603-605).

[186] Здесь и в других случаях, где идет речь об умении «увидеть» и «познать», используется и развивается теория художника Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина (1878–1939) о «науке видеть». Белый «пользовался этим выражением постоянно: на лекциях, в разговорах, в письмах; развивал и углублял его в книгах...» (Воспоминания. С.293).

[187] «Купина неопалимая» – в библейской мифологии горящий, но не сгорающий куст, в котором бог Яхве явился пророку Моисею, призывая вывести соплеменников в обетованную землю.

[188] Имеется в виду работа над романом «Маски» (1930).

[189] Возможно, несохранившееся открытое письмо и телеграмма от П.Н.Зайцева, на которые Белый отвечает письмом от 15 июня: «…получил и Вашу телеграмму, и Вашу открытку. Жду письма. <...> Вашу открытку, помеченную восьмым, получил уж 12-го» (Минувшее. Вып.14. С.469-471).

[190] Ср. в РД: «14-ое.<…> Неожиданное рождение двух мальчиков (у хозяйки и ее невестки)» (Л.142об.).

[191] Ачишхо́ – горный хребет на Западном Кавказе (высота 2391 м).

[192] Стихотворение В.С.Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами…» (1884). Ср. в РД: «17-ое. <…> Жест стихотворения Вл. Соловьева» (Л.142об.). В комментариях к переписке Белого и Зайцева (Минувшее. Вып.14. С.478) высказано предположение, что в РД говорится о часто цитируемом стихотворении Вл. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь…». Из сообщения К.Н.Васильевой ясно, что в записи под этой датой в РД имеется в виду стихотворение «В тумане утреннем…».

[193] Скорее всего, имеется в виду сборник рассказов Джека Лондона (наст. имя Джон Гриффит; 1876–1916) «Страшные Соломоновы острова» (Пер. с англ. З.Львовского. М., 1913; след. изд.: 1915, 1918, 1923, 1927); издавались также под названием: «Сказки южных морей» («South sea tales», 1911), в которые входил рассказ «Страшные Соломоновы острова» (см.: *Лондон Дж.* Полн. собр. соч.: В 22 т. / Под общ. ред. Евг. Кавальери. Т.14: Сказки Южных морей / Пер. Е.Уткиной; Под ред. Евг. Ланна. М.; Л., 1925). На Соломоновых островах происходит действие и других произведений Дж. Лондона: «Путешествие на “Снарке”» (1911); «Храм гордыни» (1912); «Джерри-островитянин» (1917); «Майкл, брат Джерри» (1917). Действие ряда произведений Джозефа Конрада также происходит в тех же краях (см.: «Лорд Джим», 1900; «Сердце тьмы», 1902; сборник «Рассказы о непокое», 1858, русск. пер. 1925; рассказ «Ностромо», 1904, русск. пер.1928 и др.).

[194] Андрей Белый и К.Н.Васильева примкнули к числу последователей Р.Штейнера еще до учреждения Антропософского общества и оставались ими до конца жизни, несмотря на то что в 1923 русское Антропософское общество было запрещено.

[195] Имеется в виду «символический» и более значимый, чем последующие разногласия, разговор М.Я.Штейнер с Белым и А.А.Тургеневой, состоявшийся в 1913 в поезде по дороге из Христиании в Берген: «Вагон наш бежал к ледникам; гребенчатая линия пиков сверкала осколками; веяли воздухи в лица; лазурные камни подкинулись к льдам – в ослепительном небе; и дверь отворилась: вошла она – та, кто стояла на гранях духовного мира, звала за собой <...> и, сияя глазами <...> сказала: – Да, Ибсен героев своих бросал в пропасть; он – Солнца не знал. <...> переживание духовного мига отметилось, запечатлелось <...> Странно отметились эти летучие миги» (*Андрей Белый*. Записки чудака // Андрей Белый. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Общ. ред. В.М.Пискунова. М., 1997. С.297-298). В Христиании и Бергене, где Белый слушал лекции Р.Штейнера, им было принято решение навсегда связать свою жизнь с антропософией. Этот пери-

од писатель считал кульминацией своего духовного пути. Горные пейзажи, которые он созерцал по дороге из Христиании в Берген, и «горные переживания» были осмыслены им тоже символически – как внешнее выражение возвышенного внутреннего состояния: «все началось в Христиании, поведя через Берген (через горы) к распятию: в Дорнахе. Но эти тернии принимаем; и не кончена сказочность странствий; наш путь – впереди» (Там же). См. также: *Андрей Белый*. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере. М., 2000. С.528-529. В дальнейшем – Воспоминания о Штейнере.

[196] Harmonische Acht (*нем.*) – гармоническая восьмерка; знак бесконечности; в эвритмии – название для определения эвритмической формы (напоминающей восьмерку или лемнискату), по которой выполняется ряд упражнений.

[197] Имеется в виду праздник Рождества святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (день летнего солнцестояния – 24 июня / 7 июля).

[198] О первом впечатлении от Казбека см. запись 4 июля 1927 (Лица 7. С.224-225).

[199] Ср. в РД: *«24-ое. <...>* Духов день. День зарисовок. Прогулка к Ачишхэ. Прогляды новых вершин. Вишневая гора. Мысли о горах – "горé" – горении...» (Л.142об.). Об этом см.: Переписка. С.637. Набросок Вишневой горы вложен К.Н.Васильевой в ее тетрадь с дневниковыми записями; встречается также в альбомах Белого среди кучинских и московских рисунков 1929–1932 годов (РНБ. Ф.60. Ед.хр.50, 51).

[200] В Коджорах и Цихис-Дзири Андрей Белый и К.Н.Васильева были летом 1927 и 1928. Кавказские рисунки и акварели Белого хранятся в ГЛМ и РНБ; их воспроизведение и о них см.: *Кайдалова Н.А.* Рисунки Андрея Белого // Андрей Белый. Проблемы творчества. С.597-605; Рисунки русских писателей XVII – начала XX века / Автор-сост. Р.Дуганов. М., 1988. №259-262.

[201] О каких письмах идет речь, нам неизвестно. Возможно, среди них было и письмо от П.Н.Зайцева от 11 июня, в котором он сообщал о своих семейных проблемах (Минувшее. Вып.14. С.470).

[202] Петр Николаевич Васильев (1885–1976) – врач, антропософ; с 1909 муж К.Н.Васильевой; развод с ним был оформлен только в 1931.

[203] Разумник Васильевич Иванов (псевд. Иванов-Разумник; 1878–1946) – критик, публицист, историк литературы и общественной мысли; близкий друг Андрея Белого. Вероятно, в этом, по-видимому, утраченном письме речь шла о трудностях с изданием его монографии о Салтыкове-Щедрине в издательстве «Федерация». См. ответ Белого 26 июня: «...с самой Москвы киплю волнением, что с Салтыковым "*не устроилось*"; сохраните же рукопись книги <...> да не смущается сердце Ваше биографической кривой; наше счастье, что молот жизни выковывает в наших душах стойкость: "Ныне *плачущие, как неплачущие...*" *И – "пишущие, как непишущие..."» (Переписка. С.636-637).*

[204] «Excelsior!» (*лат.*) – «Выше!»

[205] К письму Андрея Белого Иванову-Разумнику от 26 июня 1929 К.Н.Васильева сделала развернутую приписку (Переписка. С.640-641).

[206] Natúrmenschen (*нем.*) – дети природы; люди, живущие в ладу с природой, не отчужденные от нее.

[207] Вальс «Лесная сказка» – сочинение Василия Федоровича Беккера, военного капельмейстера, автора популярных вальсов и маршей, фортепьянной и оркестровой музыки. «Возвращение на родину» – возможно, имеется в виду сочинение Франца Шуберта на стихи из цикла «Возвращение на родину» (1823/1824) Генриха Гейне. Впрочем, судя по контексту, речь идет о каком-то популярном сочинении со схожим названием (возможно, марше А.Трофимова «Тоска по родине»).

[208] Описание двух сюжетов с носильщиками – на вокзалах в Рионе и Кутаисе см.: Воспоминания. С.265-271.

[209] Óни – город (с 1846) на р. Риони, райцентр (Рачинский уезд). Через Они можно было добраться до курорта Шови.

[210] Ср.: «…с Батума до Кутаиса – грозища, бурища; рой исключительных дорожных пакостей обрушивается: с Адлера до Кутаиса…» (Переписка. С.643); см. также письмо Зайцеву от 19 июля 1929 (Минувшее. Вып.14. С.479).

[211] Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) – писатель, литературовед. О встрече с ним в Тифлисе 29 июня 1927 см.: Лица 7. С.221. В очерках «Ветер с Кавказа» Белый предсказал возможность новой встречи со Шкловским, подобной той, что состоялась в Тифлисе в 1929: «Я ж люблю натолкнуться на Шкловского <…>. Куда б ни попал – вижу Шкловского <…> судьба занесет в Гималаи меня – с Эвереста сойдет Виктор Шкловский; и, не удивившись нисколько, продлит разговор <…> ответивши репликою на фразу, два года назад мной начатую <…>» (Ветер с Кавказа. С.181).

[212] Ср. в РД: «3-ье.<…> Был вечером доктор, бывший ассистент Кишкина, лечивший маму; он родом душетец; много слышал о моем дедушке, Бугаеве» (Л.143). Василий Константинович Бугаев – дед Б.Н.Бугаева, служил военным врачом «в маленькой крепостце, близ Душета» (*Андрей Белый.* На рубеже двух столетий. М., 1989. С.55–56 (в дальнейшем – На рубеже двух столетий); также см.: Ветер с Кавказа. С.203-205). Душет (Душети) – город в Грузии (с 1801), известен с 1215. В РД упоминается Николай Михайлович Кишкин (1864–1930) – московский врач, лечивший А.Д.Бугаеву.

[213] Работа по вычислению ритма поэмы «Кавказский пленник» (1821) Пушкина осталась незавершенной; сохранились записи вычислений и наброски «кривых» «Кавказского пленника» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.2. Ед.хр.5, 53). «Кавказский пленник» М.Ю.Лермонтова (1814–1841) – одна из его ранних юношеских романтических поэм (1828). Кроме записи в настоящем «Дневнике», никаких других письменных свидетельств, подтверждающих намерение Андрея Белого заняться ее исследованием, установить не удалось.

[214] Евгения Константиновна Николаева (1898–1940-е) – поэтесса, ученица Е.И.Васильевой (Дмитриевой) по поэтической студии «Птичник» (Ека-

теринодар, 1921). Белый встречался с ней летом 1924 в Коктебеле у М.Волошина. См.: Переписка. С.304, 307, примеч. 9.

[215] Запись словесных «натуралистических этюдов» см. в письме Белого к Иванову-Разумнику от 26 июня 1929 (Переписка. С.639).

[216] Цитируются слова из поэмы М.Ю.Лермонтова «Демон». У Пушкина в «Кавказском пленнике»: «И на челе его высоком / Не изменялось ничего».

[217] Мелитон – имя служащего в коджорской гостинице. См. запись за 11 июля 1929 и примеч. 244.

[218] Ср. в РД: «5-ое. <...> Вечером Яшвили пришел сказать, что машина, на которой должны были ехать в Шови, слетела под откос; много тяжело раненных» (Л.143); см. также письмо Зайцеву от 19 июля 1929 (Минувшее. Вып.14. С.479).

[219] Имеется в виду группа советских философов и естествоиспытателей (Л.И.Аксельрод-Ортодокс, И.И.Скворцов-Степанов, А.К.Тимирязев и др.), названных механицистами в 1920-е и обвиненных в целом ряде прегрешений: в сведении высших форм движения материи к низшим (к механическим и физико-химическим взаимодействиям), в недолжном, реакционном понимании принципов диалектического материализма, ревизии марксизма и т. п.

[220] Абрам Моисеевич Деборин (Иоффе; 1881–1963) – философ-марксист, с 1922 – главный редактор журнала «Под знаменем марксизма», академик (1929). В 1920-е он и его последователи, деборинцы, вели ожесточенную борьбу с «механицистами», извращавшими, по их мнению, основы марксистско-ленинской философии. В апреле 1929 на 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов деборинцы одержали победу над механицистами. Ср.: «Странно: возвращается давно минувшее, как самая животрепещущая современность; и я читаю споры деборинцев с механицистами и переживаю свою психологию студента-первокурсника в былых спорах о механицизме...» (Переписка. С.623). К.Н.Васильева в письме от 15 сентября 1928 сообщала Иванову-Разумнику: «А вечерами Б.Н. все сидит над Дебориным и К°. Интересно» (Там же. С.627, примеч. 12). Также см.: На рубеже двух столетий. С.170-171.

[221] Луарсаб Николаевич Андроникашвили (Андроников; 1870–1939) – юрист, адвокат; в 1918–1921 читал курс истории философии в Тульском педагогическом институте; «увлекательнейший рассказчик», по выражению его сына – литературоведа, писателя и мастера устного рассказа Ираклия Луарсабовича Андроникова (1908–1990). И.Л.Андроников вспоминал об этом вечере: «Андрей Белый с женой. Философские разговоры, споры. <...> Кроме него, к Тициану приглашены Шкловский, приглашен отец мой, который и меня взял с собой. Там уже Паоло с супругой. Вдохновенное бормотанье Белого. И очень резкий спор о Гегеле и о Канте с отцом. Помню радостное оживление Тициана! Ему интересно!» (*Андроников И.Л.* Всё живо...: Рассказы. Портреты. Воспоминания. М., 1990. С.231). Ср. в РД: «5-ое. <...> Вечером у Тициана народ и застольная беседа; Шкловский, Николаева, К.Н., Андроников с сыном, Робакидзе, Паоло с женой, Джавахишвили» (Л.143).

[222] 18-летний Галилео Галилей (1564–1642), студент Пизанского университета, наблюдая в Пизанском соборе за уменьшающимися качаниями люстры и отмечая время биениями своего пульса, пришел к выводу, что продолжительность малых качаний маятника не зависит от величины размахов. Об этом см.: *Андрей Белый.* Между двух революций / Подг. текста и комм. А.В.Лаврова. М., 1990. С.102 (в дальнейшем – Между двух революций); Переписка. С.460, 474, примеч. 52.

[223] Неточная цитата из стихотворения С.Есенина (1895–1925) «Поэтам Грузии» (1924/1925): «Дралися сонмища племен, / Зато не ссорились поэты...» О пребывании Есенина в Грузии и о дружеском поединке с Г.Леонидзе см.: *Бебутов Г.* Отражения. Тбилиси, 1973. С.53-54.

[224] «Иоанн Дамаскин» (1858), «Дон Жуан» (1859–1860) – поэмы Алексея Константиновича Толстого (1817–1875). «Русские стихи» – очевидно, имеются в виду баллады, былины, притчи, «песни» А.К.Толстого на темы русской старины и фольклора.

[225] Речь идет о книгах Андрея Белого: «Золото в лазури». М.: Скорпион, 1904 (1-я книга стихов); «Первое свидание». Поэма. Пб.: Алконост, 1921; «Пепел». СПб.: Шиповник, 1909 (вышла в декабре 1908); «Пепел». Стихи. 2-е изд., перераб. М.: Никитинские субботники, 1929. В переработанном виде Белый собирался издать их в сборнике «Зовы времен». См.: *Андрей Белый.* Вместо предисловия <к неизданному тому стихов «Зовы времен»> // Андрей Белый. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. и сост. Т.Ю.Хмельницкой; Подгот. текста и примеч. Н.Б.Банк и Н.Г.Захаренко. 2-е изд. М.; Л., 1966. С.560-568; *Андрей Белый.* <Предисловие к неизданному тому стихов «Зовы времен»> // Там же. С.568-569.

[226] Михаил Андреевич Великанов (1879–1964) – ученый-гидролог, профессор, академик (1939); директор Кучинской гидрологической станции.

[227] «Темперация» – один из многих музыкальных терминов, используемых Андреем Белым и К.Н.Васильевой; означает выравнивание (в музыке – интервальных соотношений между ступенями звуковой системы; музыкальный строй; от *лат.* temperatio – правильное соотношение).

[228] «Wohltemperierte Klavier» («Хорошо темперированный клавир») – собрание музыкальных пьес И.С.Баха, утвердившее современный музыкальный строй. Ср. с рассуждением в письме Белого к Иванову-Разумнику от 26 июня 1929: «"Wohltemperierte Klavier" Пушкина – временная "темперация" "шишковщины" ...» (Переписка. С.639).

[229] Речь идет о занятиях эвритмией.

[230] Имеется в виду статья критика, литературоведа Ж.Эльсберга (наст. имя Яков Ефимович Шапирштейн; 1901–1976) «Творчество Андрея Белого – прозаика» в журнале «На литературном посту» (1929. №11/12. С.34-52).

[231] Александр Константинович Воронский (1884–1943) – критик, прозаик, редактор журнала «Красная новь» (1921–1927). Имеется в виду его статья «Мраморный гром (Андрей Белый)» (*Воронский А.* Искусство видеть мир. М., 1928. С.115-150).

[232] Мандро и Лизаша – персонажи романа Андрея Белого «Москва», отец и дочь. Катерина и Колдун – персонажи повести Н.В.Гоголя «Страшная месть» (1832), отец и дочь. Ж.Эльсберг в статье «Творчество Андрея Белого – прозаика» сопоставляет «типичные проявления художественного метода Гоголя и Белого» (С.46). В частности, он отмечает следующее: «Укажем еще как на возможное, хотя довольно курьезное, проявление этого влияния на ситуацию Мандро–Лизаша и Колдун–Катерина в "Страшной мести". Сходство тут в том, что оба отца, шпионы и предатели своей родины, пытаются изнасиловать своих дочерей. А в характеристике Мандро, как "синегубого и синебородого мертвеца", проглядывает и некоторое прямое сходство Мандро с Колдуном-мертвецом Гоголя» (С.49).

[233] Hüte dich! (*нем.*) – Чур меня! Берегись!

[234] Сандро Илларионович Шаншиашвили (1888–1979) – грузинский писатель, поэт и драматург, заслуженный деятель искусств Грузии (1930); в 1926–1928 входил в литературное объединение «Арифиони».

[235] Алексей Сергеевич Петровский (1881–1958) – ближайший друг Андрея Белого поры студенчества в Московском университете, антропософ; историк, переводчик; работал в Библиотеке им. Ленина. Путешественники условливались «с Петровским встретиться в Шови...» (Переписка. С.643).

[236] У Анико и Котэ Абдушели (Абдушешвили) в поселке Схвитори близ Сачхере Белый и Клавдия Николаевна останавливались летом 1928.

[237] В 1927 Белый и К.Н.Васильева снимали в Цихис-Дзири две комнаты на даче Дмитрия Ивановича (1872–?) и Ольги Александровны Ростовцевых (см.: Лица 7. С.199-200).

[238] Сельма Лагерлёф (Lagerlöf; 1858–1940) – шведская писательница, лауреат Нобелевской премии (1909). Здесь, скорее всего, имеются в виду ее «Легенды о Христе» (см.: *Лагерлеф С.* Полн. собр. соч.: В 12 т. / Пер. М.Барсуковой, В.К., А.Койранского и др. М., 1909–1911. Т.9: Легенды о Христе. М., 1911); или – «Сказки и легенды» (Там же. Т.11. М., 1910).

[239] В 1917 Белый работал над исследованием «О ритмическом жесте», которое легло в основу книги «Ритм как диалектика и "Медный всадник"».

[240] Американский дирижер Владимир Савич, гастролировавший с оркестром по СССР в 1929, с 9 по 26 июля выступал с симфоническими концертами в Тифлисе. «Чуткий музыкант и большой мастер дирижерского искусства В.Савич» и его оркестр представили во время гастролей «свежую, незнакомую Тифлису программу (произведения И.Брамса, Ф.Листа, К.Вебера, Н.А.Римского-Корсакова и др.) и современные композиции Запада (П.Гренджера, О.Респиги)» (Заря Востока. 1929. 11 июля. С.156). Второе выступление оркестра 11 июля прошло «по смешанной программе: вступление к опере "Риенци" Вагнера, концерт Грига и 4-я симфония Чайковского» (Там же. 13 июля. С.158).

[241] Речь идет о Владимире Владимировиче Дмитриеве (1900–1948) – театральном художнике, заслуженном деятеле искусств РСФСР; в 1920-е ра-

ботал в ленинградских академических театрах, позднее – художником МХТ; переехал в Москву в 1930; ученик В.Э.Мейерхольда; оформлял ряд спектаклей, поставленных Мейерхольдом; был приглашен оформлять спектакль «Москва» по пьесе Андрея Белого, делал макет декорации к спектаклю. О планах и попытках постановки этой пьесы см.: *Мейерхольд В.Э.* Переписка. 1896–1939. М., 1976. С.265, 269; *Николеску Т.* Андрей Белый и театр. М., 1995. С.145; а также: Лица 7. С.206, 304, примеч.18.

[242] На первой странице тетради – не имеющий отношения к дневнику 1929 года текст рукой К.Н.Васильевой:

> «Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!» – : это значит привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Надобно быть подобно *мертвому* или совершенно глухому, или слепому при всех скорбях, клеветах, поношениях и гонениях, которые неминуемо приходят ко всем, желающим идти по спасительным стезям Христовым. – Св. Серафим читал Евангелие ежедневно: понед<ельник> – от М<а>тф<ея>; вт<орник> – от Марка; ср<еда> – от Л<уки>; ч<е>тв<ерг> – от И<оанна>; в остальные дни послания и апостолов.
>
> «Внутри вас есть царствие Божие и нудно <так!> есть оно и нудницы е<го> восхищают» (Лук. 17; 21. Мтф. 21; 12), т. е. те люди, которые, несмотря на узы греховные, связывающие их – презирая всю крепость этих связок греховных, нудятся расторгнуть их...
>
> *О молитве*... всякая добродетель, Христа ради делаемая, дает блага Духа Св., но более всего их дает молитва... на нее всегда возможность есть и богатому, и бедному... и здоровому, и больному, и праведнику, и грешнику. Молитва более всего приносит Духа Божия, и ее удобнее всего всякому исправлять.

Ниже дано пояснение К.Н.Васильевой: «(Эти выписки были сделаны в 1927 году)». Выписки перемежаются вольным пересказом фрагментов и мыслями К.Н.Васильевой по поводу прочитанного. Полностью текст см.: Святый Преподобный Серафим, Саровский Чудотворец: Его жизнь и подвиги, с приложением наставлений для монашествующих. М., 1990. С.22, 53, 57 и др.).

[243] См. в РД: «11-ое. Тифлис. <…> Заехали поэты с машиной; и мы взлетели с самоваром и чемоданами в Каджоры…» (Л.143об.).

[244] См. в РД: «11-ое. Каджоры. Оказались в наших прошлогодних комнатах; радостная встреча с Мелитоном» (Л.143). Ср.: «…мы устроились в Коджорах: в той же гостинице, в тех же 2-х комнатах, при том же нашем друге, Мелитоне» (Переписка. С.643). В письме из Коджор от 27 июля 1928 Белый отмечал: «Прожили в гостинице Наркомзема <...> одни во всей гостинице с уютным служителем Мелитоном...» (Минувшее. Вып.14. С.446); в «Переписке» – название гостиницы другое: «судьба подарила нас двумя чистейшими комнатами гостиницы "*Наркомздрава*", где мы – одни (гостиница открыта на днях)» (С.604); в 1929 Белый сообщает свой адрес: «Коджоры (близ Тифлиса). Гостиница "*Курорт*". №8» (Переписка. С.645).

[245] Трифон Георгиевич Трапезников (1882–1926) – историк искусства, после революции – сотрудник отдела охраны памятников при Наркомпросе;

один из руководителей и гарантов русского Антропософского общества, близкий друг Белого. Скончался 11 июля 1926 в Германии.

[246] Ср. дневниковую запись К.Н.Васильевой от 11 июля 1927: «Вспомнили Т<рифона> Г<ригорьевича>. Сегодня день его смерти. Год тому назад» (Лица 7. С.228). Эта традиция соблюдалась и в дальнейшем. Ср., напр., в письме к П.Н.Зайцеву от 11 июля 1930 из Судака: «сегодня поминаем Трифона Георгиевича» (Минувшее. Вып.14. С.491).

[247] Образ, восходящий к Ницше: «О, как же не стремиться мне страстно к вечности, к брачному кольцу колец – к кольцу возвращения!» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / Пер. Ю.М.Антоновского. М., 1990. С.200).

[248] Ср. описание Коджор в письмах Белого 1928: «Сейчас живем в Каджорах в 18 километрах от Тифлиса и в 1½ километрах по перпендикуляру вверх. <...> в 15 минутах ходьбы от нас вид уже совершенно географический: на севере – снежный хребет; на юге – горы Армении; на западе – Сурамский хребет; на северо-востоке – весь Кахетинский и из-за него – Дагестан; на юго-востоке <...> земли долины Куры <...> Военно-Грузинская дорога (долина Арагвы) видна почти до... Душета; Тифлис – маленькая рябь в бездне нижней; кругом, ниже, – сращенье хребтов и хребетиков; <...> поднимаемся на маленький холмик над нами, который – вершина огромной горы (Каджоры ютятся при вершине)» (Переписка. С.604); «Немного поднимешься и – сотни верст на ладони: от Казбека до Армении (с севера на юг) и от степей Азербейджана до Сурамского Хребта – с востока на запад <...> ¾ всей Грузии – на ладони...» (Минувшее. Вып.14. С.445).

[249] Имеется в виду греческий глагол «λάλέω» (инфинитив – «λάλέιν»).

[250] Изображение Удзо см. в альбоме рисунков Андрея Белого за 1929–1932 (РНБ. Ф.60. Ед.хр.50. Л.12); на листе помета К.Н.Васильевой: «Гора Удзо, В<оенно->Гр<узинская> Дорога, Б<ольшой> Хребет. Подарена мне. Моя любимая акварель».

[251] Имеется в виду начатая 3 июля 1929 в Тифлисе работа над вычислением ритмической кривой поэмы А.С.Пушкина «Кавказский пленник» (1821). Ср.: «По уши влез в счисление жеста кривой “Кавк<азского> Пленника” Пушкина; случилось, как бывает всегда с кривой ритма; вычислил вчерне в пять дней, а потом в месяцах буду пере-про-пере-вычислять и разрешать в полном одиночестве энное количество методолог<ических> вопросов. <...> нет тем по “темам”; все темы (пленник, черкесы, черкешенка) проходят по всем уровням; *верх* и *низ* – в изменении тональности произведения; нет образности, тональностям соответствующей; и еще: около средней (2,3) от 1,9 до 2,7 есть различия верха и низа, а далее – явный парадокс: “*то, что вверху, то и внизу*”; контраст – не в контрасте минимумов и максимумов, а в контрасте минимумов + максимумов с средними уровнями масштаба, что создает движение развертываемой спирали, которая в высших размахах становится восьмеркой» (Переписка. С.644). Там же приводятся некоторые графики.

[252] Ср. в «Кавказском пленнике» Пушкина: «О друг мой! – русский возопил, – / Я твой навек, я твой до гроба. / Ужасный край оставим оба, / Беги со мной…».

[253] Ср. там же: «В Россию дальний путь ведет, / В страну, где пламенную младость / Он гордо начал без забот…».

[254] Речь идет о персонажах пушкинских сказок: звездочет-скопец и шамаханская царица («Сказка о золотом петушке», 1834); царица, волшебное зеркальце, говорящее: «Ты, царица, всех милее, / Всех румяней и белее», королевич Елисей, получивший в приданое «Семь торговых городов / Да сто сорок теремов» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», 1833).

[255] Слова заключительного хора из оперы «Жизнь за царя» (музыка М.И.Глинки, либретто Е.Ф.Розена; 1836).

[256] Из поэмы Пушкина «Медный всадник» (1833).

[257] Ср. соображения Белого, изложенные в письме к Иванову-Разумнику: «И поднимается, как задание, тема: проследить эволюцию аккомпанемента кривых смыслам: от "Руслана и Людмилы" через все поэмы к концу; понять эволюцию эту – понять: кривая пушкинских ритмов – судьба Пушкина» (Переписка. С.645).

[258] «Невольник чести беспощадной» – характеристика героя «Кавказского пленника»; «невольником чести» называет самого Пушкина М.Ю.Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта» (1937).

[259] Со своей первой женой Асей Тургеневой Белый расстался в 1916 в Дорнахе, где жили Р.Штейнер и его последователи и где строился антропософский центр Гетеанум. Белый, призванный на военную службу, был вынужден вернуться в Россию; Ася осталась «при Штейнере». Только в 1921 Белому удалось получить разрешение на выезд в Германию, где он надеялся вновь и уже навсегда воссоединиться с Асей. Однако встреча супругов привела к полному разрыву отношений. Пребывая в состоянии крайнего отчаяния, Белый вернулся на родину и вскоре осознал, что уже давно любил «бескорыстной любовью» К.Н.Васильеву (см.: Переписка. С.348).

[260] Ср. слова Черкешенки из «Кавказского пленника»: «"Ты волен, – дева говорит, – / Беги!" Но взгляд ее безумный / Любви порыв изобразил. / Она страдала».

[261] Пури (*груз.*) – хлеб.

[262] Над анализом ритмической кривой поэмы Пушкина «Медный всадник» Белый начал работать еще в 1927. Результаты исследования и методологические принципы см. в его книге «Ритм как диалектика и "Медный всадник"». Ср. также: «"Кавк<азский> Пленник" выдвинул вовсе новую черту в жизни *кривых; кривая поэмы антипод* "Медн<ого> Всадника"; в последнем средний уровень разрезает точки высот на две темы: верх – Евгений; низ – Петр–Николай–Петербург–Всадник. В "*Кавк<азском> Пленн<ике>*" – ничего подобного; закон кривой явно выпечатан, а логически сформулировать его не умею: так он хитер и неуловим...» (Переписка. С.645).

[263] Ср.: «Ясно – две темы; и – контрапункт меж ними; т. е. – *отчетливая сонатная форма,* в которой контрапунктирует взаимоотношение уровней...» (*Андрей Белый.* Ритм как диалектика… С.178).

[264] Речь идет о стихотворении А.С.Пушкина «Туча» («Последняя туча рассеянной бури!..», 1835).

[265] Ср. наблюдения Пленника за мирной жизнью черкеса: «Ничто его не тяготит, / Ничто не брякнет; пеший, конный – / Всё тот же он…».

[266] Ср.: «На деву, молча, смотрит он / И мыслит: это лживый сон, / Усталых чувств игра пустая».

[267] Ср. в РД: «17-е. Волнуемся с К.Н. инцидентом с Китаем» (Л.143об.). Имеется в виду инцидент, связанный с борьбой СССР и Китая за право собственности на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), исторически принадлежавшую России. В «Правде» за 14 июля 1929 в официальной ноте Л.Карахана (зам. наркоминдел) сообщалось: «10 июля, утром, китайские власти произвели налет на Китайско-Восточную железную дорогу и захватили телеграф КВЖД по всей линии, прервав телеграфное сообщение в СССР, закрыли и опечатали без объяснения причин торговое представительство СССР <…>. Затем дубань дороги (председатель правления КВЖД) Люй Чжун-хуан предъявил управляющему КВЖД Емшанову требование передать управление дороги лицу, назначенному дубанем. <…> По всей линии КВЖД были закрыты и разгромлены профсоюзные и кооперативные организации рабочих и служащих дороги, а равно были произведены обыски и аресты, причем было арестовано более 200 граждан СССР <…>. Около 60 советских граждан <…> уже высланы из пределов Китая. Одновременно получены сведения о сосредоточении вдоль советской границы манчжурских войск, которые приведены в боевую готовность и пододвинуты к самой границе». В последующих выпусках «Правды» нагнеталась военная истерия: «Дадим отпор китайской военщине», «Руки прочь – иначе их отобьем!» (16 июля); «Наглая провокация китайских бандитов вызвала огромнейший взрыв негодования трудящихся всего Союза» (17 июля). Отказ Китая освободить арестованных людей и вернуть КВЖД вылился в вооруженный конфликт; равновесие на советско-китайской границе восстановилось в декабре 1929.

[268] См. в РД от 17 июля: «Приезд поэтов с Гогоберидзе, Пирумовым и другими "властями". Меня вовлекли в "беседу". Речи, панегирики. Компания пьяна (выпили они 65 бутылок Кахетинского). Условились с Табидзе и Яшвили, что они заедут за нами на авто и увезут в Кахетию» (Л.143об.). В РД упоминаются Елена Давыдовна Гогоберидзе-Лундберг (1897–1978) – переводчица, литературовед, жена критика и прозаика Евгения Германовича Лундберга (1887–1965), и Пирумов, государственный чиновник, занимавший, по-видимому, довольно высокий пост. Пирумов, вероятно, приехал в Коджоры навестить отдыхавшую здесь супругу, приехавшую одновременно с Белым и К.Н.Васильевой. См. запись в РД от 11 июля: «Заехали поэты с машиной; и мы взлетели с самоваром и чемоданами в Коджоры;

попутчица жена Пирумова» (Л.143об.). Некоторые сведения о Пирумове содержатся в публикации материалов из парижского архива Ильи Зданевича. См., например, письмо (сентябрь 1933 года) его брата Кирилла Зданевича с упреком в том, что Ильязд обратился к Пирумову за помощью: «…для меня было совершенно дико услышать, что ты послал телеграмму Пирум<ову> <…> какое дело ему до нас? Все равно, что послал бы телеграмму Пуанкаре, что ли, чтобы он дал тебе денег, или что-нибудь в этом роде» (Из архива Ильи Зданевича / Публ. и примеч. Р.Гейро // Минувшее. Вып.5. М., 1991. С.155). Возможно, имя этого большого начальника скрыто под литерой «N».

[269]*Доржелез Р., Жинью Р.* Машина для прекращения войны: Роман / Пер. с франц. Л.Савельевой. Л., 1926.

[270] Ср. в РД: «21-е. <…> Прогулка на вал и зарисовка с вала "Замка Разбойника"» (Л.143об.). См. также рисунок «Замок Разбойника» (РНБ. Ф.60. Оп.1. Ед.хр.50. Л.11). О прогулках к «Замку Разбойника» в 1928 см.: «За пропастью, по направлению Маглиса, замок повис.

– Был он "притчей" для всех: обитателя замка боялись; засел там разбойник: но тронуть не смели его. <...> умер он, перестали бояться его» (Ветер с Кавказа. С.179). См. также: Воспоминания. С.134.

[271] Михаэль Бауэр (1871–1929) – известный немецкий антропософ, один из ближайших сподвижников Штейнера. «В 1912 году про Бауэра уже говорили, что он один из первых по времени учеников доктора, ставших на самостоятельный путь, т. е. производящих самостоятельные духовные исследования. В период, мной проведенный близ доктора, он был один из *тройки*, руководящей всей деятельностью А<нтропософского> О<бщества> ("Тройка" – президиум); с 1915 года я удостоился счастья ближе узнать Михаила Бауэра, бывать у него, пользоваться его советами <...> то, что я получил от Бауэра, доктор сам мне не мог бы дать» (Воспоминания о Штейнере. С.382).

[272] Маргарета Моргенштерн (урожд. Гозенбрух фон Лихтенштерн; 1879–1968) – вдова немецкого поэта и антропософа Кристиана Моргенштерна (1871–1914). М.Бауэр умирал в ее деревенском доме в Баварии. «Странным образом сложилась судьба этой женщины. Еще молодой, выйдя замуж за Моргенштерна, она почти с первых же дней своего замужества превратилась в сестру милосердия: муж ее заболел той же медленно изнурявшей его болезнью легких, что и друг его Бауэр. Много лет провела фрау Моргенштерн у постели больного мужа. Когда он умер, на ее руках оказался русский профессор Т<рапезников>. <...> Но и после смерти Т<рапезникова> фрау Моргенштерн не получила свободы. Снова долгие годы принуждена она была вести жизнь отшельницы, не отходя от постели больного Бауэра» (*Чехов М.А.* Литературное наследие: В 2 т. М., 1995. Т.1. С.207). См. о ней также: Воспоминания о Штейнере. С.394.

[273] М.А.Чехов в 1928 уехал из России; в Германии он нередко останавливался у М.Моргенштерн, которая не только привечала его у себя дома, но

и субсидировала его театр в Париже. «Иногда перед сном фрау Моргенштерн и я бродили по тихим деревенским улицам. В одну из таких прогулок с фрау Моргенштерн я сказал ей, что еду в Берлин. Я заметил: она хотела мне что-то сказать, какая-то мысль тревожила ее.

– Может быть, вы отложите свой отъезд на два дня... <...> – Михаил Бауэр умрет послезавтра. Я хотела бы, чтобы вы были здесь в это время.

Она давно уже знала от Бауэра о дне его смерти. Даже о часе. Этот день приближался. Я остался. <...> День наступил. Я не мог подавить своего волнения. Приближался и назначенный час. Чтобы скрыть беспокойство, я на несколько минут вышел в сад, но, вернувшись, уже не застал Буэра в живых. Фрау Моргенштерн и я обмыли и одели его исхудавшее тело и до утра просидели около его постели. После кремации тела Бауэра я уехал в Берлин» (*Чехов М.А.* Литературное наследие. Т.1. С.210-211).

[274] Лидия Васильевна Каликина (1888–1955?) – близкая подруга К.Н.Васильевой, антропософка.

[275] См. примеч. 297, 298 к записи от 1 августа.

[276] Цейский ледник (Цей) – один из северокавказских ледников (протяженностью до 9 км), спускающийся с вершины Адай-Хох (ок. 2200 м), в долине реки Цейдона (Ардон).

[277] Geist seiner Seele... (*нем.*) – «Дух его души...». Словами «Духи ваших душ, действенные стражи...» Р.Штейнер в период Первой мировой войны нередко начинал свои выступления на разные темы. Впоследствии это обращение к индивидуальным ангелам-хранителям стало использоваться антропософами в качестве заупокойной или поминальной молитвы; в данном случае – за упокой М.Бауэра. «Сделали медитацию» – то есть исполнили ее эвритмически. Текст медитации см.: Rudolf Steiner-Gesamtausgabe. 1955-heuter. Dornach (Schweiz.). Bd.268. S.202.

[278] Рудольф Штейнер умер в результате болезни 30 марта 1925. Карл Унгер (1878–1929) – один из ближайших сподвижников Штейнера, председатель штутгартской ветви Антропософского общества – был убит 4 января 1929 душевнобольным человеком, Вильгельмом Кригером. Смерть обоих Белый осмыслял как факт мистический и символический: «Карма Унгера есть карма Гетеанума <...> а карма Гетеанума – в карме Рудольфа Штейнера, принявшего крест за наши болезни» (Воспоминания о Штейнере. С.535); «Пора бы бросить разговор о том, что *а<нтропосо>фы* почиют: разве зло мира сего не указывает истреблением доктора (почти факт), пожаром "Гетеанума", убийством Унгера, какой линии "дети" мы...» (Переписка. С.624).

[279] Лилей в семье Васильевых-Бугаевых и среди близких друзей называли поэтессу Елизавету Ивановну Васильеву (урожд. Дмитриеву; псевд. *Черубина де Габриак; 1887–1928). Она умерла 5 декабря 1928 в Ташкенте,* куда была выслана за приверженность антропософии (руководила работой антропософской группы *Ильи Пророка в Ленинграде). Е.И.Васильева и* К.Н.Васильева были замужем за родными братьями (соответственно – за Всеволодом Николаевичем и Петром Николаевичем Васильевыми).

[280] Grundsteinlegung (*нем.*) – буквально: закладка камня основания. В истории антропософского движения так назывались два важных события. Первое связано с началом строительства Гетеанума и непосредственно с закладкой первого камня в основание здания (20 сентября 1913). Второе – с проведенной Р.Штейнером реорганизацией антропософского движения и учреждением (то есть метафорической закладкой камня основания) Всеобщего антропософского общества на Рождественском собрании 1923. Упоминаемый К.Н.Васильевой текст был произнесен Р.Штейнером на заключительном заседании 1 января 1924 и впоследствии стал осмысляться как символическое выражение базовых антропософских представлений о человеке и мире: «Душа человека! / <...> Упражняйся в памятовании о Духе / В душевных глубинах, / Где в правящем / Бытии Создателя мира / Собственное Я (человека) / В Божественном Я / Пребывает; / И ты будешь поистине *жить* / В мировом существе человека / Ибо правит Дух-отец в высях, / В глубинах мира бытие порождая. / Серафимы, Херувимы, Престолы, / Дайте из высот прозвучать, / Что в глубинах найдет эхо; / Оно гласит: / ИЗ БОГА РОЖДАЕМСЯ / <...> / Да услышат это люди / <...> / Оно гласит: / ВО ХРИСТЕ УМИРАЕМ / <...> / Да услышат это люди / <...> / Оно гласит: / СО СВЯТЫМ ДУХОМ ВОСКРЕСАЕМ / <...> / Да услышат это люди...» (См. полный текст в переводе с немецкого Г.А.Бондарева в кн.: Anthropos: Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штайнера: В 2 т. / Сост. Г.А.Бондарев. М., 1999. Т.2. С.577-578).

[281] Mysterienstätte (*нем.*) – святилище, священное место, мистериальный центр.

[282] На горе Удзо находится древняя церковь; восстановлена в конце XIX в., включает части средневековой постройки.

[283] Подразумевается, по-видимому, тот период жизни Белого в Дорнахе (1915), когда писателю, болезненно переживавшему охлаждение отношений с женой, казалось, что оккультные «черные силы» атакуют его. Тогда Белый считал, что Михаил Бауэр его защищает: «Все чаще ко мне <...> просовывается лик Михаила Бауэра, который меня где-то ждет к себе и издали *тайно помогает*» (*Андрей Белый.* Материал к биографии / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Вып.8. М., 1992. С.462).

[284] Имеется в виду совпадение в 1929 «подвижного» праздника Духова дня (11/24 июня) и «постоянного» праздника Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (Иоаннов день), приходящегося на день летнего солнцестояния (24 июня / 7 июля). Белый и К.Н.Васильева отмечали Духов день по новому стилю (ср. в РД: «24-ое <июня 1929>. Кр<асная> П<оляна>. Духов день»), а Иванов день, вероятно, по старому.

[285] Гора Кер-Оглы названа по имени героя национального эпоса; на ней находится храм Кватахеви рубежа XII–XIII вв., бывший монастырь. В примечаниях к переписке Андрея Белого и П.Н.Зайцева ошибочно – Кер-Очлы (Минувшее. Вып.14. С.482).

[286] «При втором посещении Коджор рисование стало страстью. “Мастерская” Б.Н. расширилась. Из своей комнаты он уже въехал в мою. На всех столах появились в обилии блюдца с водой, бумажки с пробами красочных пятен, “ассортименты” красок, наборы кистей <...> во время прогулки карандашом набрасывал схему, размечая цвета и оттенки. Колорит же запоминал “наизусть”. Дома доделывал. И на это шли целые дни» (Воспоминания. С.130-131). Ср.: «...чем мы с К.Н. занимались в Каджорах, – с яростью, с самозабвеньем, с бессонными ночами? Зарисовывали и красили. <...> привез ряд “Каджор” (колоритов). <...> И это вовсе не важно, что получилась всякая юмористика (вместо рисунков); важно то, что осознавалось в процессе мазанья и ощупывания красок; <...> тут не искусство, а – познание; эта потребность к краске в нас, – то же, что былые потребности к собиранию камушков, листиков...» (Переписка. С.649).

[287] Этот разговор передан в мемуарах Белого (*Андрей Белый.* Из воспоминаний. «Начало века» («берлинская» редакция) / Публ. и коммент. М.Л.Спивак // Воспоминания о Штейнере. С.644). Там же (с.636-651) Белый подробно рассказывает про таинственные, мистические события, происходившие с ним и Асей Тургеневой в Брюсселе весной 1912 (спиритические стуки, сны, странные встречи и т. п.), подтолкнувшие их поехать к Штейнеру в Кельн (7 мая 1912).

[288] Манглис – грузинский курорт к западу от Тбилиси, «дачная местность для тифлиссцев» (Курорты Кавказа... С.234).

[289] *Уэллс Г.* Отец Кристины Альберты: Роман / Пер. с англ. К.М.Жихаревой, А.С.Полоцкой. М., 1926.

[290] Профессор Иван Иванович Коробкин, главный герой романа Андрея Белого «Москва», совершил математическое открытие, которое не захотел отдавать в руки тех, кто мог бы использовать достижения науки во зло; после жестоких пыток он попадает в клинику для душевнобольных.

[291] Из стихотворения А.С.Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829).

[292] Образ из стихотворения А.С.Пушкина «...Вновь я посетил...» (1835): «...На границе / Владений дедовских, на месте том, / Где в гору поднимается дорога, / Изрытая дождями, три сосны / Стоят – одна поодаль, две другие / Друг к дружке близко...». Другие образы – из стихотворений «Зимнее утро» («Мороз и солнце; день чудесный!..»; 1829), «Осень» (1833), «Зимняя дорога» (1826).

[293] *П.Н.Васильев, видимо, переслал Белому письмо от М.Л.Гофмана (1887–1957) – поэта, критика, литературоведа, который с 1922 жил в Париже и активно сотрудничал в зарубежной прессе. Ср. в РД от 1 августа 1929: «Письмо от Гофмана» (Л.144).*

[294] *Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) было создано в 1925. Сведения об упоминаемом журнале не обнаружены.*

[295] *«mystische Vorschwobenheit» (нем.) – мистический морок.*

[296] «Ich habe meine Sache auf Nichts gestellt» (*нем.*) – «Ничто – вот на чем я построил свое дело». Макс Штирнер (наст. имя Каспар Шмидт; 1806–1856) – немецкий философ, автор трактата «Единственный и его собственность» (1844). Процитированная фраза служит заглавием к вводной главе книги и выражает ее главную идею: «Бог и человечество поставили свое дело не на чем ином, как на *себе.* Поставлю же и я свое дело только на себе, ибо я, также как Бог, – ничто всего другого, так как я – мое "все", так как я – единственный» (*Штирнер М.* Единственный и его собственность. Харьков, 1994. С.9).

[297] Фантомом Р.Штейнер называл божественную идею физического тела человека, его «духовный формооблик»; именно в таком «фантоме» явился ученикам воскресший из гроба Иисус Христос (*Штайнер Р.* От Иисуса ко Христу. Калуга, 1994. С.177, 254-255 и др.). Ср. в интерпретации Белого: Воспоминания о Штейнере. С.512-513.

[298] Meister Iesus (*нем.*) – учитель, наставник Иисус. Здесь под тайной мейстера Иисуса, по-видимому, подразумевается антропософское толкование евангельских событий, согласно которому вхождение духовного существа Христа в тело Иисуса из Назарета и «мистерия Голгофы» изменили ход человеческого развития и открыли человеку путь к изживанию кармы. Ср. у Белого: «"*Иисус*" – "мейстер" кармы» (Воспоминания о Штейнере. С.531); <...> Иисус – "я", дошедшее до своей свободы от кармы; и в нем восстановлены все личности-личины в Личность собственно <...>. Вот почему Рудольф Штейнер и форму вечной жизни в Иисусе, не умирающей и пребывающей среди нас, дает в трудно понимаемом образе "Мейстера Иисуса", пребывающего в многих своих фантомах, в фантомах многих, избравших *свободно* путь, воистину человеческий. "Мейстер" он потому, что он-то и есть водитель в социально-индувидуальной мистерии, и индивидуально-личностной, – всех вместе, и – каждого порознь» (Воспоминания о Штейнере. С.512).

[299] Альберт Эдуард Приймби – отец Кристины, главной героини романа Уэллса. В результате занятий спиритизмом он, вообразивший себя воплощением древнего «Саргона», «царя царей», попадает в сумасшедший дом. Будучи вызволен оттуда Кристиной Альбертой, продолжает осознавать себя властелином мира и стремится к получению необходимых для этого знаний, но неожиданно умирает.

[300] Обозначение названия третьей мистерии-драмы Р.Штейнера «Der Hüter der Schwelle» (1912) – «Страж порога». Возможно, впрочем, что здесь речь идет о чтении не самой мистерии, а какого-нибудь другого сочинения Р.Штейнера о Страже порога.

[301] 1 августа – день обретения мощей св. Серафима Саровского.

[302] См. рисунок Белого с надписью К.Н. Бугаевой: «*Тифлис ночью* – вид с шоссе на Тифлис: "импрессия". – Рисунок по памяти. Коджоры 29 года» (РНБ. Ф.60. Ед.хр.50. Л.13).

[303] Höhepunkt (*нем.*) – высший пункт, кульминация.

[304] Это письмо от Петра Никаноровича Зайцева, по-видимому, не сохранилось. В ответном послании (13 августа 1929, из Тифлиса) Белый благодарит «дорогого, милого Петра Никаноровича» «за сердечнейшее письмо; оно живо радует» (Минувшее. Вып.14. С.481).

[305] Это письмо Иванова-Разумника не сохранилось. См. краткий ответ Белого от 13 августа 1929 из Тифлиса: «Дорогой Разумник Васильевич, письмо Ваше большое и открытку получил. Отвечу уже из Кучина» (Переписка. С.646); и подробный – от 30 августа 1929, из Кучина (Там же. С.646-653).

[306] Имеются в виду выписки из поэмы Николая Алексеевича Клюева (1884–1937) «Погорельщина» (1928), присланные Ивановым-Разумником в упомянутом выше несохранившемся «большом письме». Белый не разделил восхищение Иванова-Разумника поэзией Клюева и в ответе из Кучина (30 августа 1929) аргументировал свою позицию: «...стихи технически – изумительны, зрительно – прекрасны; морально – "*гадостны*" <...> идет дух мне неприемлемого, больного, извращенного эротизма <...> разит смесью "*трупа с цветущим жасмином*" <...> А поэзия его изумительна; только подальше от нее <...> я скорей с Маяковским; люблю его отмеренною, простою любовью: "*от сих до сих пор*" <...> не сердитесь на мое "нет" Клюеву? Ведь не оспариваю: прекрасно; но мне уже мало прекрасного; на 50<-м> году жизни хочу жить и "хорошим", как прекрасным» (Переписка. С.650).

[307] «Великан Риза» – персонаж произведения Андрея Белого (Северная Симфония (1-ая героическая). М.: Скорпион, 1904): «3. Бледным утром хаживал среди туч *великан Риза*. 4. Молчаливый Риза опрокидывал синие глыбы и шагал по колено в тучах» (*Андрей Белый*. Симфонии. Л., 1991. С.51). Ср.: «..."*великан Риза*" в Симфонии – не облако, а живое, стихийное существо <...> сперва он – "*становление*"; потом – "*ставшая форма*", завершение» (Переписка. С.488).

[308] 9-я симфония Людвига ван Бетховена (опус 125 ре-минор для четырех солистов, хора и оркестра на текст оды Ф.Шиллера «К радости»; 1823).

[309] Empfindung (*нем.*) – ощущение.

[310] Bewusstsein (*нем.*) – сознание.

[311] Камалока (*санскр.*) – термин индийской философии, усвоенный теософией и антропософией – место пребывания астрального тела человека после смерти, аналог католического Чистилища. Для Р.Штейнера и его последователей камалока – область «действенной душевной силы», где «происходит очищение той части души, которая жаждет дела» (*Штейнер Р.* Духоведение. Дорнах, 1927. С.113-114). Попав в камалоку, бесплотное существо человека, его «Я», осмысляет земную жизнь, явленную в воспоминаниях; от интенсивности и глубины осознания совершенных ранее поступков непосредственно зависят и дальнейшее развитие души, и последующее земное воплощение.

[312] Подробнее об этом см. в главе «Световая теория Гете и Рудольф Штейнер» в кн.: *Андрей Белый.* Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении

современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гете» (М., 1917). См. также: Воспоминания о Штейнере. С.39-110.

[313] Имеются в виду осложнившиеся отношения с Е.Т. и Н.Е. Шиповыми, хозяевами дома в Кучине, у которых Белый и К.Н.Васильева снимали комнаты. О тягостной «мещанской» атмосфере в Кучине Белый неоднократно писал Иванову-Разумнику (Переписка. С.629-630, 636). Ср. в РД: «Очень трудные напряженные отношения с Шиповыми, ставящие вопрос о том, можем ли мы вообще жить в Кучине» (Л.139).

[314] См. примеч. 280. Речь идет о грамматических формах (или схемах) – нарисованных на бумаге линиях, фиксирующих движения (хореографию) эвритмиста, изображающего на сцене звуки, ритм, смысл стихотворного или иного текста. Здесь имеются в виду эвритмические схемы на слова медитации «Закладка камня основания».

[315] См. в РД: «10-е. Каджоры. <...> Неожиданный приезд Паоло и Тициана. Долгий разговор вчетвером до 2-х ночи. Поэты взволнованы моим рассказом о “Брюсселе”» (Л.144об.).

[316] Подробное описание пребывания Белого и А.А.Тургеневой в Брюсселе весной 1912 см.: *Андрей Белый.* Из воспоминаний... С.636-651.

[317] Вероятно, имеется в виду Анна Рудольфовна Минцлова (1866–1910?) – одна из первых пропагандистов учения Р.Штейнера в России, близкая знакомая Белого, вдохновившая его идеей розенкрейцерского посвящения. Белый считал, что мистические «брюссельские феномены», приведшие его к Штейнеру, были еще в 1910 предсказаны Минцловой. См.: *Андрей Белый.* Из воспоминаний... С.637, 640; *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С.106-107.

[318] Шамше (Симон Константинович) Лежава (1876–?) – профессиональный революционер-большевик (см. его мемуарные книги: Революционная борьба и партийная работа. Т.1. Тифлис, 1932; Октябрьская революция и меньшевики: Воспоминания. <Тифлис>, 1929); инициатор создания высокогорного туберкулезного и бальнеологического курорта Шови (открылся в 1928). «Среди новых курортов быстро вырастает на наших глазах курорт Шови в Грузии. <...> причина его быстрого роста – энергия основоположника его, д-ра Ш.Лежава. Тов. Лежава узнал и полюбил Шови во время своей подпольной, революционной работы; тут он оценил все достоинства этой лечебной местности и приложил все усилия, чтобы “открыть” его другим, оборудовать и организовать его. Энергией тов. Лежавы эта лечебная местность стала курортом» (*Семашко Н.А.* Предисловие // Лежава Ш. Курорты Шови (Рачинский уезд ССРГ). <М., 1928?>. С.3). В 1907–1910 Лежава проживал за границей, где, по-видимому, и получил медицинское образование, досконально изучил курорты Европы и вернулся с идеей организовать аналогичный курорт в Грузии: «Мне на своем веку много пришлось путешествовать пешком по Европе <...> я очень подробно осмотрел много курортов и курортных мест <...> но впечатления, полученные мною на этих известных курортах, не сумели заглушить во мне убеждение о

том, что любое место в Рачинском уезде <...> не хуже, если не лучше названных курортных мест. <...> Вернувшись весной 1910 г. из эмиграции в Рачинский уезд, я энергично взялся за дело» (*Лежава Ш.* Курорты Шови. С.6-8).

[319] См. запись за 4 июня и примеч. 171.

[320] Ср.: «В прошлом году я, изучая карту Кавказа, открыл название одной местности – Шови <...> и тотчас прочел в газетах: "*Первого июля открывается новый курорт «Шови»*". Мы решили: надо попасть» (Переписка. С.642 и далее). Попасть в Шови Белому и К.Н.Васильевой не удалось.

[321] Покончить с тягостной жизнью в Кучине Белый и К.Н.Васильева смогли только в апреле 1931: они переехали в Детское Село к Иванову-Разумнику.

[322] Из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 6, строфа XXI).

[323] Ср. в РД: «13-ое. <...> вызвали терапевта – проф<ессора> Микеладзе; велел сидеть» (Л.144об.).

[324] Ниже – бóльшая часть листа отрезана; на обороте оставшейся верхней части листа продолжение записи.

[325] Интерпретация работы А.И.Герцена «С того берега» (1848–1849) взята К.Н.Васильевой из труда Иванова-Разумника «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.» (СПб., 1911): «С этой книги может вести свою эру народничество, так как мы находим в этом произведении не только отрицательную сторону – беспощадную критику западноевропейского мещанства, но и указание на положительные идеалы – веру в возможность иного, немещанского пути развития для России» (Т.1. С.381). Труд Иванова-Разумника в период с 1906 по 1923 выдержал шесть изданий, и не ясно, какое из них было у К.Н.Васильевой под рукой. Нижеследующий текст представляет собой частично конспект, но преимущественно – выписки из «Истории общественной мысли» (см. прежде всего главу «Герцен», а также главы «Содержание истории русской интеллигенции» и «Михайловский»). Приводимые ниже цитаты из различных произведений А.И.Герцена (1812–1870), Н.П.Огарева (1813–1877), Н.К.Михайловского (1842–1904) переписаны оттуда же.

[326] В «Истории русской общественной мысли» Иванова-Разумника далее следовало: «"<...> тело его" ("С того берега", гл.1). И только одна надежда не покидает Герцена – надежда на возможность особого социально-экономического пути развития в России» (Т.1. С.383).

[327] Лист отрезан.

[328] *Имеется в виду М.Джавахишвили (наст. имя Михаил Саввич Адамашвили; 1880–1937) – писатель, в 1926–1928 – глава литературного объединения «Арифиони».*

[329] *Ср. в РД: «15-ое. Утром припадок боли, температура, пульс. Весь день томился. К.Н. в волнении. Телефонировали проф. Микеладзе. <...>*

Прервали Джовахишвили <так!>. Потом Тициан. Потом Микеладзе. Пришел Яшвили; вечером веселый разговор впятером. Поэты рассказывали о своей юности, о дуэлях и пр.» (Л.145).

[330] Ср. в *РД*: «16-е <...> За чаем долгий разговор с Чернявским» (Л.145). О Н.А.Чернявском см. запись от 27 мая и примеч. 146.

[331] influer (*франц.*) – влиять.

[332] Местонахождение рукописи неизвестно. Ср. в РД: «Сентябрь <1929>. <…> Эти “*Мысли о Символизме*” начал было записывать в Каджорах, продолжив в Тифлисе; и в Кучине настолько увлекся ими, что они грозили оттеснить “*Москву*”» (Л.146); «…прошлой осенью написал о символизме около 300 страниц; что *есть* символизм, – нельзя сказать: никто не напечатает; чем был – можно» (Переписка. С.664); «Б.Н. записал ряд принципиальных мыслей о символизме. Правда, очень наспех (писал даже в вагоне) и начерно…» (письмо К.Н.Васильевой Иванову-Разумнику от 31 августа 1929. – Переписка. С.653, примеч. 34).

[333] Архангел Михаил (Михаэль), или Святой Михаил, понимается в антропософии как солнечный дух, дух времени, управляющий (с конца XIX в.) ходом исторического и личностного развития; в образе Михаила символически выражен спиритуальный аспект всего антропософского движения. Душевное умиротворение и освобождение от темных страстей, то есть внутреннее состояние, о котором пишет К.Н.Васильева, в антропософии также принято связывать с благим воздействием михаэлических сил, активность которых приходится как раз на осенний период. Здесь, по всей вероятности, речь идет о неозаглавленном стихотворном афоризме «Sonnenmächten Entsprossene…» Р.Штейнера из последней прочитанной им лекции (28 сентября 1924): «Отпрыски солнечных сил – / Светозарные, щедро оделяющие миры / Бесплотные силы! Вам предначертано / Помыслом богов служить лучами, облачением Михаила. / Он, Христов посланник, дарует в вашем лице / Носителя природы человека – святую мировую волю. / Вы, пречистые сущности миров эфира, / Вами глагол Христов относим человеку! / Так предстает провозвестник Христа / Жаждущим и чающим душам. / В них падает луч светоча вашего глагола / В мировом веке духа человека. / Вы, ученики духовного знания, / Вносите премудрость мановения Михаила, / Вносите любящий глагол мировой воли: / Деятельно – в число горних целей своих душ!» (пер. с нем. С.В.Казачкова).

[334] Ср. у Иванова-Разумника: «Человеческая личность – самоцель: эта формула этического индивидуализма», которая «рельефно и отчетливо ставится Герценом, принимая сейчас же характер, который можно было бы назвать “имманентным субъективизмом” или “*философско-историческим индивидуализмом*”, выражающимся в формуле: цель исторического процесса – настоящее» (История русской общественной мысли. Т.1. С.399).

[335] Иван Петрович Галахов (1809–1849) – друг Герцена; в работе «С того берега» в форме полемического диалога с ним построена первая глава («Перед грозой»). Далее цитируются суждения спорящих сторон.

[336] Страница вырвана.

[337] Имеются в виду письма Иванова-Разумника. Возможно, о нем и шла речь в уничтоженной К.Н.Васильевой записи.

[338] Sein (*нем.*) – существование.

[339] Ср. в РД: «18-ое. Весь вечер сидел Чернявский» (Л.145).

[340] Здесь имеются в виду «Антропософские руководящие положения» («Antroposophische Leitsätze»), сформулированные перед смертью Р.Штейнером в виде сжатых тезисов и публиковавшиеся в 1924–1925 в приложении к дорнахскому еженедельнику «Goetheanum». Русским антропософам эта работа, воспринимавшаяся как духовное завещание учителя, была известна в «самиздате». Современное издание см.: *Штайнер Р.* Антропософские руководящие положения. Путь познания антропософии. Мистерия Михаила. М., 1996.

[341] Ср. в РД: «19-ое. <...> Читал Тициану о символизме» (Л.145). См. также письмо Т.Табидзе к Белому от 5 октября 1929: «Вспоминается Ваш "Кавказский Пленник" и последнее чтение о символизме» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.277).

[342] Запись за 20 августа в РД подробнее: «Послали 2 телеграммы (Зайцеву, П.Н.Васильеву). Запись о символизме. Дорисовка эскиза к Кер-Оглы. Вечером пришли Е.Д.Гогоберидзе и А.И.Чхеидзе. Вспоминали Ковно, Берлин» (Л.145).

[343] Далее текст обрывается, продолжение дневника отсутствует. Записи за 21–24 августа (отъезд из Тифлиса и возвращение в Москву) находим в РД: «21-ое. Утром явился Яшвили с машиной; поехали на вокзал. Трогательное прощание. Вагон. Уехали: в международном вагоне; пишу о символизме. Читаю том Голичера (автобиограф<ические> воспоминания). К.Н. ослабла: ей душно. 22-ое. Вагон. Едем с комфортом: жара – тропическая. Запись о символизме. 23-ье. Вагон. Таганрог – Харьков. Запись о символизме. У америк<анской> делегации, едущей с нами, украли часы. За Харьковом выбили камнем стекло вагона. 24-ое. Вагон. Жара – та же. Тула. Подъезжаем к Москве» (Л.145-145об). В тексте упоминается изд.: *Голичер А.* Жизнь современника / Пер. с нем. К.Вейдемюллера и В.Мининой; Под ред., со вступ. ст. и примеч. К.Кейдем. М.; Л., 1929.